

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 – 2812

1/98

Китайско-российские отношения
в свете 5-го саммита

●
Японо-российские отношения:
прорыв в XXI век

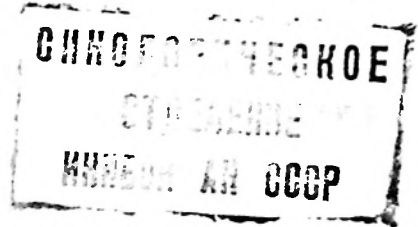
●
40-летие Общества российско-
китайской дружбы

●
Россия в АТЭС

●
Элиты и демократизация
в России и Китае

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/98

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

<i>Ли Фэнлинь. Китайско-российские отношения в свете 5-го саммита в Пекине.....</i>	3
<i>Такэхиро Того. Японо-российские отношения: прорыв в XXI век.....</i>	7

К 40-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Поздравление Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина.....	18
Поздравление Всекитайского правления Общества китайско-российской дружбы.....	19
<i>Г.Куликова. Славный юбилей.....</i>	19

ПОЛИТИКА

<i>В.Кистанов. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу "азиатским путем"?.....</i>	28
<i>Дж.Гарвер. "Дальневосточный Рапалло": российско-китайское стратегическое партнерство после холодной войны.....</i>	40
<i>Ян Пакульский, Хэ Баоган. Национальное самосознание, элиты и демократизация: сравнение России и Китая.....</i>	48

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Н.Крецу, А.Коротченков. Инвестиционная деятельность в Приморском крае.....</i>	62
---	----

ЭКОНОМИКА

<i>И.Наумов.</i> Понятие “сяокан” и проблемы подъема народного благосостояния (окончание).....	69
<i>Л.Бони.</i> Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни.....	82
<i>О.Борох.</i> Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории.....	96

ИСТОРИЯ

<i>М.Крюков.</i> Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву “странным эпизодом” советско-китайских отношений начала 20-х годов (окончание).....	106
<i>Е.Белов.</i> О вводе русских военных отрядов в Китай в 1911-1913 гг.....	117

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>Г.Тягай.</i> История Кореи конца XIX - начала XX вв. по русским архивным источникам (окончание).....	123
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>А.Желоховцев.</i> Тема социальной несправедливости в современной китайской литературе.....	130
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.Марков.</i> Международная конференция в Иркутске.....	142
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.Ломанов.</i> Ян Скоггард. Местная динамика в послевоенном развитии Тайваня. Религиозные и исторические корни предпринимательства.....	146
<i>В.Павлятенко.</i> В.Н.Бунин. Новый этап в развитии японо-американского союза безопасности (на рубеже XX-XXI вв.).....	150
<i>А.Семин.</i> Л.М.Гудошников, К.А.Кокарев. Политическая система Тайваня.....	154

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 70-летию профессора Л.М.Гудошникова.....	156
--	-----

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (заместитель главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Китайско-российские отношения в свете 5-го саммита в Пекине

© 1998

Ли Фэнлинъ

5-й по счету китайско-российский саммит, проходивший с 9-го по 11-е ноября 1997 года, явился, несомненно, крупнейшим событием не только в истории отношений между Китаем и Россией, но и в истории мировой дипломатии.

Стратегическое партнерство в действии

На стыке веков происходят серьезные изменения в международной ситуации. Стремление к миру и стабильности, к сотрудничеству и развитию стало веянием эпохи. Ученые и дипломаты задумываются над концептуальными основами мироустройства после окончания холодной войны.

Проследивая процесс поступательного движения китайско-российских отношений за последние годы, не трудно заметить, что каждая встреча в верхах поднимала эти отношения на новую ступень. А наши лидеры, Цзян Цзэминь и Б.Н.Ельцин, сумели подняться выше сиюминутной ситуации и заглянуть в будущее не только наших стран, но и развития мировой обстановки в целом, как бы задавая общий тон перестройке отношений между крупными державами.

И весьма знаменательно, что 5-й китайско-российский саммит проходил на фоне небывалой активизации мировой дипломатии. Равноправное доверительное партнерство между Китаем и Россией, направленное на стратегическое взаимодействие в 21-м веке, - это очень емкая формула, которая, наполняясь все новым содержанием, уже стала реальностью в наших отношениях.

Вспомним Соглашение между пятью странами об укреплении доверия в военной области в районе границы, затем Соглашение о взаимном сокращении военных сил в районе границы протяженностью 7 тыс. км. Вспомним Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, которая вызвала большой резонанс во всем мире.

Плодотворное сотрудничество Китая и России по ряду важных международных вопросов говорит о том, что Китай и Россия, как влиятельные державы, способны сыграть важную позитивную роль в защите всеобщего мира и содействия международному сотрудничеству. Китайско-российское стратегическое партнерство, не направленное против каких-либо третьих

Выступление 4 декабря 1997 г. на совместном заседании ученого совета ИДВ РАН, а также правлений Общества российско-китайской дружбы, Ассоциации китаеведов РАН и Российского общества солидарности народов Азии и Африки Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в Российской Федерации Ли Фэнлинъ.

стран, не исключает возможность установления партнерских отношений между другими странами.

Более того, если между крупными державами мира будут установлены партнерские отношения, то это пошло бы на пользу всеобщему миру и стабильности. Как мы понимаем, партнерство предполагает, во-первых, поддержание партнерских, а не враждебных отношений; во-вторых, такие отношения строятся с учетом стратегии, то есть долговременных интересов, а не конъюнктуры; в-третьих, такие отношения не направлены против других и не претендуют на гегемонию.

Одно событие, происходившее во время Пекинского саммита, практически было обойдено в российских СМИ. Я имею в виду первое заседание китайско-российского Комитета мира, дружбы и развития. Событие это чрезвычайно важное, потому что упомянутый Комитет призван помогать укреплению и расширению общественной базы китайско-российских отношений добрососедства.

Граница мира на вечные времена

Крупным событием международного масштаба стало завершение демаркации границы между Китаем и Россией на ее восточной части. Этот факт был подчеркнут в Совместном заявлении, подписанном главами государств по итогам очередного саммита.

Значение этого события трудно переоценить. Впервые за многовековую историю мы будем иметь юридически оформленную, четко обозначенную на местности со всеми атрибутами (1170 пограничных столбов и т.д.) границу на протяжении 4200 км. И очень хорошо сказал в этой связи Б.Н.Ельцин окружавшим его журналистам сразу по прибытии в аэропорт Пекина, что "только ради этого стоило приехать в Пекин".

И действительно, этот фактор долговременный, который благоприятно скажется на жизни не одного поколения людей. Это большой вклад в дело укрепления дружбы и добрососедства между двумя странами.

По оставшимся 55 км западной части границы, где, кстати, у сторон никогда не было никаких споров, стороны договорились провести демаркационные работы в согласованные сроки.

Всем известно, что решение пограничных проблем потребовало многих лет упорного труда тысяч людей, в том числе дипломатов, экспертов, представителей местных органов, пограничников, речников, топографов и т.д. Решение пограничных вопросов между двумя крупнейшими странами на самой протяженной границе в духе взаимного доверия, уступчивости, с учетом интересов обеих сторон может послужить хорошим примером подлинного добрососедства и проявлением стратегического взаимодействия. Надо воздать должное и нашим лидерам, которые своим авторитетом, своим размахом решили самую сложную проблему в отношениях двух стран, сделали нашу общую границу линией мира и дружбы.

В этой связи представляется чрезвычайно важным посещение Б.Н.Ельцина города Харбина, столицы соседней с Россией провинции Хэйлунцзян, на которую приходится почти 3 тыс. км общей с Россией границы.

Новый аэропорт Харбина (он вступил в строй совсем недавно) впервые встречал такого высокого гостя. По всему маршруту следования президентского кортежа, по обеим сторонам улиц стояли люди, которые вышли приветствовать главу дружественного государства. На одной из оживленных улиц Ельцин вышел из машины и пообщался с народом. Люди протягивали ему

руки, громко произносили слова приветствия, просили сфотографироваться. С одним жителем города Ельцин побеседовал. Мне харбинцы говорили потом, что такого у них давно не было.

Очень продуктивно прошла встреча Б.Н.Ельцина с представителями деловых кругов, в том числе с губернаторами приграничных регионов обеих стран. Губернаторы встретились в Харбине за день до приезда Б.Н.Ельцина и выработали практически согласованную позицию по расширению приграничного сотрудничества, которую они и изложили Президенту России. Это, в частности, ускорение строительства моста через реку Амур, открытие в приграничьи зон взаимной торговли. Б.Н.Ельцин тут же дал поручение Первому заместителю премьер-министра России Б.Немцову решить эти вопросы. Эта встреча, несомненно, послужит новым импульсом для развития торгово-экономических отношений приграничных регионов.

Экономическое сотрудничество вступает в новый этап

Экономическое сотрудничество было, естественно, одной из ведущих тем пекинского саммита.

В огромной массе позитивных откликов в российских СМИ по поводу саммита экономическая тема выделяется неудовлетворительной тональностью. Вот характерные высказывания: за дипломатическим прорывом не устремляются экономические "обозы", документов подписано много, а будет ли это "планов громодье" выполнено? Или очень ехидные: Пекин и Вашингтон - сотрудничество без сантиментов; Пекин и Москва - сантименты без сотрудничества. Думаю, авторов всех этих высказываний объединяет одно благородное стремление подтягивать наше экономическое сотрудничество.

Прежде всего следует констатировать, что обе стороны не удовлетворены нынешним уровнем экономического сотрудничества, считают неиспользованным огромный потенциал. В последние годы обе стороны, зная причины отставания экономического сотрудничества, прилагают большие усилия для выправления такого положения. Выявились проблемы, которые не решишь кавалерийским наскоком. Это требует времени и терпения, скажем, для выработки правил игры, для взаимной адаптации, для устранения боязни риска, словом, для создания инфраструктуры.

Кроме того, мы должны исходить из реального положения экономики как в Китае, так и в России, и избавиться от устаревших стереотипов, связанных с экономическим сотрудничеством двух стран в прошлом. И то, о чем договариваются главы государств, и те документы, которые подписаны, в частности, во время пекинского саммита, как раз направлены на то, чтобы создать совершенно новые условия, обеспечивающие подъем экономического сотрудничества. Так что и "обозы" готовы, нужна только смазка, чтобы они устремились в путь, и сантиментов в избытке, и сотрудничество вступает в качественно новый, более высокий этап.

Меморандум о взаимопонимании по основным направлениям экономического и научно-технического сотрудничества между Китаем и Россией, подписанный во время Пекинского саммита, говорит сам за себя.

Здесь определены на межправительственном уровне основные направления сотрудничества. Это торгово-экономическое сотрудничество, финансы, энергетика, машиностроение, транспорт, космос, наука и техника.

В рамках выполнения этого документа уже осуществляются некоторые крупные проекты. Так например, по Ляньюньганской АЭС до конца 1997г.

должен быть подписан генеральный контракт, после чего начнутся строительные работы.

Интенсивно ведутся работы по реализации Восточного (из Иркутской области) и Западного (из западной Сибири) проектов газопровода на китайский потребительский рынок. Это будет стройка веков. Причем по Восточному проекту будут приглашаться к участию заинтересованные сопредельные государства.

Далее, взаимные поставки энергетического оборудования. Россия принимает участие в ряде международных тендеров на поставки энергооборудования в Китай. Пожелаем ей успехов.

Можно отметить создание совместных предприятий на территории России и Китая, например, Китайская компания Хуавэй по производству телекоммуникационной продукции в городе Уфа, крупный проект строительства скоростных судов в Китае и т.д.

Всем известны нарекания по поводу плохого качества китайских товаров, поступающих на российский рынок через челночный бизнес. Чтобы выправить такое положение китайской стороной принято решение открыть в Москве супермаркет китайских товаров, а также торговый центр для оказания помощи крупным китайским фирмам на российском рынке.

Большое значение имеет сотрудничество между субъектами РФ и провинциями Китая. Юридической базой для этого может послужить межправительственное Соглашение, подписанное во время Пекинского саммита.

Можно перечислить еще много областей, где налаживается сотрудничество между нашими странами, что дает основание говорить о качественно новом этапе торгово-экономических отношений между двумя странами.

Японо-российские отношения: прорыв в XXI век

© 1998

Такэхиро Того

"Встреча без галстуков" между премьер-министром Японии Рютаро Хасимото и президентом России Борисом Ельциным, которая состоялась в Красноярске 1-2 ноября 1997 года, стала весьма значительным событием в истории японо-российских отношений. Она принесла весомые результаты, стала в известной степени прорывом как на политическом, так и на экономическом направлении взаимоотношений наших стран.

Как известно, в прошлом позиции Японии и СССР были жестки до непримиримости. В ответ на категорическое нежелание Советского Союза признавать наличие спорного вопроса в отношениях с Японией, наша страна была вынуждена проявлять не менее твердый подход, увязывая развитие экономических связей с решением политических проблем. Теперь, к счастью, ситуация коренным образом меняется. Россия твердо ступила на путь демократии и реформ, глубокие преобразования произошли и во всей системе международных отношений. Основы для развития сотрудничества и нормальных дружеских отношений появились и между нашими двумя странами. Подписанная в октябре 1993 года во время визита президента Ельцина в Японию лидерами двух стран Токийская декларация о японо-российских отношениях стала тем прочным фундаментом, на основе которого мы совместными усилиями можем и должны разрешить территориальный вопрос, подписать долгожданный мирный договор и вступить в XXI век добрыми и надежными партнерами в сфере международной политики и экономики.

1. Евразийская дипломатия премьер-министра Хасимото

Развитие японо-российских отношений за последний год ознаменовалось важными вехами. Одной из них, безусловно, стало выдвижение премьер-министром Японии Р.Хасимото новой смелой внешнеполитической концепции, получившей название "Евразийская дипломатия". Выступая 24 июля 1997 г. в японском Обществе экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай), Хасимото обосновал эту концепцию необходимостью учесть радикальное изменение всей международной обстановки и решить задачу обеспечения политической и экономической стабильности в мире и создания нового международного порядка. Главной особенностью современной эпохи, наступившей после окончания холодной войны, наш премьер считает прекращение военного противостояния между СССР и США и завершение идеологической конфронтации между либерализмом и коммунизмом. В экономической сфере стираются национальные границы, что приводит к углублению взаимозависимости различ-

ных стран и регионов. "Интернационализация экономической деятельности привела к углублению взаимозависимости различных стран и регионов и тем самым породила проблемы, которые не имеют простых решений. Но одновременно с этим такая интернационализация несет в себе возможности для поддержания мира, поскольку разрыв отношений со своими партнерами грозит теперь гораздо большими потерями, чем прежде", - заявил Хасимото.

"Основополагающая цель японской дипломатии состоит в поддержании мира и процветания в АТР. Я считаю, однако, - заявил премьер, - что в связи с огромными переменами в международных отношениях после холодной войны японская дипломатия вступила в весьма ответственный период, когда она должна шире раздвинуть горизонты внешней политики в направлении АТР и выработать новые внешнеполитические подходы. Я хотел бы назвать эти новые подходы "Евразийской дипломатией".

В Азиатско-Тихоокеанском регионе, который является ключевым для японской политики, важное влияние на региональные мир и стабильность оказывают кроме нашей страны также США, Китай и Россия. "В отношениях между Японией и Российской Федерацией есть ряд сложных проблем - таких, как проблема Северных территорий. Есть проблемы и в отношениях между Японией и Китаем... Тем не менее мы понимаем, что в развитии этих двух крупнейших держав есть ключ к установлению международного порядка в настоящем и будущем. ...Наступило время активно развивать конструктивные отношения с Россией и Китаем."

"В четырехсторонних взаимоотношениях между США, КНР, Японией и Россией, оказывающих важное влияние на мир и стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона, японо-российские отношения выявляют самое большое отставание в развитии". В этой связи, по словам Р.Хасимото, "улучшение двусторонних отношений - одна из самых приоритетных задач, которые должны решить правительства обеих стран на пороге XXI века". На саммите "большой восьмерки" в Денвере наш премьер поделился мыслями о необходимости всемерного развития двусторонних отношений и сотрудничества с Борисом Ельциным и получил его твердый ответ: "Да, сделаем так".

Согласно "Евразийской дипломатии" Хасимото, отныне основу японской политики в отношении России будут составлять три принципа.

Первый принцип - доверие. Истоки и традиции доверия и дружбы между японцами и русскими восходят к середине XIX века. Премьер Хасимото привел такой пример. В 1855 году, когда мы вели нелегкие переговоры о заключении первого в истории японо-российского мирного договора, Трактата о торговле и границах, с делегацией адмирала Е.В.Путятина, цунами уничтожило фрегат "Диана", на котором прибыла в Японию российская делегация. Несмотря на всевозможные трудности политического характера, на разницу культур, обычаев и языков, японцы и русские совместными усилиями построили шхуну "Хэда", на которой делегация Путятин вернулась домой после успешного подписания договора. Кстати говоря, об этом интересном и поучительном эпизоде японо-российских отношений в нашей стране недавно был создан полнометражный мультфильм "Трудная дружба", видеозапись которого премьер Хасимото вручил президенту Ельцину в Красноярске. Сейчас изучается возможность показа этого фильма россиянам. Полтора века назад совместный труд и общение японцев и россиян помогли успешно преодолеть негативные стереотипы и недоверие. Сейчас эти стереотипы и недоверие предстоит разрушить нам, современным гражданам Японии и России. Ведущая роль в этом отводится государственным лидерам. "Я думаю, что и межгосударственные отношения, в конечном счете, не могут развиваться, если от-

существуют отношения искреннего доверия у тех людей, которые сидят по обеим сторонам стола". Еще на саммите в Денвере Хасимото и Ельцин почувствовали зарождение взаимной человеческой симпатии, а на красноярской "встрече без галстуков" в душевной и непринужденной атмосфере дружеский контакт между ними окреп настолько, что лидеры без труда перешли на "ты". Разумеется, доверие и дружба между руководителями государств и правительств еще не означают установление таких же отношений между народами двух стран. Однако они не только облегчают решение на официальном уровне многих вопросов японо-российских отношений, но и создают основу для расширения контактов, взаимодействия и сотрудничества двух стран на самых различных уровнях, вплоть до простых японцев и россиян, и, следовательно, семена доверия падают на благодатную почву.

Второй принцип - это взаимные интересы. По словам Р.Хасимото, "Япония и Россия являются соседями и обладают сильным влиянием, поэтому совершенно очевидно, что возможно появление множества аспектов, в которых нужно будет скоординировать интересы двух стран. В подобной ситуации я вовсе не думаю, что подход, при котором одна из сторон получит одностороннюю выгоду или окажутся победители и побежденные, способен принести полное решение проблем". Хасимото обратил пристальное внимание на то, что "президент Ельцин проявил разумный подход, неоднократно подчеркивая, что в процессе окончания холодной войны между Востоком и Западом нет ни победителей, ни побежденных."

И, наконец, третий принцип - это принцип долгосрочной перспективы. Мы стоим на пороге XXI века. "Улучшение японо-российских отношений должно создать прочную основу, направленную в XXI век, необходимо, чтобы, начиная с XXI века и в последующие века, они развивались и достигались по наследству поколениям наших детей и внуков. Для этого правительства и народы двух стран вместе должны хорошо подумать, какие отношения нужно выстроить между нашими странами для наших детей и внуков, и какова ответственность, которую должно нести "наше поколение".

Касаясь того, как все эти три принципа "Евразийской дипломатии" Хасимото могут быть применены к разрешению проблемы Северных территорий и заключению таким путем мирного договора между Японией и Россией, премьер Хасимото отметил: "Существует хороший пример, когда благодаря принципу доверия удалось продвинуть одну из самых трудных проблем - проблему переговоров по выработке рамок для договоренности о промысле японскими рыболовными судами в районах у четырех островов. За прошедшие три года участники переговоров прямо и откровенно обсуждали трудные вопросы, не избегая их, и таким образом у сторон возникло доверие друг к другу, и шаг за шагом создается положительная атмосфера, которой не было ранее".

Что касается принципа взаимных интересов, то Хасимото уверен, "что невозможно разрешить проблему Северных территорий путем победы одной стороны и проигрыша другой, - обе стороны потратили 50 лет только для того, чтобы понять настоящий смысл этого принципа, который кажется естественным." "Я хотел бы выработать совместно с г-ном Ельциным решение, которое позволило бы реализовать принцип взаимных интересов", - заявил наш премьер.

Принцип долгосрочной перспективы также сыграл свою роль в определении конкретного срока заключения мирного договора и, следовательно, разрешения территориального вопроса. В фундамент здания японо-российских отношений XXI века требуется заложить прочные и надежные

блоки. Это означает, что проблемы нельзя переносить на плечи наших детей и внуков.

Те же три принципа Хасимото безусловно применимы и к сфере экономических связей и сотрудничества наших стран. Они означают, что наше сотрудничество будет усилено и в области японского содействия российским реформам, и в сотрудничестве по развитию и разработке энергетических ресурсов Дальнего Востока и Сибири, и в передаче японских знаний и опыта руководящим кадрам российских предприятий и государственных учреждений, и в других областях.

Кроме того, три принципа Хасимото подчеркивают необходимость развития двустороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности, в решении проблем региона Северо-Восточной Азии и во многих других областях.

Вызывает удовлетворение и оптимизм то, что в России новая внешнеполитическая концепция премьера Хасимото сразу же была с интересом и тепло воспринята. Практически все российские СМИ привели ее в изложении и с позитивными комментариями, а "Независимая газета" отвела целую полосу (12.08.97) для публикации полного текста выступления Р.Хасимото в Кэйдзай доюкай 24 июля 1997 г. Незадолго до встречи в Красноярске заместитель министра иностранных дел РФ Григорий Карасин в интервью той же "Независимой газете" (15.10.97) назвал июльское выступление Хасимото "важной вехой". "Оно по достоинству оценено нашим президентом и российской общественностью", - заявил Г.Карасин.

Таким образом для успеха красноярской встречи были созданы хорошие условия. Что же принес нашим двум странам Красноярск?

2. "Встреча без галстуков" в Красноярске

В Красноярске премьер-министр Хасимото и президент Ельцин на протяжении двух суток 1 и 2 ноября провели вместе в беседах и общении друг с другом в общей сложности около восьми часов. Неофициальная обстановка встречи, ее непринужденная атмосфера помогли двум лидерам быстро установить теплый человеческий контакт. Значение дружеских личных отношений между руководителями государств трудно переоценить. Достаточно посмотреть, как помогает развитию российско-германских отношений, в которых немало непростых вопросов, дружба между российским президентом и канцлером ФРГ Г.Колем... Любуясь с борта катера величественным Енисеем, прогуливаясь по дорожкам среди сосен в резиденции или сидя за обеденным столом в уютном домике, Р.Хасимото и Б.Ельцин ни на минуту не забывали о главной цели их встречи - продвижении японо-российских отношений вперед по дороге, ведущей в XXI век.

Лидеры обсудили и затронули массу вопросов, включая самые главные. По окончании их встречи были оглашены результаты, которые для многих обозревателей стали неожиданностью.

Прежде всего это "план "Хасимото-Ельцина". Эта программа сотрудничества вызвана к жизни объективной необходимостью для двух стран всемерно и неуклонно развивать экономические связи между собой и рассчитана до 2000 года.

План предусматривает шесть конкретных направлений сотрудничества.

Первая область - это инициативы в области инвестиционного сотрудничества. Они предусматривают такие конкретные шаги, как проведение встреч "за круглым столом" государственных служащих и представителей частного бизнеса, проведение совещаний с целью выработки соглашения о

защите инвестиций, сотрудничество в области высоких технологий по линии Международного научно-технического центра, проведение заседаний подкомиссии по вопросам экономических отношений между Дальневосточным регионом России и Японией в рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, сотрудничество в области транспорта. В области транспорта первоочередным можно назвать сотрудничество для восстановления транспортной сети и грузопотока Транссибирской железнодорожной магистрали. Сейчас поезда по ней идут с интервалом в 1 час вместо прежних 6 минут. И Япония, и Россия кровно заинтересованы в том, чтобы интенсивность движения по магистрали была восстановлена.

Второе - это содействие интеграции российской экономики в мировую экономическую систему. Здесь предстоит согласовать российские внутренние нормативы с международными стандартами в целях увеличения торговли и инвестиций. Япония, в частности, поддержит скорейшее вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) при условии выполнения ею соответствующих требований.

Третье - расширение содействия российским реформам, что включает расширение помощи и интеллектуальной поддержки в рамках плана по оказанию торговой и промышленной помощи России (план Хасимото) и по линии японской Комиссии по оказанию помощи. В частности, особое внимание будет уделено созданию структур малого и среднего бизнеса и модернизации системы железнодорожного транспорта России.

Четвертая область - сотрудничество в области подготовки руководящих кадров для предприятий и государственных служащих, чему президент Ельцин также уделяет особое внимание. Японская сторона проведет лекции для примерно 1000 человек в региональных Японских центрах и Центрах малых и средних предприятий в России. Кроме того, предполагается пригласить 500 лучших слушателей в Японию, где они пройдут стажировку на предприятиях и в организациях.

Пятое - укрепление диалога в области дальнейшей энергетической политики. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что целью этого является поиск путей сотрудничества двух стран для раскрытия в максимальной степени энергетического потенциала Дальнего Востока и Сибири.

Шестое - это сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях. Здесь сотрудничество будет расширяться на основе и в соответствии с существующим между Японией и Россией договором о сотрудничестве в области использования ядерной энергии.

Кроме того план Хасимото-Ельцина предусматривает активизацию диалога в Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам. В свою очередь, Россия приложит все усилия для выполнения вышеуказанных мероприятий и создания у себя благоприятного инвестиционного климата, включая нормализацию правовой и налоговой систем.

Не менее важным итогом встречи в Красноярске стала договоренность двух руководителей о том, что Япония и Россия приложат все возможные усилия для заключения мирного договора между ними до 2000 года. Основываться при этом они будут на Токийской декларации 1993 г. В ней, как известно, полностью приводятся названия всех четырех спорных островов - Кунашира, Итурупа, Хабомаи и Шикотана - и указывается, что заключаться мирный договор должен в скорейшие сроки путем решения территориального вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости. Особо отмечается необходимость для

двух стран преодолеть наследие тоталитаризма. В декларации понятие "скорейших сроков" не уточнялось. В Красноярске же лидеры, основываясь на позитивном багаже, накопленном в двусторонних отношениях за последние годы, конкретизировали ориентир, указав последний год уходящего века.

Таким образом красноярские договоренности означают, что наметилось разрешение ключевого для мирного договора вопроса о принадлежности четырех островов до 2000 года, так как основой этих договоренностей стала Токийская декларация. Совершенно очевидно, что без разрешения этого вопроса заключение мирного договора станет невозможным.

Как мы видим, доверие, установившееся между лидерами Японии и России, побудило президента Ельцина проявить присущие ему волю и решительность и поставить перед собой цель нормализовать отношения с Японией до истечения срока своих президентских полномочий. Теперь Японии и России предстоит в оставшиеся до 2000 года считанные месяцы решать двудеятельную задачу - задачу полной нормализации политических отношений и всемерного развития отношений экономических.

Доверие между Р.Хасимото и Б.Ельциным способствовало появлению и других важных результатов красноярского саммита, которые несомненно облегчат решение указанной задачи. К ним относится, например, твердо обещанная японским премьером поддержка вступления России в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Президент Ельцин горячо поддержал это обещание. Вступление России в АТЭС исключительно важно для нее, ибо в этом случае ее экономика будет интегрироваться в динамично функционирующую экономику АТР и развиваться вместе с нею. Забегая вперед, отмечу, что эта договоренность была реализована практически сразу же после окончания Красноярского саммита.

Решение задачи обеспечения безопасности и стабильности в регионе и в мире безусловно предполагает развитие японо-российского диалога в области обеспечения безопасности. Диалог в этой области - дело сравнительно новое для двух стран. Однако первый позитивный опыт уже приобретен, впереди открываются хорошие перспективы. К настоящему времени уже состоялся обмен официальными визитами между начальником Управления национальной обороны Японии и его российским коллегой, Министром обороны РФ. Военные корабли двух стран побывали в портах друг у друга - во Владивостоке и в Токио. В Красноярске премьер и президент договорились, что в 1998 г. Россию посетит начальник Объединенного комитета начальников штабов Японии, а затем, в возможно более ранние сроки, в Японию нанесет визит его коллега, начальник Генерального штаба Вооруженных сил России. Кроме того, будут определены сроки проведения совместных учений японских Сил самообороны и Вооруженных сил России по организации спасательных операций в чрезвычайных ситуациях и других мероприятий гуманитарного характера.

Хасимото и Ельцин в Красноярске полностью сошлись во мнении о том, что Япония и Россия в качестве великих мировых держав обязаны еще теснее сотрудничать в решении вопросов международного характера. В этой связи президент Ельцин вновь подтвердил поддержку Россией стремления Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Премьер Хасимото, со своей стороны, выразил намерение сотрудничать с Россией с целью обеспечения успеха следующего саммита "большой восьмерки" в Бирмингеме.

В Красноярске оба лидера также приветствовали прогресс на переговорах по выработке рамок для договоренности о промысле японскими рыболовными судами в районах у четырех островов. Они согласились дать указания своим делегациям на этих переговорах постараться достичь по возможно-

сти окончательной договоренности к концу 1997 г. Среди прочих заметных итогов "встречи без галстуков" следует отметить следующее.

Лидеры Японии и России достигли договоренности о создании "Комитета XXI века", призванного обеспечить расширение японо-российских дружественных отношений. Ранее уже выдвигалось предложение о создании такого комитета с целью углубления взаимопонимания и расширения сотрудничества двух стран, однако только в Красноярске он стал реальностью, хотя состав комитета еще предстоит определить.

Между Кремлем и Канцелярией премьер-министра Японии в будущем появится "горячая линия" телефонной связи.

В России будет продолжена работа по определению и изучению мест захоронения японцев, интернированных в СССР в послевоенные годы. Это обещание президента Ельцина встретило благодарность премьер-министра Японии и, несомненно, окажет большое благоприятное воздействие на чувства простых японцев.

В апреле 1998 г. состоится аналогичная "встреча без галстуков", но уже в Японии. Кстати, прибыть в Японию премьер Хасимото пригласил Б.Ельцина уже со всей семьей.

3. Шаги в развитие красноярских договоренностей

Уже буквально через несколько дней после саммита в Сибири японская сторона объявила о своем решении внести изменения в принцип торгового страхования для России. Среди них признание гарантий российских первоклассных банков наряду с гарантиями российского правительства как условия предоставления средне- и долгосрочного страхования, а также значительное снижение ставки страхования для России. Но это была лишь первая ласточка.

13 ноября в Токио состоялся 9-й раунд регулярных консультаций на уровне министров иностранных дел Японии и России. Естественно, что главной темой разговора К.Обути с Е.Примаковым стали красноярские договоренности. Министры подтвердили результаты саммита и предприняли ряд шагов по конкретизации и развитию итогов Красноярска.

Было принято решение создать специальную группу, которую возглавят сами министры иностранных дел двух стран. Она займется непосредственно вопросом подготовки и заключения мирного договора. Оперативные переговоры по этому вопросу будут вестись на уровне заместителей министров, которые встретятся в Москве уже в январе 1998 г.

Министры также обсудили "план Хасимото-Ельцина" и договорились о приложении усилий для осуществления следующих мероприятий.

Во-первых, это внедрение практики приема гарантий для внешнеторгового страхования от коммерческих банков, а не только от правительства. Этот шаг уже сделан, как о том сказано выше.

Во-вторых, консультации на рабочем уровне по заключению соглашения о защите инвестиций.

В-третьих, заявление японской стороны о согласии открыть в Токио офис Российского центра содействия иностранным инвестициям при Минэкономике России.

В-четвертых, приглашение в Японию председателя Государственного комитета РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства И.Хакамады.

В-пятых, проведение в скорейшие сроки стажировки первой группы стажеров по программе подготовки управленческих кадров для предприятий.

В-шестых, проведение Международного симпозиума "Путь к энергетическому сообществу в Азии" (проведен 27 ноября в Токио) и активизация межправительственного диалога по энергетике.

В-седьмых, заявление о предоставлении ЭКСИМбанком кредита в 100 млн. долларов для проекта Сахалин-2

В-восьмых, визит в Россию высокопоставленных представителей Федерации экономических организаций Японии "Кэйданрэн" (осуществлен 18-21 ноября).

В-девятых, проведение в скорейшие сроки заседания подкомиссии по вопросам экономических отношений между Дальневосточным регионом России и Японией в рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

И, в-десятых, визит в скорейшие сроки в Японию делегации по содействию для восстановления транспортной сети Транссибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом, оказались конкретизированы или получают конкретное наполнение уже 10 мероприятий, идущих в русле плана Хасимото-Ельцина.

Кроме того, министры иностранных дел подтвердили намерение заняться согласованием деталей, связанных с намеченным на середину апреля 1998 г. визитом в Японию президента Ельцина.

Через несколько дней после встречи в Токио министров иностранных дел в Москве открылось 3-е совместное заседание российско-японского и японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству. Предыдущее заседание этого форума предпринимателей и промышленников двух стран состоялось уже очень давно, и его атмосфера в корне отличалась от нынешнего. Теперь, после Красноярска, лед, как любят говорить в России, тронулся. И хотя перед частным сектором обеих стран стоит еще немало сложных задач, предприниматели могут сейчас с оптимизмом смотреть в будущее, ибо руководители Японии и России сделали серьезные шаги для создания условий конструктивной работы своих бизнесменов. Доверие, взаимные интересы и долгосрочная перспектива - ключ к успешному экономическому партнерству.

Событие исторической важности произошло 25 ноября. В этот день форум АТЭС принял решение о приеме России, а также Вьетнама и Перу в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Влияние Японии в этой организации сыграло свою позитивную роль. Премьер Хасимото выполнил свое обещание, данное Ельцину в Красноярске. Решение о приеме России было принято весьма своевременно, поскольку в течение следующих 10 лет будет действовать мораторий на расширение членства в АТЭС. Теперь президент России вместе с лидерами других входящих в организацию государств будет полноправным участником ее ежегодных форумов, а Россия начнет играть подобающую ей важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Красноярск открыл дорогу к качественно новому развитию отношений между Японией и Россией, основанному на взаимном доверии их руководителей. Министерства иностранных дел и другие правительственные ведомства двух стран приступают к реализации начертанной программы, проникшись духом единой команды с общими целями и задачами. Теперь за первыми и такими весомыми шагами по пути, открытому Красноярском, последуют новые и новые, приближая Японию и Россию к порогу XXI века в качестве истинных партнеров.

4. Мой долг в качестве посла в России

Более половины из почти 40 лет моей дипломатической службы я посвятил японо-российским отношениям. За это время в Токио я четыре раза занимал должности в департаменте Европы и Океании (в него входит бывший советский, а ныне российский отдел). Считая мое нынешнее пребывание в Москве в качестве посла Японии, это уже четвертая моя командировка в вашу страну. За эти десятилетия я повидал и испытал многое. Помню, как в разгар холодной войны, в 1960 г., после подписания нового японо-американского договора безопасности было фактически сорвано выполнение японо-советской Совместной декларации 1956 г. Хорошо помню и 1973 г. Тогда встреча нашего премьера К.Танаки с генеральным секретарем Л.Брежневым, казалось бы, принесла определенные результаты. Однако затем мировой нефтяной кризис и скандал с делом "Локхида" в Японии подорвали позиции кабинета Танаки, а СССР в то же время, пользуясь своими сверхдоходами от экспорта нефти, вступил на путь гонки вооружений и экспансионизма. В этих условиях договоренности Танаки-Брежнева так и не привели к появлению реальных плодов. В бытность мою начальником советского отдела МИДа случился инцидент с угоном советского МИГ-25 в Японию; велись труднейшие, напряженные переговоры с Москвой в связи с введением Советским Союзом 200-мильной экономической зоны; СССР самым резким образом выступил против заключения японо-китайского договора о мире и дружбе. Все это живо сохраняется в моей памяти. Работая в Москве в эпоху Хрущева, а затем в эпоху Брежнева и в период перестройки, я также с грустью наблюдал, как в условиях международной изоляции уровень жизни граждан вашей страны все больше отставал от уровня жизни европейцев, американцев, японцев.

Вот почему, когда в октябре 1996 г. я приехал послом Японии в новую Россию, моим самым радостным впечатлением стало то, что ваша страна твердо вступила на путь демократических и рыночных реформ и сделала первые уверенные шаги к будущему процветанию в качестве полноправного члена мирового сообщества. Я смог теперь открыто общаться со своими старыми друзьями, которых приобрел еще когда нас разделяла толстая стена коммунистической идеологии. Я также смог завести в России большое число новых хороших знакомых и друзей.

Разумеется, в процессе реформ россияне пока еще сталкиваются с разнообразными трудностями. Я прекрасно понимаю настроения пенсионеров и людей старшего возраста, которые с тоской вспоминают канувшие в прошлое систему социального обеспечения и стабильность существования. Однако ростки новой социальной системы уверенно набирают силу, не может уже быть дороги вспять от рыночной экономики и свободы слова. Россия обладает богатейшими природными ресурсами и высокообразованным населением. В российской экономике и социальной сфере существуют основы социальной и производственной инфраструктуры. В целом, экономика и общество в России обладают колоссальным потенциалом, который, без всякого сомнения, позволит вашей стране преодолеть все трудности переходного периода и в XXI веке вкушать плоды процветания.

Начиная с эпохи Мэйдзи, с последней четверти XIX века, Япония боролась за свое место в группе главных империалистических держав, захватывала вместе с ними колониальные владения, наращивала армию, участвовала в целом ряде империалистических войн вплоть до своего разгрома во Второй мировой войне. Своими действиями она причинила неимоверные страдания не только народам других стран, прежде всего азиатских, но и своему собствен-

ному, сгубив жизни более чем трех миллионов японцев. После этого японский народ твердо решил, что Японии больше никогда не быть милитаристской державой. Он поднял свою страну из руин и пепла. Однако, прежде чем стать одной из самых высокоразвитых экономических держав мира, Японии пришлось пройти через огромные трудности и лишения. Зато теперь Япония утвердилась как демократическая и процветающая держава. Она мировой лидер по объему валового национального продукта (ВВП) на душу населения. Размер оказываемой ее правительством другим странам мира официальной помощи развитию (ОПР) самый большой среди аналогичных программ всех развитых государств. Обладая таким ценным опытом возрождения и развития, Япония оказывает содействие российским реформам, помогает России войти полноправным членом в семью государств, разделяющих единые ценности демократии и свободной рыночной экономики. Замечательно, что теперь открылись возможности для нашего совместного процветания и сотрудничества. Я буду делать все, что в моих силах для их реализации.

Благодаря красноярским договоренностям не только укрепилось доверие между лидерами наших стран. В ходе работы по их реализации у японских и российских дипломатов, представителей других вовлеченных в этот процесс ведомств двух стран возникло осознание того, что совместно они добиваются общих для них целей. У них возник дух единой команды. Для меня это самое радостное явление.

Вскоре после приезда в Россию меня пригласили выступить с лекцией в Центре по изучению современной Японии. В ней я призвал к тому, чтобы Россия всерьез развернулась лицом к Азии, стала уделять больше внимания своей азиатской политике. Поэтому я был особо рад тому, что Россия была принята в члены АТЭС. Это весьма радостное событие.

В XXI веке один из эпицентров японо-российского сотрудничества несомненно будет находиться в Дальневосточном регионе России. И, приехав в Россию в качестве посла, маршруты первых же своих поездок по России я проложил именно сюда. Объем постоянных деловых и других обменов между этим регионом и Японией неуклонно возрастает, однако не обходится и без проблем. Для того, чтобы помочь нормальному развитию этих обменов, в декабре 1997 г. в Южно-Сахалинске открыт постоянный офис генерального консульства Японии в Хабаровске.

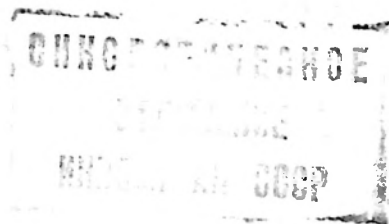
Работа посла предполагает поездки по стране пребывания. И одним лишь Дальним Востоком они не ограничиваются. Сотрудничество с российскими регионами несет в себе большой потенциал. Ознакомиться лично с ситуацией на местах, проторить новые пути к сотрудничеству с регионами входит в обязанности посла. Я счастлив, что смог уже побывать в таких крупных российских промышленных центрах, как Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара, Красноярск, куда в старое время доступ иностранным дипломатам был наглухо закрыт. Мне самому не раз отказывали в поездках в эти города, когда я работал в Москве в трех предыдущих командировках. Теперь, общаясь с местными властями, представителями деловых кругов, интеллигенции, я понял, насколько велик там интерес к Японии, к установлению связей побратимства и сотрудничества с префектурами и городами Японии. Одной из своих задач я считаю всемерное содействие установлению и развитию связей между Японией и Россией именно на региональном уровне.

В сентябре 1997 года президент Ельцин, выступая во время своего посещения г. Орла, призвал россиян изучать Японию, японский язык, больше знать о том, как живут и трудятся японцы. Хочу решительно присоединиться к этому призыву. Одновременно я намерен всеми силами способствовать тому,

чтобы в Японии больше знали о новой России, о ее потенциальных экономических возможностях, чтобы японцы стремились оказать еще большую поддержку проводимым ею реформам. Японские деловые круги должны расширить свой кругозор, видеть, какие огромные выгоды сулит им расширение экономических связей и сотрудничества с Россией. Как посол я буду всячески способствовать этому.

Едва ли в мире найдется еще один такой народ, как японский, который бы так, как мы, любил русскую литературу, музыку, искусство. Большой театр всегда был и остается желанным гостем в Японии, на книгах Толстого, Чехова, Достоевского воспитывалось не одно поколение японцев. Россияне также проявляют большой интерес к японскому искусству. К большому сожалению, в России, и даже в Москве, люди имеют слишком мало возможностей познакомиться с культурой Японии. Частные российские агентства и фирмы почти не занимаются этим вопросом. Например, в России практически не увидишь японских кинофильмов, закупленных на коммерческой основе. Посольству Японии в России приходится восполнять этот пробел. Вот почему я тем более хочу приложить все силы для того, чтобы культурные, студенческие, научные обмены между нашими странами еще больше расширились, чтобы ближе и чаще общались между собой граждане наших стран, представляющие все и всяческие слои и круги общества. Знание друг о друге, знание традиций, обычаев, характера, интересов и целей своего соседа - это ключ к взаимопониманию, доверию, дружбе и сотрудничеству.

У народов Японии и России есть хорошая основа для взаимопонимания и взаимоуважения. Мы, японцы, искренне намерены прилагать все усилия для расширения и укрепления связей с Россией во всех областях. Уверен, что и россияне готовы к сотрудничеству и установлению отношений настоящего доверия и дружбы с Японией. Давайте же приложим все силу к тому, чтобы рука об руку смело шагали к горизонтам XXI века.

К 40-летию Общества российско-китайской дружбы

16 декабря 1997 г. Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при правительстве РФ, Российская ассоциация международного сотрудничества и Общество российско-китайской дружбы провели торжественный вечер, посвященный 40-летию Общества российско-китайской дружбы. Вечере приняли участие сотрудники МИД, научных учреждений России, представители российской общественности Посольства КНР в РФ, журналисты, сотрудники китайского посольства во главе с послом КНР в РФ. Были оглашены поздравления Президента РФ Б.Н.Ельцина, министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова, телеграмма Китайского народного общества дружбы с границей и Общества китайско-российской дружбы. Активистам ОРКД были вручены почетные грамоты КНОДЗ и ОКРД.

Поздравление Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина

Обществу российско-китайской дружбы

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю вас с 40-летием со дня создания Общества российско-китайской дружбы. Ваше Общество стало первопроходцем в деле развития и укрепления дружественных связей народа нашей страны с народами зарубежных государств. За годы своей деятельности оно внесло весомый вклад в развитие отношений добрососедства и плодотворного сотрудничества с КНР и формирование у российской общественности интереса и уважения к своему великому соседу, его древней и уникальной культуре.

Общество продолжало активно работать даже в непростое для отношений между нашими странами время. Оно помогло сблизить теплые чувства народов России и Китая друг к другу, способствовало нормализации межгосударственных отношений, а затем - налаживанию равноправного доверительного партнерства с КНР. Особая заслуга в этом принадлежит ветеранам Общества.

Сейчас перед Обществом российско-китайской дружбы стоит ответственная задача воспитания нового поколения в духе добрых традиций, которыми богата история связей между нашими народами. Рад тому, что в эту работу все активнее включается и сама молодежь - наша надежда и будущее. Это гарантия того, что российско-китайская дружба будет и впредь передаваться из поколения в поколение.

Желаю Обществу российско-китайской дружбы дальнейших успехов в деле укрепления взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества между двумя великими странами и народами.

Б.Ельцин

28 октября 1997 г.

Центральному правлению Общества российско-китайской дружбы

По случаю 40-й годовщины со дня создания Общества российско-китайской дружбы мы шлем сердечный привет и наилучшие пожелания руководителям, всем членам правления, всем, кто предан делу китайско-российской дружбы.

На протяжении всех 40 лет, невзирая на то, какой была погода в международных отношениях, Общество российско-китайской дружбы всегда неустанно прилагало усилия и внесло важный вклад в дело укрепления и развития дружбы и взаимопонимания между народами наших стран.

В этой связи мы выражаем наше глубокое уважение всем нашим российским друзьям за их самоотверженный труд во имя китайско-российской дружбы. Китайский народ навсегда сохранит в своей памяти этот их подвиг!

Мы выражаем уверенность в том, что Общество российско-китайской дружбы под руководством высоких и уважаемых руководителей И.В.Архипова, С.Л.Тихвинского, под руководством Центрального правления будет и впредь, как и прежде прилагать неустанные усилия во имя благородного дела укрепления в веках дружбы между народами России и Китая.

Общество китайско-российской дружбы вместе с Вашим Обществом пронесет в XXI век китайско-российские добрососедские, дружеские отношения!

Пусть живет в веках дружба между китайским и российским народами!

Всекитайское правление Общества
китайско-российской дружбы
29 октября 1997 года

Славный юбилей

© 1998

Г.Куликова

29 октября с.г. исполнилось 40 лет Обществу советско-китайской ныне российско-китайской дружбы - первому в нашей стране Обществу дружбы с зарубежным государством и его народом.

ОРКД было создано 29 октября 1957 г. в канун 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в год 8-ой годовщины Китайской Народной Республики.

Куликова Галина Вениаминовна - зам. председателя Общества российско-китайской дружбы, представитель Росийского центра научного и культурного сотрудничества при Правительстве РФ.

Народы нашей страны могут гордиться тем, что мы первые признали молодую Китайскую Народную Республику и заявили об установлении с ней дипломатических отношений.

Из летописи истории, также как из памяти живущих поколений, не изглядятся высокие проявления солидарности народов наших стран. Мы, россияне, всегда будем помнить о китайских интернационалистах, волею судеб оказавшихся в России и с оружием в руках защищавших завоевания молодой советской республики.

Народы нашей страны также сделали все возможное для оказания помощи и поддержки китайскому народу, как в годы борьбы за победу народной революции, так и в деле создания основ социалистической экономики КНР, защиты ее суверенитета и территориальной целостности, укрепления позиции на международной арене.

Проведение в Москве 29 октября 1957 г. учредительного собрания по созданию Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) отражало давние симпатии народа нашей страны к Китаю, его освободительной борьбе, говорило о стремлении и дальше идти вместе путем укрепления дружбы и сотрудничества.

“Создание Общества советско-китайской дружбы, - комментируя это событие, писала 30 октября 1957 г. газета “Жэньминьжибао” - представляет собой новое звено во всестороннем сотрудничестве советского и китайского народов. Китайский народ искренне приветствует создание общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе”.

Вскоре после создания ОСКД превратилось в массовую представительную организацию. Его отделения были созданы практически во всех краях, областях и городах нашей страны. В состав ОСКД на правах первичных организаций вошло более 400 крупнейших промышленных и с/х предприятий, учебных заведений, научных институтов и учреждений культуры.

Свою работу по развитию дружественных связей с общественностью КНР ОСКД проводило в тесном сотрудничестве с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД), созданным в Китае 5 октября 1949 г., много сделавшим по воспитанию китайского народа в духе дружбы с народами нашей страны. Были установлены непосредственные контакты между отделениями ОСКД в республиках, краях, областях и городах и отделениями ОКСД в провинциях и городах Китая, стороны активно обменивались делегациями, фото и др. информационными материалами.

Особо важное значение имела деятельность Общества советско-китайской дружбы в сложные и тяжелые для наших двусторонних отношений 60-70 годы, когда контакты между обществом выступали важным, а порой и единственным каналом поддержания связей между общественностью наших стран.

На состоявшейся в январе 1969 г. II-ой Всесоюзной конференции было заявлено, что Общество по-прежнему считает своей задачей содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами наших стран, широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой, содействуя тем самым воспитанию уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации.

Итоги этой благородной деятельности были подведены на III Всесоюзной конференции Общества, состоявшейся в Москве в феврале 1978 г. Конференция поставила задачу “продолжать работу по ознакомлению советской общественности со знаменательными событиями национально-

освободительного и революционного движения китайского народа, проводить мероприятия, посвященные видным деятелям китайской культуры, немеркнущим страницам из истории советско-китайских отношений.

III Всесоюзная конференция в 1978 г. выступила с инициативой восстановления контактов с нашим китайским партнером - ОКСД, прервавшихся в 1968 г. Эта важная позиция была вновь подтверждена в 1982 г., когда отмечалось 25-летие Общества.

С большим удовлетворением мы тогда восприняли выступление на юбилейном вечере Чрезвычайного и Полномочного Посла Ян Шоучжэна, огласившего приветствие, поступившее в наш адрес от ОКСД. В нем отмечалась "благородная деятельность Общества советско-китайской дружбы, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами".

25 ноября 1986 г. в Москве была проведена IV Всесоюзная конференция ОКСД, подтвердившая неизменность нашего курса на дальнейшее развитие наших контактов с китайской общественностью.

29 октября 1987 г. в нашей стране широко и торжественно отмечалось 30-летие ОКСД. В приветственном послании в адрес нашего Общества Председатель ОКСД У Сююань писал: "За прошедшие 30 лет Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами. Мы высоко ценим это".

К своему 30-летию юбилею ОКСД превратилось в массовую и представительную общественную организацию нашей страны.

В деятельности Общества участвовали и убеленные сединами ветераны, направленные по указанию В.И.Ленина в Китай в 20-ые годы, и те, кто добровольно пришел на помощь китайскому народу в отражении японской агрессии; и специалисты, работавшие в Китае в первые годы после победы народной революции. Активистами ОКСД всегда были ученые - китаеведы и переводчики, делающие великое наследие китайского народа - его богатую и древнюю историю, культуру и литературу достоянием общественности нашей страны; деятели науки, образования и искусства, чья деятельность всегда была направлена на укрепление добрососедских, дружественных отношений с китайским народом. И, наконец, в деятельности Общества участвовала молодежь, изучающая Китай и готовая к тому, чтобы продолжать и развивать традиции нашей дружбы.

Благодаря активности и энтузиазму членов общества в нашей стране только за период 1968-1987 гг. было проведено более 300 различных мероприятий по случаю знаменательных событий из китайской истории и истории наших двусторонних отношений.

Общество ежегодно отмечало годовщины провозглашения КНР. На эти мероприятия, как правило, всегда приглашались сотрудники Посольства КНР.

Отдавая дань уважения истории национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа, Общество торжественно отметило 120-летие со дня рождения китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Свои мероприятия общество посвящало 125-летию Тайпинского восстания, 75-летию Синьхайской революции, 65-летию "Движения 4 мая", 60-летию начала в Китае национально-демократической революции 1925-1927 гг., 55-летию восстания Шанхайского пролетариата, 60-летию Кантонской коммуны; памяти выдающихся деятелей китайского революционного движения: Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэя, Су Чжаочжэня, Пэн Бая, Дэн Чжунся, Линь Боцяо, Дун Биу и др.

Большое общественное звучание, в т.ч. в Китае, получили мероприятия, проведенные нами в Москве по случаю 90-летию со дня рождения видных деятелей КПК и КНР Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Пэн Дэхуая и др.

Свидетельством глубокого уважения к китайской культуре явились наши акции, посвященные деятелям китайской литературы и искусства, музыки, театра и кино.

Совместно с Союзом писателей мы торжественно отметили 100-летие со дня рождения Лу Синя - великого китайского писателя, основоположника китайской современной литературы. Мы проводили мероприятия, связанные с творчеством известных китайских писателей и поэтов древности и современности, таких, как: Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюи, Ли Циньчао, Хань Юй, Инь Фу, Гао Юаньмин, Чжоу Либо, Чжао Шули, Мао Дунь, Лао Шэ, Ба Цзинь, Чжэнь Чжэньдо и др. Мероприятия Общества посвящались китайским композиторам Не Эр и Си Синьхаю, всемирно известному мастеру пекинской оперы Мэй Ланьфану, китайским драматургам Сюй Хайшэну и Цао Юю и т.д.

Одним из важнейших направлений в деятельности нашего Общества в те годы было, да и сейчас остаются, мероприятия, связанные со знаменательными событиями из истории наших двусторонних отношений. Так мы отмечали 50-летие начала широкого движения советской общественности в защиту китайской революции, развернувшегося в 1924 г. под лозунгом "Руки прочь от Китая"; посвящали свои мероприятия помощи и поддержке, которую оказал Советский Союз Китаю в отражении агрессии японского милитаризма.

Одним словом, можно без преувеличения сказать, что с середины 70-х до начала 90-х годов ОСКД было своеобразным центром, сплотившим вокруг себя всех представителей общественности нашей страны, которой дорого дело дружбы с нашим великим соседом - китайским народом.

Активная деятельность ОСКД, происходящая на общем фоне позитивных перемен в советско-китайских отношениях, привела к восстановлению в 1983 году наших связей и контактов с китайским народным обществом дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ) и ОКСД.

В октябре 1983 г. в Китай, впервые после длительного перерыва, совершила поездку представительная группа руководителей и активистов нашего Общества во главе с его Председателем, академиком С.Л.Тихвинским, а в мае 1984 г. делегация КНОДЗ и ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Ван Биннанем подписала в Москве первый после длительного перерыва план сотрудничества между нашими организациями на 1985 год.

С этого времени между нашими организациями возобновился активный обмен делегациями, специализированными группами туристов - активистов обществ дружбы; стали восстанавливаться и развиваться контакты между отделениями обществ дружбы в приграничных районах.

Мы принимали Председателя КНОДЗ Чжан Вэньцзиня, делегацию во главе с Председателем ОКСД У Сююанем.

Гостями ССОД и нашего Общества были делегации китайских артистов во главе с профессором Шанхайской консерватории Чжэн Синли, китайских писателей во главе с бывшим Секретарем Союза китайских писателей и Министром культуры Ван Мэном; известные переводчики нашей литературы - Гэ Баоцюань и Гао Ман; делегация китайских историков во главе с Лю Даянем; музыкальных работников во главе с бывшим ректором Пекинской консерватории У Цзюцяном; китайских медиков во главе с Гу Фанчжоу - бывшим Президентом АМН КНР; китайских архитекторов и градостроителей, в составе которой были Ли Ланьцин - бывший вице-мэр Тяньцзиня, а сегодня на XV съезде КПК, избранный членом ПК Политбюро ЦК КПК.

Важным этапом в развитии наших контактов с КНОДЗ, ОКСД стал успешно прошедший в октябре 1988 г. визит в КНР делегации ССОД - ОСКД во главе с Председателем Президиума ССОД В.В.Терешковой. Делегация, в составе которой был также Председатель ОСКД, академик С.Л.Тихвинский, обсудила с руководителями КНОДЗ, ОСКД инициативные предложения по дальнейшему расширению наших связей и контактов.

Делегация была принята заместителем Председателя КНР Ван Чжэнем, имела встречи с заместителем Председателя ПК ВСНП Чэнь Мухуа, руководителями Академии космической техники, Министерства авиационной и космической промышленности КНР. Принимая делегацию, Президент Академии космической техники КНР Минь Гуйжун подчеркнул: "Визит первой советской делегации войдет в историю Академии как начало сотрудничества с советскими учеными и специалистами. Перспективы такого сотрудничества широки".

Советско-китайские "космические контакты" по линии обществ дружбы были продолжены в мае-июне 1989 г., когда в нашей стране побывала делегация КНОДЗ - ОКСД во главе с членом ПК Китайского Общества космонавтики, профессором Ван Юнчжи. Делегация, состоящая из ведущих специалистов КНР в области космической техники, шесть из которых закончили в конце 50-х годов МАИ и другие вузы нашей страны, впервые имела много встреч со своими советскими коллегами, посетила Звездный городок, познакомилась с работой центров управления полетами и подготовки космонавтов.

Делегация во главе с Ван Юнчжи была первой иностранной делегацией, которая посетила на Московском заводе М.В.Хруничева цех по производству и генеральной сборке ракет-носителей "Протон" орбитальной станции "Мир".

Сегодня, когда российско-китайское сотрудничество в области авиации и космоса, получило дальнейшее взаимовыгодное развитие, мы не можем не вспомнить слова Ван Юнчжи, обращенные к В.В.Терешковой: "В ходе пребывания в Вашей стране мы почувствовали, что взаимные визиты профессиональных делегаций, организуемые обществами дружбы двух стран, способствуют раскрытию роли обществ как связующих мостов, содействуют развитию взаимопонимания и дружбы между специалистами в различных областях, создают хорошие условия для дальнейшего сотрудничества".

В конце 1989 года в условиях расширяющихся контактов ССОД и ОСКД с КНОДЗ и ОКСД в целях содействия дальнейшему развитию российско-китайских общественных связей, по согласованию с китайской стороной, в состав Посольства был направлен Представитель ССОД, одновременно являющийся заместителем Председателя ОСКД.

Пребывание делегации китайского общества содействия международной дружбе в июне-июле 1991 г. завершилось созданием документального фильма, показанного по центральному телевидению КНР и фотоальбома под названием "день в Советском Союзе".

ССОД, ОСКД участвовали также в приеме в Москве и Ленинграде делегации Китайского общества дружественных связей с границей (КОДЗ) во главе с Сяо Жун.

Одним из главных результатов этой поездки стало то, что при финансовой поддержке коммерческого банка "Российский кредит" в Москве в 1995 году издательством "Рослит" была издана книга Мао Мао (она же Сяо Жун) "Мой отец Дэн Сяопин".

А в Китае с огромными почестями принимали И.В.Архипова - бывшего в 50-е годы руководителем всех наших специалистов, ныне Почетного председателя нашего Общества.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что нашими главными партнерами в Китае были и остаются такие авторитетные в стране общественные организации как Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами КНР - лидер китайской народной дипломатии, и Общество китайско-российской дружбы.

Повышению роли наших общественных организаций в системе двусторонних межгосударственных отношений в значительной мере содействовало внимание к их развитию со стороны руководителей наших стран.

24 апреля 1990 г. в Москве в Доме дружбы состоялась теплая встреча с премьером Госсовета КНР Ли Пэном.

Во время этой незабываемой встречи, Ли Пэн тепло приветствовал В.В.Терешкову, ветеранов нашего Общества, в разное время участвовавших в оказании помощи китайскому народу; руководителей МЭИ и своих бывших однокурсников, ученых-китаеведов.

Никогда не изгладится из нашей памяти день 16 мая 1991 г., когда в дни своего первого, после нормализации межгосударственных отношений, визита в Москву Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь устроил прием в Посольстве КНР для руководителей и активистов ССОД и ОСКД. Мы с теплом вспоминаем также о встрече Цзян Цзэминя 17 мая в Кремле с представителями советской общественности.

В январе 1992 г. в Москве прошла V отчетно-выборная конференция ОСКД. В связи с созданием Российской Федерации ОСКД было переименовано в ОРКД. Вскоре в Пекине нашим партнером также стало ОКРД.

14 апреля 1994 г. постановлением Правительства РФ был создан Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве РФ, опирающийся на его авторитет и поддержку. Как отмечалось при этом, Росзарубежцентр создается "в целях сохранения системы координации гуманитарных, культурных, научно-технических и информационных связей с зарубежными правительственными и неправительственными организациями". Мы благодарны Росзарубежцентру, всем его руководителям за помощь и поддержку ОРКД, работающего в сложных условиях отсутствия государственного финансирования.

В мае 1994 г. в Пекине отмечалось 40-летие КНОДЗ, а в октябре - 45-летие ОКРД. наших китайских партнеров по случаю юбилеев приветствовали Цзян Цзэминь, Ли Пэн и другие руководители страны. Ли Пэн, выступая на Всекитайской сессии КНОДЗ, приуроченной к его 40-летию юбилею, призвал "вести поиск новых методов работы, дополняя связи по официальным каналам с тем, чтобы найти для народной дипломатии соответствующее место в процессе создания социалистической рыночной экономики".

В октябре 1994 г., отмечая 40-летний юбилей нашего Общества, мы можем с полным основанием сказать, что Госзарубежцентр и ОКРД в сотрудничестве с КНОДЗ и ОКРД занимают достойное место в системе российско-китайских отношений, в значительной степени содействуя поступательному процессу их развития.

Как записано в успешно реализуемых наших двухгодичных планах сотрудничества "стороны будут всемерно содействовать торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Россией и Китаем., содействовать установлению и развитию разностороннего сотрудничества между провинциями и городами Китая и городами России,

расширять дружественные обмены и взаимное ознакомление с жизнью народов наших стран”.

Отмечая юбилей Общества, мы не можем не сказать о той большой работе, которую вместе с нашими китайскими партнерами мы провели по случаю 50-летия Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией.

Благодаря огромному труду наших ветеранов и прежде всего В.И.Иванова, усилиям нашего Представительства в Пекине и огромной помощи КНОДЗ в 1995 г. при поддержке Росзарубежцентра была издана книга “Вечным сном спят на китайской земле”, впервые увековечившая память 3000 советских воинов, отдавших свои жизни в борьбе за свободу, независимость и светлое будущее китайского народа.

Мы благодарим КНОДЗ, ОКРД и другие китайские организации за то, что по случаю 50-летия нашей Победы, в Пекине демонстрировались фотовыставки, проводились фестивали духовой музыки; ведущими оркестрами, музыкальными, хоровыми коллективами и солистами исполнялись концертные программы, состоящие из произведений Д.Шостаковича, наиболее популярных песен Великой Отечественной войны.

Мы помогли также китайским режиссерам - создателям фильма “Священная война” в подборке музыкального оформления, а самодеятельному хоровому коллективу “Калинка” - в подборе материала для концертной программы “Великая отечественная”.

Наше сотрудничество с известными китайскими писателями Лю Байюем, Е Шуйфу, Гао Маном в предоставлении соответствующих материалов привело к тому, что в изданной в Китае в 1995 г. 52-томной библиотеке антифашистской литературы, 10 томов состоят из переводов произведений советских авторов.

КНОДЗом и Ассоциацией бывших воспитанников Ивановского детского дома была проделана большая работа, в результате которой 80 китайских ветеранов были награждены медалями “50 лет Победы в Великой Отечественной войне”.

35-ти организациям, в том числе КНОДЗ и ОКСД, творческим Союзам и представителям творческой интеллигенции, внесшим наибольший вклад в проведение юбилейных мероприятий, в Посольстве РФ в Пекине Послом И.А.Рогачевым были вручены почетные грамоты и дипломы Росзарубежцентра.

Помимо общественно-политических мероприятий, в течение последних лет наше Общество совместно с Росзарубежцентром уделяло большое внимание содействию российско-китайскому торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству на центральном и региональном уровнях.

Подтверждением этому может служить успешно организованная КНОДЗ и ОКРД совместно с Росзарубежцентром и ОКРД в Пекине в ноябре 1995 г. первая конференция “Россия - Китай”. Научно-техническое и деловое сотрудничество”, а также с большим успехом проведенный в Москве 15-17 октября 1996 г. нашими организациями Форум “Россия - Китай. Региональное сотрудничество”, в работе которого участвовали 200 представителей 10-ти областей и городов России и 11-ти провинций и городов Китая.

Участников Форума приветствовали своими посланиями В.С.Черномырдин и Ли Пэн, в адрес которых были направлены ответные обращения от имени участников Форума, в которых была высказана просьба к Правительствам России и Китая создавать режим наибольшего благоприятствования для дальнейшего укрепления и развития российско-китайского межрегионального сотрудничества.

В настоящее время в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества участвуют уже более 60-ти субъектов и городов РФ и провинций и городов Китая.

Мы можем с удовлетворением отметить, что в расширении и углублении российско-китайских межрегиональных связей участвует и наше Общество дружбы.

В сентябре 1996 г. в Новосибирске по инициативе наших организаций были проведены "Дни науки Китая", а в этом году с 17 по 26 июня в Пекине, в качестве ответного мероприятия, с большим успехом при непосредственном участии Росзарубежцентра, его представительства прошли "Дни науки Сибири" с организацией выставки на тему "Наука Сибири - сельскому хозяйству, медицине и атомной энергетике" и проведением симпозиума на эти темы.

Для участия в этом мероприятии, проводимом ОКРД совместно с Все-китайской федерацией по науке и технике, в Пекин приезжала делегация Новосибирской области во главе с вице-губернатором В.П.Нехорошковым, в составе которой были ведущие руководители Сибирского Академгородка.

В ходе встреч в Пекине были внесены конкретные предложения по сотрудничеству Новосибирской области с мэриями г. Пекина и Тяньцзина, а также достигнута договоренность о проведении двустороннего симпозиума по новым технологиям в области сельского хозяйства в Новосибирске в будущем году.

ОКРД, совместно с Росзарубежцентром и его Представительством в Пекине содействуют также и культурному сотрудничеству между нашими странами.

Так только в этом году с 17 апреля - 6 мая по инициативе и при активном участии представителя Госзарубежцентра и ОКРД в 7 городах Китая с огромным успехом прошли гастролы Краснознаменного имени Александра ансамбля песни и пляски Российской Армии.

Была оказана помощь Сюэ Фаню - известному популяризатору, пропагандисту русской и советской песни - в подборе нот и текстов для перевода и издания сборников "Шедевры советского песенного творчества" (1917-1991 г. и Сборника "Шедевры русского песенного фольклора"), презентация которого состоялась в пекине в начале ноября 1997 г.

40-летие ОКРД отмечается в дни, когда только что с огромным успехом завершился визит в КНР Президента РФ Б.Н.Ельцина.

Пятая по счету с 1992 года российско-китайская встреча на высшем уровне внесла новый существенный вклад в наполнение конкретным содержанием курса на развитие равноправного, доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие наших стран в XXI веке, провозглашенного Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэмином в Пекине в апреле 1996 г.

Если в дни апрельского 1996 г. визита Б.Н.Ельцин участвовал во встрече с представителями китайской общественностью, организованной КНОДЗ и ОКРД, то в дни ноябрьского визита 1997 г. Б.Н.Ельцин встретился с членами Китайско-российского Комитета дружбы, мира и развития XXI века во главе с Хуан Ичэном - председателем его китайской части, заместителем Председателя финансово-экономической комиссии ВСНП.

Как известно, созданный по инициативе высших руководителей России и Китая "Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития XXI века" является межгосударственной общественной организацией, ставящей своей целью "расширение и укрепление общественной базы российско-китайских отношений".

Председателем Российской части комитета является хорошо известный в нашей стране общественный и политический деятель А.И.Вольский.

В ходе теплой дружеской встречи Б.Е.Ельцин подчеркнул необходимость подключения к укреплению связей между Россией и Китаем широких кругов общественности и деловых кругов наших двух стран, в первую очередь молодежи, чтобы обеспечить преемственность традиций нашей дружбы.

Вновь созданный Российско-Китайский комитет будет осуществлять свою деятельность в координации с другими неправительственными структурами, в т.ч. и с нашим Обществом. А это значит, что задачи, поставленные Президентом РФ перед вновь созданным Комитетом, имеют прямое отношение и к Обществу российско-китайской дружбы.

С огромным удовлетворением мы можем отметить, что в дни государственного визита Б.Н.Ельцин вручил высокие государственные награды - Орден "Дружбы" нашим давним друзьям: писателю и переводчику Гао Ману, популяризатору советской и русской песни Сюэ Фаню, дирижеру Ли Дэлуню и музыкальному деятелю У Цзунцян - членам правления Общества китайско-российской дружбы.

Этой наградой был отмечен их выдающийся вклад в развитие российско-китайского культурного сотрудничества.

ОРКД идет к своей очередной VI конференции.

Несмотря на определенные успехи, мы не можем и не должны успокаиваться на достигнутом. В этой связи нам предстоит организационное укрепление нашего Общества, привлечение к участию в его деятельности представителей деловых кругов и молодежи нашей страны.

Деятельность Общества российско-китайской дружбы рассчитана на длительную перспективу.

Сейчас наши страны объединяют не только заложенные старшим поколением глубокие традиции дружбы и взаимной поддержки в годы тяжелых испытаний, но перед нами стоит четко обозначенная цель - формирование равноправного доверительного партнерства, ориентированного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Задача Общества состоит в том, чтобы содействовать воспитанию нынешнего и грядущего поколений россиян в духе подлинного добрососедства и дружбы, которыми столь богата история связей между нашими народами, прилагать все усилия для того, чтобы дружбу, сотрудничество и добрососедство между Россией и Китаем сделать еще более глубокими, крепкими и эффективными на благо процветания наших стран и народов.

АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу "азиатским путем"?

© 1998

В.Кистанов

Нынешний вектор российской внешней политики по-прежнему в преобладающей степени направлен в сторону Запада, несмотря на неоднократно делавшиеся торжественные заявления руководителей России, в том числе на самом высоком уровне, о важности для нас Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), а также ставшие уже штампом упоминания о российском двуглавом орле, одинаково зорко вззирающем как на Запад, так и на Восток. Важными попытками скорректировать этот вектор, сделать внешнеполитический курс России более сбалансированным, увеличив в нем удельный вес азиатской составляющей, являются усилия российского МИДа "эпохи Примакова" вернуть былое значение в системе международных приоритетов нашей страны таким восточным гигантам, как Китай, Индия, Иран, а также сдвинуть с мертвой точки связи с Японией.

Однако традиционная евроамериканская заикленность российского истеблишмента, вытекающая из подпитываемой материальными интересами, а потому труднопреодолимой, прозападной ориентации подавляющей части деловой и политической элиты России, грозит тем, что страна может "проспать" динамичный АТР, который, как уже давно предсказывают многие исследователи, станет в XXI веке центром мировой экономической и политической жизни.

Между тем ирония судьбы для нас заключается в том, что сами США и западноевропейские государства все активнее разворачивают свои внешние стратегии лицом к Тихому океану, и прежде всего к его восточноазиатской части, где сейчас происходит стремительное становление регионального "экономического чуда".

И хотя в конце 1997 г. ореол этого "чуда" существенно потускнел в связи с валютно-финансовыми потрясениями в ряде стран Восточной Азии, думается, что запас прочности, накопленный в ходе предшествующего успешного развития, позволит им с меньшими затратами преодолеть негативные

последствия кризиса и со временем снова прочно встать на рельсы поступательного движения в сфере экономики.

Вместе с тем, как это ни парадоксально звучит, указанные потрясения продемонстрировали рост мощи и влияния восточноазиатских экономик в мире. Об этом свидетельствует тот факт, что ухудшение ситуации на валютных и фондовых рынках в Бангкоке, Джакарте и Сеуле тут же "аукнулось" в Нью-Йорке, Лондоне и Токио, не говоря уже о Москве. Эту картину трудно было себе представить еще каких-нибудь десять лет назад.

Резкое возрастание экономического и политического значения восточноазиатских стран на международной сцене обуславливает и их усиливающееся влияние на интеграционные процессы в АТР. Повышение роли "азиатского фактора" в бассейне Тихого океана должно учитываться и Россией при выработке ее тихоокеанской стратегии.

АТЭС набирает ход

Вот уже три с лишком десятилетия в академических, деловых и политических кругах стран АТР с разной степенью интенсивности в отдельные периоды муссируется концепция создания в регионе в той или иной форме так называемого Тихоокеанского сообщества. Однако в отличие от Западной Европы с ее относительно компактной, в основном сухопутной территорией и более или менее однородным по уровню экономического развития и культурным характеристикам составом стран, бассейн Тихого океана охватывает огромное географическое, главным образом, водное пространство. Причем по краям этого пространства расположены государства, имеющие весьма мало общего между собой как в экономических параметрах, так и в культурно-историческом, религиозно-этническом и прочих аспектах. Поэтому идея объединения там государств на базе совпадения экономических интересов, не говоря уже о политических, в течение долгого времени так и не смогла найти сколько-нибудь конкретного воплощения.

Вместе с тем к 90-м годам созрели определенные благоприятные предпосылки, прежде всего в виде подспудно нараставшей тенденции к экономической интеграции в регионе, а также окончания "холодной войны", для постепенного движения в сторону создания институциональной основы тихоокеанского экономического сотрудничества. Судя по всему, наибольшие шансы стать такой основой ныне имеет организация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, англ. аббревиатура - АРЕС).

АТЭС была создана в 1989 г. по предложению тогдашнего премьер-министра Австралии Б.Хоука с целью развития экономического сотрудничества в бассейне Тихого океана. Первоначально в нее входили 12 стран: Австралия, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Таиланд и США. В последующие годы к ним присоединились Китай, Гонконг, Тайвань, Мексика, Чили, Папуа-Новая Гвинея, Вьетнам, Перу и Россия.

Первоначально конференции АТЭС были местом консультаций по вопросам экономического сотрудничества, представляющих общий интерес для ее участников. Однако с течением времени она превратилась в ведущую структуру содействия свободной торговле, инвестициям и экономическому сотрудничеству в АТР, а статус ее конференций вырос с министерского уровня до встреч на высшем уровне.

Первая конференция АТЭС, в которой приняли участие 26 министров иностранных дел, торговли и промышленности, прошла в ноябре 1989 г. в

Канберре. На конференции было принято решение о том, что эта организация не станет эксклюзивным экономическим блоком, а явится региональным органом экономического сотрудничества, открытым для стран, расположенных за пределами региона.

На второй встрече в июле 1990 г. в Сингапуре министры стран-участниц высказали свою твердую приверженность переговорам в рамках Уругвайского раунда ГАТТ и заявили, что и после окончания этого раунда развитие открытой системы торговли останется главной задачей АТЭС. На встрече были созданы также семь рабочих групп, охватывающих различные сферы торгово-экономического сотрудничества.

В ходе третьей конференции АТЭС, проведенной в Сеуле в ноябре 1991 г., ее участники приняли первую Декларацию АТЭС, определившую в качестве важной задачи этой организации вклад в развитие мирового хозяйства путем поддержания экономического роста АТР. Декларация призвала частный сектор к более активному участию в АТЭС. На конференции были учреждены еще три рабочие группы.

Результатом четвертой встречи министров стран-членов АТЭС, проходившей в Бангкоке в сентябре 1992 г., стало формирование постоянного секретариата в Сингапуре и бюджета для обеспечения функционирования рабочих групп. Кроме того, была создана Группа выдающихся личностей (Eminent Persons Group) с поручением ей разработать программу развития торговли в регионе до 2000 г.

На пятой конференции, состоявшейся в ноябре 1993 г. в Сизтле (США), помимо министров, впервые по предложению американцев была проведена встреча "в верхах". Там же Группа выдающихся личностей представила доклад под названием "Видение АТЭС: к Азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству", в котором содержались предложения по ускорению и расширению регионального сотрудничества.

Особенностью шестой конференции АТЭС, проведенной в ноябре 1994 г. в местечке Богор (пригород Джакарты), явилось принятие Декларации, которая определяла рамки либерализации торговли и инвестиций. В частности, лидеры стран-участниц пришли к согласию о том, чтобы наладить свободную и открытую торговлю и беспрепятственные капиталовложения в промышленно развитых странах региона к 2010 г., а в развивающихся - к 2020 г., что нашло свое отражение во втором докладе Группы выдающихся личностей, озаглавленном "Реализация видения АТЭС: свободная и открытая торговля в АТР".

Седьмая конференция (Осака, ноябрь 1995 г.) приняла Декларацию и Программу действий, конкретизирующие Богорскую Декларацию. В частности, члены АТЭС приняли обязательство представить к следующей встрече в Маниле индивидуальные планы добровольной либерализации своей внешней торговли.

В развитие предшествующих саммитов в рамках АТЭС на восьмой конференции, проведенной в ноябре 1996 г. на территории бывшей американской военной базы на Филиппинах Субик Бей, были приняты три документа: Декларация АТЭС: от видения к действию, так называемый Манильский план действий для АТЭС и Совместное министерское заявление. Все они своим содержанием направлены на дальнейшее развитие экономического сотрудничества в АТР и либерализацию экономической и инвестиционной деятельности.

Так, ключевой документ - Манильский план состоит из трех частей: "индивидуальных планов действий" по либерализации торговли и инвести-

ций, представленных 18 членами АТЭС; "коллективного плана действий", который содержит либерализационные меры, предпринимаемые ими совместно; совместной деятельности в сфере экономического и технического сотрудничества. Декларация же предусматривает, что подписавшие ее участники берут на себя обязательство проводить либерализацию в некоторых областях в более ранние сроки, чем было намечено.

Повестка дня и содержание итогового документа девятой конференции (Ванкувер, ноябрь 1997 г.) были предопределены резко осложнившейся в течение предшествующих месяцев валютно-финансовой обстановкой в Азии, а также неотложной необходимостью выработки согласованных действий в сфере защиты атмосферы планеты от глобального потепления. В Декларации под названием "Объединяя сообщество АТЭС" (Connecting the APEC Community) лидеры стран-участниц обязали своих министров финансов принять средне- и долгосрочные меры по стабилизации финансовых рынков и доложить о результатах уже в начале 1998 г. Из-за разногласий по поводу количественных параметров сокращения выброса газов, вызывающих парниковый эффект, лидеры ограничились выражением надежды на успех конференции по этим проблемам в Киото (декабрь 1997 г.).

Что касается основной задачи АТЭС - содействия либерализации и развитию торговли и капиталовложений в регионе, то Декларация на этот раз содержит лишь рекомендации министрам торговли соответствующих государств предпринять шаги по добровольной либерализации в 15 секторах, в том числе выработать в 1998 г. конкретные меры по либерализации в 9 областях, с тем чтобы они начали осуществляться уже с 1999 г.

Таким образом, поступательный ход АТЭС свидетельствует о том, что в последние годы в АТР все более уверенно набирает силу торгово-экономическое сотрудничество, ведущее к сближению в единых институциональных рамках стран-участниц этого сотрудничества.

А есть ли концепция?

Вместе с тем необходимо заметить, что сама идея создания Тихоокеанского сообщества является все еще весьма неопределенной и не выходит за рамки чисто концептуальных рассуждений. Видимо, этим можно объяснить то, что на конференции в Осаке была распущена Группа выдающихся личностей, которая, несмотря на свое громкое название, судя по всему, так и не смогла выработать концепцию Тихоокеанского сообщества, удовлетворяющую всех членов АТЭС и отвечающую сложным и труднопрогнозируемым реальностям такой специфической части мира, какой является АТР (если это вообще возможно на данном этапе).

Вряд ли можно ожидать, что в обозримой перспективе в бассейне Тихого океана возникнет что-либо напоминающее хотя бы предшественника Европейского Союза (ЕС) - Европейское экономическое сообщество. Отношение к самому слову "сообщество" в странах АТР далеко не однозначно, а их лидеры вкладывают в него различный смысл, исходя из своего понимания ситуации в регионе и прежде всего из собственных интересов.

В ходе визита в Токио в июле 1993 г. Б.Клинтон предложил сформировать "Новое тихоокеанское сообщество", базирующееся на принципах открытой экономики и демократии. Оттого, что эта глобальная идея была трансформирована участниками встречи "в верхах" в Сизтле в том же году в более узкое понятие "Азиатско-тихоокеанского экономического сообщества", она не

приобрела более конкретных очертаний и не стала с тех пор понятней ответственности стран региона.

Заместитель министра иностранных дел Японии К.Огура высказался на этот счет на одном из симпозиумов в Токио следующим образом: "Идут разговоры о взаимозависимости и, действительно, существуют некоторые реалии взаимозависимости в этой части мира. Однако, что такое азиатско-тихоокеанская концепция в политическом смысле?" По его мнению, одна из задач АТЭС заключается в том, чтобы более ясно сформулировать идею Азиатско-тихоокеанского сообщества - что она значит для людей и стран этого региона и что - для остального мира.

Некоторые аналитики вообще сомневаются, что идея Тихоокеанского сообщества реализуема в принципе. Так, газета "The Japan Times" (20.11.1995) писала, что идея "сообщества" докажет или, может быть, уже доказала, что ее очень трудно, если вообще возможно, превратить в действительность. По словам газеты, в настоящее время среди членов АТЭС консенсус в отношении концепции Азиатско-тихоокеанского сообщества означает всего лишь семью или группу друзей.

Как представляется, азиатские деятели усматривают в данной идее прежде всего средство дальнейшего экономического развития своих стран. Но при таком понимании сущности этого сообщества, очевидно, происходит столкновение позиций и выгод азиатских и англосаксонских стран (в основном США), расположенных по берегам Тихого океана.

Противоречивые подходы

Самым, пожалуй, принципиальным расхождением между ними являются взгляды на то, какой быть по своему содержанию АТЭС: жесткой структурой блокового типа с четкими институциональными характеристиками, требующей неукоснительного выполнения принятых решений (западный подход), или мягкой субстанцией консультативного характера, допускающей относительную свободу трактовки этих решений и добровольность их выполнения (азиатский подход).

Существует и ряд утилитарно-прагматических разногласий в оценках предназначения АТЭС. Так, в азиатских политических и деловых кругах распространено мнение, что стратегия США в отношении этой организации сводится к тому, чтобы использовать ее в качестве инструмента для "вскрытия" рынков Азии, добиться расширения своего экспорта туда и тем самым создать новые рабочие места у себя дома. Задача тем более актуальная, что из 150 млрд. долл. внешнеторгового дефицита Соединенных Штатов львиная доля приходится на восточноазиатские государства, и прежде всего на Японию и Китай.

Кроме того, не секрет, что американцы рассматривают АТЭС как эффективный рычаг для вытягивания торговых уступок от ЕС, а также для сдерживания реализации плана создания Восточноазиатского экономического союза (East Asia Economic Caucus) - проектируемой экономической группировки, которая, по замыслам ее архитектора - премьер-министра Малайзии М.Махатхира, должна исключать США и другие "белые страны".

В то же время страны Азии, как говорилось выше, расценивают АТЭС главным образом как движущую силу своих экономик. Более того, "неявка" Клинтона на встречу "в верхах" в Осаке дала основания некоторым аналитикам надеяться на то, что центр тяжести делового взаимодействия в АТР смещается с либерализации рынков товаров и капиталов в сторону экономи-

ческого и научно-технического сотрудничества. Однако эти надежды представляются весьма зыбкими в свете ряда недвусмысленных заявлений американских деятелей о том, что, если не будет прогресса в сфере указанной либерализации, то США потеряют интерес к АТЭС.

А этого азиаты весьма сильно опасаются, учитывая значимость американских рынков как основного поглотителя их товаров, а также роль США как гаранта стабильности военно-политической обстановки в АТР. Более того, азиатские политики придают большое значение АТЭС именно как средству удержания Соединенных Штатов в АТР и более глубокого вовлечения их в дела региона, особенно на фоне усиливающихся в последнее время в американском обществе неоиоляционистских настроений.

Кстати, в привязке Китая через АТЭС к экономическим процессам в бассейне Тихого океана страны Юго-Восточной Азии также видят способ нейтрализации экспансионистских устремлений последнего и средство сдерживания роста его военной мощи.

Многоликая роль

Вообще, надо сказать, что уникальная роль АТЭС состоит еще и в том, что в ней как бы "в одной упряжке" оказались две великие экономические державы нынешнего века - США и Япония, а также экономический гигант века будущего - Китай. В связи с этим нельзя недооценивать АТЭС как среду, которая могла бы гасить или, во всяком случае, смягчать экономические трения между тремя указанными государствами, а также их политические противоречия, которые в эпоху после окончания "холодной войны" имеют тенденцию к неуклонному нарастанию.

Немалое значение имеет также тот факт, что в АТЭС "в одной компании" состоят КНР и Тайвань, непростые взаимоотношения между которыми также требуют благоприятных внешних условий. В целом же, эта организация является средоточием колоссального экономического и военного потенциала.

Что касается Японии, то АТЭС является единственной международной структурой интеграционного типа, куда входит этот экономический великан, неповторимость статуса которого на международной арене заключается в том, что он выступает сразу в двух ипостасях: с одной стороны, как член элитной группировки промышленно развитых стран Запада ("семерки"), к которой в 1997 г. присоединилась и Россия, а с другой - в качестве выразителя интересов азиатского сообщества. Используя двуликость своего положения, Япония стремится играть роль "моста" в отношениях между Западом и Востоком.

Как можно полагать, эта роль ей вполне удалась на конференции АТЭС в Осаке, что выразилось в принятии под ее руководством компромиссных итоговых документов, предусматривающих, как упоминалось ранее, односторонние и на добровольной основе шаги стран-участниц по открытию их рынков. Именно такая поступь, надо сказать, отвечает интересам самой Японии, вынужденной "притормаживать" темпы либерализации своего рынка риса, исходя из внутривосточной ситуации. Такие результаты дали ряду аналитиков повод для умозаключений о том, что в Осаке АТЭС, перейдя от слов к делу, двинулась вперед "по азиатскому пути".

Ценным итогом Осакинской конференции явилось укрепление мнения о том, что АТЭС со временем может стать важной институциональной структурой обеспечения мира и безопасности в регионе. На заключительной пресс-

конференции в этом духе однозначно высказался председатель конференции тогдашний премьер-министр Японии Т.Мураяма.

Но настоящий фурор в кулуарах конференции вызвало высказывание тогдашнего министра обороны США У.Перри в интервью японской газете "Нихон кэйдзай" о том, что роль этой организации должна быть расширена до регионального форума по проблемам безопасности. Участники конференции не скрывали своего удивления, поскольку это заявление идет вразрез с официальным курсом Вашингтона, в соответствии с которым главный упор в обеспечении безопасности в АТР должен делаться на двусторонние военные союзы США с рядом азиатских государств.

Заявление американского военного министра симптоматично в условиях, когда единственной организацией, претендующей на многосторонность подхода к проблемам безопасности в АТР, является новоиспеченный Региональный форум АСЕАН, представляющий собой пока весьма аморфную организацию. Лидеры АСЕАН с большой настороженностью относятся к идее наделяния АТЭС миротворческими функциями, так как усматривают в этом возможность принижения собственной роли в деле укрепления мира и безопасности в бассейне Тихого океана.

Тем не менее возрастание роли АТЭС в сфере международной политики и обеспечении региональной безопасности было подтверждено тем фактом, что на конференции в Маниле Китай и США, отношения между которыми переживают спад, достигли соглашения об обмене визитами на высшем уровне. Там же наметилось улучшение в японо-китайских связях. Кроме того, страны-участницы договорились о наращивании усилий, направленных на смягчение напряженности на Корейском полуострове, усилившейся из-за очередного обострения конфронтации между Севером и Югом.

В целом же в АТР бросается в глаза огромная диспропорция между все более уверенным движением в сторону экономической интеграции (хотя и не без серьезных проблем и противоречий) и слабой структурированностью региона в политической сфере, и прежде всего в области многостороннего военно-политического сотрудничества. Можно, однако, надеяться, что успехи на ниве хозяйственного развития и сближения рано или поздно породят мощные стимулы к объединению и координации усилий азиатско-тихоокеанских стран, направленных на урегулирование существующих, а также предотвращение потенциальных региональных конфликтов и угроз.

Стержень роста мировой экономики

Быстрый экономический рост стран АТР привел к тому, что общепризнанным стал тезис о сдвиге центра мирового экономического развития в сторону бассейна Тихого океана. При этом мало кто сомневается в том, что страны и территории, входящие в АТЭС, будут определять картину мирового хозяйства в следующем веке.

По данным на 1995 год на страны АТЭС приходилось 38,2% населения планеты и 55,7% ее ВВП, в то время как на ЕС, например, - соответственно 6,7% и 31,1%. Аналогичные ЕС удельные веса имеют в совокупности и страны, входящие в Соглашение о свободной торговле в Северной Америке (англ. аббревиатура NAFTA), объединяющее США, Канаду и Мексику. На АТЭС падает также 43,9% объема мировой торговли товарами, 32,9% - услугами и 64,1% экспорта технологий.

По данным на 1993 г., в сфере внешней торговли зависимость от внутрирегиональных сделок в рамках АТЭС у входящих в нее стран состав-

ляла 70,7%, в то время как у стран-членов ЕС этот показатель равнялся лишь 55,4%. Исключительно быстрыми темпами растет товарооборот между тремя главными опорами АТЭС: Японией, США и Восточной Азией (без учета Японии).

По некоторым оценкам, среднегодовые темпы экономического прироста АТЭС до 2000 г. составят 3-3,5%, причем азиатские страны в этом отношении будут значительно опережать своих промышленно более развитых англосаксонских компаньонов.

Высокие темпы хозяйственного развития, нарастающие внутрирегиональные потоки товаров, услуг и капиталов дают основание говорить о том, что в XXI веке АТЭС станет стержнем экономического роста мира. При этом азиатскими политиками и бизнесменами подчеркивается, что интеграция входящих в нее стран должна носить характер "открытого регионализма", т.е. быть ориентированной на недискриминационное сотрудничество с государствами, не являющимися участниками этой организации.

Вместе с тем нет недостатка в опасениях, что АТЭС может со временем превратиться в замкнутый экономический блок в противовес блоковым тенденциям в Западной Европе и Северной Америке. Правда, при этом неясны перспективы поведения США, имеющих "двойное гражданство": в Соглашении о свободной торговле в Северной Америке и АТЭС.

Если предположить, что они отдадут предпочтение своему североамериканскому детищу в ущерб азиатским партнерам по АТЭС, то тогда, возможно, Япония пойдет навстречу призывам М.Махатхира и возглавит предлагаемый им блок в лице упомянутого выше Восточноазиатского экономического союза в составе стран АСЕАН, НИС*, а также Китая. Пока же в отношении этих призывов она занимает неопределенно-уклончивую позицию.

В этом случае планете грозила бы торговая война на уровне экономических блоков со всеми разрушительными последствиями для мировой экономики. Именно поэтому этот наихудший сценарий следует рассматривать как минимально возможный.

Станет ли Россия "азиатским драконом"?

Ведущая роль АТЭС в бассейне Тихого океана определяется, помимо сказанного, еще и тем, что она как бы втягивает в себя и связывает в единое целое другие структуры, имеющие отношение к этому океану. Россия, до недавнего времени, находилась на периферии указанных процессов или, попросту говоря, на обочине бурной тихоокеанской жизни. Наша страна участвовала лишь в Региональном Форуме АСЕАН, вся деятельность которого в настоящее время сводится к обмену мнениями по проблемам безопасности.

С учетом того, что до самого последнего времени Россия не являлась членом ни одной международной интеграционной группировки (если не считать, конечно, действующего пока к сожалению больше на бумаге СНГ), складывалось ощущение определенной изоляции нашей страны на мировой хозяйственной сцене.

Ее экономическое "сиротство" еще контрастнее было оттенено прошедшей в первых числах марта 1996 г. в Бангкоке встречей "в верхах" лидеров Западной Европы и Восточной Азии. Этот саммит в силу объяснимых причин был проведен "через голову" претендующей на евразийство России (точнее, через две головы российского орла). Он же свидетельствует о том, что вслед за США и Западной Европой в ее глобальной экономической стра-

* Новые индустриальные страны - Тайвань, Южная Корея, Сингапур.

тегии все явственнее берет курс на Тихий океан, и прежде всего на Восточную Азию.

Из этого следует, что во избежание изоляции на международной арене нашей стране нужен свой экономический и политический ареал или собственная опора в виде ряда государств, тяготеющих к ней экономически и готовых сотрудничать с ней политически. И это еще раз доказывает, что в настоящее время только страны так называемого ближнего зарубежья в составе СНГ могут быть такой опорой. Это вовсе не означает линии на создание замкнутого экономического блока в пику Европе и Восточной Азии. Более того, Россия должна еще более активно торить себе дорогу на просторы мировой экономики с помощью развития всестороннего сотрудничества как с ЕС, так и со странами, входящими в АТЭС.

При этом нужно иметь в виду, что, если формально-организационное вхождение в ЕС для нас на обозримую перспективу является чисто риторическим вопросом в силу масштабов и качества российского хозяйства (первые огромны, а второе низко) при сопоставлении их с западноевропейскими экономическими стандартами и реалиями, то действительность АТЭС с ее вышерассмотренными институциональными характеристиками, а также многослойностью и разнородностью экономических параметров ее стран-участниц, как раз и позволила России, наряду с Вьетнамом и Перу, присоединиться к этой организации с 1998 г., о чем было принято решение на конференции в Ванкувере.

Принятие России в АТЭС на исходе минувшего года явилось большой неожиданностью для наблюдателей. Принимая во внимание наложение десятилетнего моратория на прием новых членов в эту организацию, можно сказать, что нам удалось вскочить буквально на заднюю подножку последнего вагона уходящего поезда. Это образное сравнение - отнюдь не преувеличение. Оно подтверждается перипетиями ожесточенной борьбы за членство, развернувшейся в Ванкувере. Лишь поддержка со стороны Японии, Китая и США склонила чашу весов в нашу пользу.

При этом, как представляется, каждая из этих стран исходила из собственных соображений. Так, Япония, еще совсем недавно выступавшая против участия России, снятием своего "вето" как бы встраивает ее в собственную "Евразийскую дипломатию", провозглашенную премьер-министром Р.Хасимото за считанные месяцы до Ванкувера. Этот жест, по мнению некоторых японских аналитиков, должен способствовать созданию благоприятной атмосферы в отношениях между Россией и Японией для решения территориальной проблемы и подписания мирного договора.

Китаю Россия нужна, чтобы, опираясь на "стратегическое партнерство" с ней, противостоять в рамках АТЭС японо-американскому альянсу. И Япония, и Китай больше других членов АТЭС нуждаются в энергоресурсах, которыми богата Россия, особенно в свете того, что, по некоторым оценкам, их потребление в Азии к 2010 году удвоится. Наконец, судя по всему, в Вашингтоне и Токио начали осознавать, что без более глубокого вовлечения России в дела АТР вряд ли можно рассчитывать на прочную стабильность в сфере региональной безопасности.

Вступление нашей страны в АТЭС, с одной стороны, открывает для нее новые горизонты в сфере интеграции в бассейне Тихого океана, а с другой - таит и подводные рифы. Безусловно, более тесные отношения со странами этого региона в торговой, инвестиционной и технологической областях будут способствовать экономическому и социальному развитию Сибири и Дальнего Востока. По оценкам некоторых российских экспертов, прямые вы-

годы, которые получит Россия от участия в АТЭС, оцениваются в миллиарды долларов. Таким должен быть эффект от либерализации торгово-экономических отношений с партнерами по АТЭС².

Вместе с тем, как показывает печальный опыт, распахивание дверей российского рынка по рецептам радикал-реформаторов ведет к фактическому подрыву основ отечественного реального производства, в том числе дешевыми потребительскими товарами из стран Восточной Азии. То обстоятельство, что либерализация в соответствии с требованиями АТЭС должна проводиться на добровольных началах, дает надежду на выбор оптимального курса, отвечающего интересам России. Хотя на страницах прессы Японии, которая выступила в качестве "поручителя" нашей страны в АТЭС, уже звучали тревожные высказывания относительно ее способности вовремя представить индивидуальный план либерализации своего рынка.

Другая опасность кроется в том, что Россия лишь закрепит и усилит свою роль сырьевого и энергетического придатка Восточной Азии, хотя этот процесс, можно быть уверенным, будет сопровождаться вдохновляющими фразами со стороны как торговых контрагентов России, так и ее финансово-сырьевой олигархии, о том, что страна превращается в энергетический центр региона, наводит энергомосты в соседние страны и т.п.

Конечно, объективно говоря, на обозримую перспективу экспорт именно нефти и газа только и может стать главным источником поступления валюты, необходимой для развития российских регионов к Востоку от Урала. Но при этом важно сделать так, чтобы эта валюта не начала в дополнение к частным счетам в банках Лондона, Парижа и Цюриха оседать на таких же счетах в Токио, Сеуле и Пекине. "Рыбная эпопея" в отношениях с Японией показывает, что сказанное - вовсе не плод чьей-то фантазии.

Исходя из того, что подключение России к ведущей структуре тихоокеанской интеграции, несомненно, будет способствовать укреплению рыночных начал в российской экономике, необходимо выработать такие подходы к ее влечению в хозяйственную ткань бассейна Тихого океана, которые минимизировали бы возможные негативные последствия этого процесса.

Наряду с этим надо отдавать себе отчет в том, что "азиатский путь" в глобальные интеграционные процессы - это то, что сегодня России по плечу. Благоприятным условием для движения по этому пути является то парадоксальное обстоятельство, что, по некоторым оценкам, в ближайшие годы Восточная Азия (без учета Японии), превзойдя Западную Европу по объему привлекаемых из-за рубежа прямых капиталовложений, одновременно станет наряду с США крупнейшим в мире источником прямых инвестиций в другие страны.

Поэтому одной из приоритетных задач для нашей страны на предстоящие годы должно стать создание в Сибири и на Дальнем Востоке подходящего климата для прямых производственных капиталовложений из восточноазиатских государств, которые к тому же в отличие от стран Запада не будут диктовать нам условия их предоставления. Как известно, отнюдь не западные финансовые ресурсы, а "деньги" азиатских НИС и стран АСЕАН являются "двигателем", например, той же китайской экономики.

Одновременное же участие в двух региональных структурах вполне допустимо. Это демонстрируют США, которые, создав "под себя" зону свободной торговли на своем континенте, в то же время откровенно пытаются приспособить к собственным торгово-экономическим нуждам и АТЭС, не говоря уже о том, что все участники Соглашения о свободной торговле в Северной Америке в полном составе входят в эту организацию.

Россия, являясь ядром СНГ и будучи его единственным членом, имеющим выход в Тихий океан, вступив в АТЭС, может теперь играть роль торгово-экономического, в том числе транспортного, "моста" между СНГ и тихоокеанскими государствами, а в более отдаленном будущем - между последними и ЕС.

Аксиомой является то, что необходимой предпосылкой плодотворного участия России в азиатско-тихоокеанских процессах является ускоренное (в том числе по сравнению с европейской частью) развитие ее дальневосточных регионов, которые, как можно судить по российской печати, пока ходят в парасынках у московских властей, но при этом шантажируют Москву угрозой сепаратизма. Остается надеяться, что обнародованная Б.Ельциным в ходе визита в Хабаровск в апреле 1996 г. долгосрочная программа развития Дальнего Востока не попадет под очередной секвестр и изменит, наконец, ситуацию к лучшему.

Именно этот регион может и должен стать той "сцепкой", которая позволит российскому государству влиться в восточноазиатский "строй летящих гусей". В его основе лежит напоминающее этот строй волнообразное или ступенчатое развитие экономики Восточной Азии, начало которому положил беспрецедентный хозяйственный взлет Японии в 60-е годы, превратившей страну как бы в лидера стаи. Затем, благодаря японским капиталам, технологии, а также торговле с ней в 70-е годы зародилась вторая экономическая волна в виде НИС, а в 80-е годы - третья в лице стран АСЕАН, которые восприняли инвестиции и технологию двух предшествующих волн. Наконец, в самые последние годы эта цепочка удлинилась за счет Китая, в развитии которого с помощью капиталовложений, передачи технологии и торговли участвуют уже все вышеназванные страны Восточной Азии.

Если России удастся встать в строй "восточноазиатских гусей", то это позволит подключиться к действующему в регионе "экономическому механизму самоциркуляции", о котором говорит профессор Токийского технологического университета Т.Ватанабэ³. Его суть заключается в том, что товары и деньги начали обращаться уже между самими восточноазиатскими государствами помимо Японии.

До недавнего времени эти государства сбывали свою продукцию главным образом на рынках США и Японии. Но по мере роста спроса в собственно Восточной Азии местные производители стали продавать ее во все возрастающих количествах в своем субрегионе. При этом НИС играют ключевую роль: они превратились не только в один из ведущих центров мирового производства, но и в крупнейший центр импорта. Для стран АСЕАН, например, ни США, ни Япония, но именно НИС являются основными покупателями их товаров. Для Китая также Гонконг и другие НИС стали главными импортерами его продукции. Что касается финансовых источников, то НИС сейчас превратились в лидирующих инвесторов в экономике Китая и стран АСЕАН.

Указанный механизм самоциркуляции уже действует в приморских провинциях Китая и, по всей видимости, в будущем охватит внутренние районы КНР, а также Вьетнам, Мьянму и другие государства Индокитая. Благодаря этому механизму экономика восточноазиатского субрегиона, которая ранее была уязвима в отношении перемен во внешнем мире, стала приобретать самостоятельную устойчивость и способность противостоять неблагоприятному воздействию извне.

Тот факт, что мы пристроимся в хвост "гусяной стаи", не должен вызывать у россиян чувства неполноценности или ущемления великодержавного самолюбия. России есть с чем придти туда. Помимо богатых природных ресурсов страна обладает (пока еще?) рядом таких технологий, которые стали

предметом вождения в той же Восточной Азии. Не следует забывать также, что некоторые "гуси", такие как Китай, Вьетнам и Малайзия, являются солидными потребителями российского оружия.

Наконец, в противоположность Европе в Азии вряд ли следует ожидать возникновения какой-либо многосторонней, но дискриминационной в отношении России, военной структуры типа НАТО, подразумевающей ее своим главным потенциальным противником, требующим "сдерживания".

* * *

Итак, навсегда ушла в прошлое эпоха, характеризовавшаяся образным выражением: "Когда США чихают, Азия схватывает воспаление легких". В конце прошлого года, наоборот, финансовые "недомогания" Восточной Азии заставили "чихать" США и Европу. Теперь уже Соединенные Штаты, Западная Европа и остальные страны мира, строя свои планы на будущее, прислушиваются к "пульсу Азии". С учетом этого пульса России еще предстоит выработать комплексную восточную стратегию. Ее сутью должно стать приоритетное экономическое и социальное развитие азиатской части страны, которое только и может быть залогом ее успешной деятельности на азиатско-тихоокеанской экономической и политической сцене.

Может быть, в результате реализации такой стратегии наша страна со временем предстанет перед миром не в образе угрюмого и непредсказуемого косолапого, а в качестве динамичного "азиатского дракона" или "тигра". Но это программа-максимум. А программа-минимум должна заключаться в том, чтобы Россия хотя бы не осталась за бортом многообещающего торгово-экономического, политического и культурного пространства в бассейне Тихого океана. Вступление в АТЭС дает нам хороший шанс.

Токио-Москва.

-
1. The Japan Times, 1995, November 16.
 2. Известия, 1997, Ноябрь 27.
 3. The Japan Times, 1995, November 24.

“Дальневосточный Рапалло”: российско-китайское стратегическое партнерство после холодной войны

© 1998

Джон У. Гарвэр

Сравнение послевоенных международных систем

Из сравнительного исторического анализа иногда можно извлечь полезные знания. Сравнивая модель международных отношений в конкретной однотипной ситуации, мы можем постичь скрывающуюся за этим динамику, действительную для ситуаций определенных категорий. К примеру, можно исследовать модели взаимодействия в случае создания или распада союза, вызова международному порядку, бросаемого революционными государствами, и т.д. В данной статье имеется в виду международная силовая структура, возникшая как следствие двух из трех глобальных конфликтов, которые определили историю двадцатого века. Основная идея статьи заключается в том, что силовым системам, появившимся после первой мировой войны и холодной войны, присущи фундаментальные сходства. Вслед за первой мировой войной и холодной войной возникли доминирующие коалиции держав-победителей и противостоящие им недоминирующие коалиции государств-“парий”. Более того, существовало несколько важных геополитических и идеологических сходств между странами-“париями” обоих “противостоящих” коалиций.

Три определяющих глобальных конфликта двадцатого столетия

Три эпохальных глобальных конфликта - первая и вторая мировые войны, а также холодная война - явились определяющими для истории двадцатого столетия. Холодная война по своей форме сильно отличается от двух мировых войн. Ведь два основных участника этого столкновения - США и СССР - никогда не были вовлечены в прямой военный конфликт друг с другом. Тем не менее подобно мировым войнам холодная война повлекла за собой длительную и глобальную по своим масштабам мобилизацию усилий систем альянсов с целью концентрации ресурсов и их направление на решение стратегических задач, что содействовало достижению конечных желаемых политических целей. Как и две мировые войны, холодная война потребовала крупнейшей мобилизации национальных ресурсов и их канализации в русло борьбы против других держав в отдаленных фланговых регионах всего земного шара. Иногда эта борьба становилась “горячей” - в Корее, Вьетнаме и Афга-

нистане. Однако она не переросла во всеобщую войну скорее всего из-за наличия ядерных вооружений. Мы не нуждаемся в том, чтобы заниматься софистикой вокруг термина "война". Я просто имею в виду, что все три великих глобальных конфликта нашего столетия включали в себя массированные и непрерывные, носившие милитаризованный характер конфликты блоковых систем для достижения специфических политических целей.

Понимаю, что одна из главных предпосылок этого материала - утверждение, что Советский Союз "проиграл холодную войну", является спорной, особенно, видимо, для российского читателя. И тем не менее, как мне представляется, если мы будем рассматривать ситуацию бесстрастно, как ученые, а не как американцы, россияне или представители других государств, мы придем прямо и объективно именно к этому заключению. Спусти несколько лет после окончания холодной войны Советский Союз потерпел целый ряд серьезных провалов: потеря восточно-европейских союзников; утрата восточно-европейской буферной зоны, объединение Германии - российской Немезиды на протяжении всего двадцатого столетия; объединение Германии в рамках НАТО; дезинтеграция самого СССР и потеря западных республик этой страны; тяготение бывших восточно-европейских союзников к НАТО.

Я не убежден, что большинство этих событий явилось результатом усилий США или Запада или что они были заранее запланированы или же задуманы американскими стратегами. Но даже незапланированные последствия должны приниматься в расчет. Факты свидетельствуют, как мне кажется, о том, что через несколько лет после окончания холодной войны Советский Союз и его основной преемник Российская Федерация оказались значительно ослабленными, тогда как главные оппоненты СССР по холодной войне - США и западная коалиция оказались в значительно более сильной позиции. Более того, достижение политических целей западной коалицией (утверждение институтов и идеологии либеральной, капиталистической демократии) было гарантировано на всем пространстве главного сражения в холодной войне - европейском континенте. Был ли этот результат преднамеренным или нет, объективный ответ на этот вопрос должно свестись к тому, что западная коалиция "выиграла", а советская коалиция "проиграла" третий глобальный конфликт двадцатого столетия. Более того, мне думается, что трезвое понимание "стратегического партнерства" между Россией и Китаем, которое является центральным элементом системы, существовавшей после холодной войны, должно начинаться с осознания этих основных фактов международной раскладки сил. Однако об этом мы поговорим в заключительной части данной статьи.

Общие черты систем, сложившихся после первой мировой войны и холодной войны

В 1922 г. большевистская Россия и Веймарская Германия заключили соглашение о сотрудничестве в ряде областей. Представители двух стран встретились в Рапалло - курортном городе на севере Италии, где собирались державы-победительницы в недавно закончившейся войне, чтобы решить послевоенные проблемы. Руководствуясь рапалльскими договоренностями, Россия и Германия успешно работали вместе более 10 лет, особенно по вопросу о развитии вооруженной мощи. Только после прихода к власти Гитлера в 1933 г. произошло ухудшение этих особых отношений.

В начале 90-х гг. Россия и Китай вступили в "стратегическое партнерство", направленное против "глобальной однополюсности". Это партнерство

получило развитие в нескольких областях. Как это было в 20-х гг., наиболее важным ареалом их базисного сотрудничества явилась военная сфера. Подобно тому, как большевистская Россия помогала Веймарской Германии (или, если быть более точным, становлению Веймарской морской Германии как военной державы), обойти лимиты военного развития этой страны, навязанные Версальским договором, так и в 90-х гг. Россия помогала Китаю в подъеме его военной мощи в обход ограничений, навязанных западной коалицией². В обоих случаях западные державы, выступавшие как победители в недавно закончившемся глобальном столкновении, стремились ограничивать военные возможности одной из держав, не входивших в коалицию. В обоих случаях государство, подпадавшее под эти ограничения, обходило их путем объединения с державой из другой недоминирующей коалиции. И в том, и в другом случае в центре такого партнерства находился подъем военной мощи для создания ситуации, не благоприятной для доминирующей коалиции недавних победителей.

Германо-российское рапальское партнерство 1922-1933 гг. и китайско-российское партнерство 1990-97 гг. идентичны в трех аспектах:

1) Участниками этих объединений были государства-парии, выступавшие как отверженные перед лицом коалиции победителей в недавно завершившемся глобальном конфликте.

2) Тяжелые потери, понесенные на Западе континентальной державой в результате ее поражения в недавнем глобальном столкновении, подвинул ее к завязыванию стратегического партнерства с ведущей державой к Востоку от нее, чтобы более успешно решать проблему ее безопасности на Западе.

3) В обоих случаях восточный член коалиции являлся идеологическим изгоем, глубоко враждебным и опасаящимся интервенции со стороны демократических капиталистических стран, которые явились победителями в недавно завершившемся глобальном конфликте.

Германия и Россия были париями версальского порядка. Германия носила клеймо ответственности за развязывание опустошительной Великой Войны и по Версальскому договору носила ярмо различных ограничений и контрибуции. Большевики первыми изменили союзническим усилиям в войне и затем начали поход против религии и частной собственности по всему пространству бывшей российской империи. Кроме того, большевики активно поддерживали пролетарскую революцию за границей. Одним словом, существовал глубокий антагонизм между большевистской Россией и государствами-победителями, которые создали версальскую систему. У Германии и России было мало общего, кроме их положения парий. Но это положение явилось решающим фактором.

После холодной войны Российская Федерация и Китайская Народная Республика были странами-изгоями подобно Германии и России после первой мировой войны. "Западный" союз, ведомый Соединенными Штатами и включающий в себя страны Западной Европы и Японию, в конечном счете одержал решающую победу в этом конфликте. Поскольку народ России в 1990-91 гг. поднялся на свержение коммунистической тирании и вынес тяжелое бремя продолжительной холодной войны, многие россияне надеялись, что новая Россия будет с энтузиазмом принята в западное сообщество стран. Многие россияне ожидали крупномасштабной экономической помощи США по линии плана Маршалла, которая предлагалась Советскому Союзу в 1947 г. и которая была предоставлена Германии в последующие годы. Больше всего ожидалось, что к России будет по-прежнему относиться как к великой державе и даже как к сверхдержаве. Очень мало кто сомневался, что претензии России на ее жизненные интересы безопасности на западных рубежах не будут учитываться державами-победительницами. Точно также лишь немногие россияне

(или американцы - по этому вопросу) представляли себе те громадные трудности, которые окажутся на пути перехода от коллективизированной экономики с центральным планированием к гибкой рыночной экономике и от пост-тоталитарного коммунизма к устойчивой либеральной демократии. Когда же в России начались упадок экономики и политическая дезинтеграция, то страну охватило возрастающее разочарование. И по большей части эта неудовлетворенность ассоциировалась с позицией западных государств. Многие россияне испытывали чувство, что Россия предана и обманута Западом. Престиж России упал в глазах западных держав, и многие россияне начали приходить к заключению, что они недостаточно состоятельны и демократичны. Жизненные интересы России игнорировались. Короче говоря, к ней относились как к стране, которая потерпела поражение и которая оказалась униженной. Настроения в России после окончания холодной войны очень напоминали настроения, наблюдавшиеся в Германии после подписания Версальского договора.

Китайская Народная Республика была также отчуждена от коалиции демократических государств, которые оказались победителями в холодной войне. Этот отрыв произошел, в основном, в связи с совпавшим по времени грубым подавлением демократического движения в Китае в начале 1989 г. и с мирным, по большей части, ниспровержением коммунистических режимов в Восточной Европе и в Советском Союзе. Репрессивные действия Народно-освободительной армии (НОА) в Пекине и других городах КНР в июне 1989 г. породили мощное осуждение со стороны западной общественности. А официальные представители, избранные этой общественностью, рефлексировали в большей или меньшей степени отлив в настроениях общественного мнения по отношению к Пекину. Эти проявления неодобрительного отношения Запада затрагивали чувствительные националистические струнки в Китае, где жаждали уважения со стороны стран Запада, а в ответ, как казалось, получали его презрение. Подобные настроения оскорбленного национализма раздувались режимом КПК, отчаянно стремившимся вернуть себе легитимность и отвлечь от себя недовольство народа. Реакция презрения китайцев в ответ на западное морализирование служила для западной аудитории подтверждением правильности его негативного восприятия страны коммунистической партии Китая, Китайской Народной Республики или КНР. После коллапса коммунизма в Восточной Европе и бывшем СССР в 1989-91 гг. КНР все явственнее выступала как единственная главная и воинственно нераскаивающееся коммунистическое государство. Идеологическая пропасть между Китаем и западной коалицией углублялась по мере того, как становились ясными масштабы победы западного альянса над союзом СССР и по мере того, как КПК одновременно ужесточала свой внутренний контроль над Китаем, используя антизападные лозунги для придания легитимности своего господства.

Ситуация в КНР в 90-х гг. напоминала большевистскую Россию 20-х гг. Ни Россия, ни КНР не входили в победоносные коалиции последней глобальной войны. Обе страны в какие-то периоды этой войны стояли вместе с этой коалицией. На ранней стадии первой мировой войны Россия входила в коалицию основных держав-членов западного альянса. Китай оказался квази-союзником западного альянса в конце 70-х гг., в период, когда Пекин ратовал за всемирный единый фронт "против гегемонизма". По существу и Россия во время первой мировой войны, и Китай во время холодной войны внесли заметный вклад в победу недавно закончившегося глобального конфликта. Однако в основном по идеологическим причинам обе не пожелали и не смогли стать частью победоносной коалиции. Вместо этого и большевистская Россия, и Китай после пекинского побоища предпочли стоять бок-о-бок со страной, которая недавно потерпела поражение, против коалиции, одержавшей победу.

Вторым важным сходством российско-китайских отношений 90-х гг. и рапалльской связки Германии и России в 20-х гг. является необходимость в обоих случаях компенсировать катастрофический урон, понесенный континентальной державой на западных рубежах, путем установления партнерских связей с державой к востоку от нее. Серьезные провалы на ее западных рубежах, в результате недавнего поражения в глобальном конфликте заставляли эту континентальную державу фокусировать опасения за свою безопасность в западном направлении, а этот фокус в свою очередь диктовал императивность стратегического сотрудничества с главной державой на Востоке. Такова геополитическая дефиниция "Рапалло"

Под континентальной державой 20-х гг. мы имеем в виду, разумеется, Германию. В период Великой Войны Германия захватила весьма значительную добычу на Востоке в результате поражения России. Хотя эта добыча, сложенная в германские кладовые в Брест-Литовске, в основном испарилась в ходе гражданской войны в России, положение Германии на Востоке в 1922 г. оставалось относительно безопасным. Совсем другим было ее положение на Западе. Разгром Германии произошел главным образом именно на Западе, где объединенная военно-промышленная мощь Англии, Франции и США нанесла ей сокрушительные удары. В результате поражения Германия понесла громадные и систематические потери: демилитаризация "Рейнской области", утрата Саарского бассейна и выкачивание промышленной продукции Рура в качестве репараций для Франции. Лишение военно-морского флота также сделало Германию более уязвимой перед лицом Англии. Военно-морские силы сыграли незначительную роль в Великой Войне на восточном фронте, тогда как на Западе они явились решающим фактором. Лишившись своих военно-морских сил, Германия стала беззащитной, оказавшись один на один с англо-американским господством на морях. Эта подлинная уязвимость на Западе заставляла германских лидеров искать партнерства на Востоке - партнерства России. Демилитаризация российско-германских отношений, активное сотрудничество в развитии военной мощи и обеспечении новых восточных рынков взамен потерянных в войне против западных держав - все это укрепляло позиции Германии в решении проблем ее безопасности на Западе.

Под континентальной державой 90-х гг. подразумевается, конечно, Россия. Подобно Германии после Версальского договора Россия в период после окончания холодной войны обнаружила, что ее позиция на Востоке практически не изменилась и остается благоприятной. По крайней мере она не пострадала от значительных территориальных потерь, не произошло и отката вспять от ее государственных границ. И как контраст, Россия потерпела страшные провалы на Западе. Германия, главный противник России во всех трех глобальных конфликтах этого столетия, была объединена в рамках НАТО и обошлось без ее нейтрализации. Объединенная Германия оказалась союзницей Соединенных Штатов и наоборот США стали союзником объединенной Германии. (Трудно сказать, что хуже, если брать интересы России). Россия утратила также некогда значительную буферную зону в Восточной Европе. Она потеряла своих восточно-европейских союзников, благодаря которым удваивалась численность вооруженных сил под командованием Москвы в случае большой войны. Более того, бывшие восточно-европейские союзники России, по всем признакам, могут стать ее противниками по мере расширения НАТО на Восток. Столь же серьезны потери западных территорий самого СССР - во-первых, прибалтийские республики и, во-вторых, Украина и Белоруссия. Стремясь нейтрализовать эти фундаментальные провалы на Западе, Россия обратилась к партнерству с главной державой на Востоке - Китаем. Разрядив напряженность во взаимоотношениях, Россия и Китай

обеспечили безопасность своих внутренних границ, что позволило им сконцентрировать энергию для решения других болезненных проблем. Для России эти проблемы сосредоточены в регионах вдоль ее западных и южных границ. Для Китая же давящие проблемы находятся вдоль восточных морских рубежей и в отношениях с Соединенными Штатами.

Третьей общей чертой российско-германского партнерства 20-х гг. и российско-китайского партнерства 90-х гг. является боязнь восточных членов обеих этих комбинаций (большевистской России и КНР после 1989 г.) вмешательства коалиций, одержавших победу в последнем глобальном конфликте. Этот страх уходит своими корнями в идеологию и историю. И большевистская Россия, и современная КНР относятся весьма враждебно к либеральной идеологии, которой привержена победоносная "западная" коалиция, а на более глубоком уровне к демократическо-капиталистическим социально-экономическим порядкам, соответствующим указанной идеологии. Общая приверженность либеральной идеологии и отвечающему ей социальному устройству являлась важным базисом единства западных государств, составляя самую сердцевину победоносной коалиции во всех трех глобальных конфликтах двадцатого столетия. Коалиция, которая имела превосходство в холодной войне, в значительной мере добивалась этого, опираясь на единство, и этот факт лежит в основе позиции КНР в вопросе о победе упомянутой коалиции⁴. Режимы в большевистской России и современном Китае базировали свое господство на идеологии марксизма-ленинизма и на некапиталистическом социально-экономическом устройстве (капитализм они определяли в классическом смысле частной собственности на основные средства производства). И что еще более важно, и большевистская Россия, и Китай после 1989 г. всерьез опасались вмешательства со стороны либерал-демократической капиталистической коалиции, одержавшей недавно победу.

История подкрепляет здесь идеологию. Большевистские представители в Рапалло все еще стонали по поводу интервенции иностранных держав в гражданскую войну в России. Российская Красная Армия довела до конца борьбу против большинства иностранных интервентов, а ее командиры были убеждены, что они выжили благодаря разгрому этих интервентов. В случае с Китаем, целое столетие западного давления и вмешательства (по крайней мере, так это рассматривают китайцы), начиная с опиумной войны 1839 г., убедило китайских лидеров, что иностранная интервенция была одной из величайших угроз, с которыми сталкивался китайский народ. Эта боязнь иностранной интервенции усиливалась глобальным кризисом коммунизма в 1989-1991 гг. С точки зрения КПК, - или по крайней мере согласно документам для внутреннего пользования, распространившимся в партии в начале 1990 г. для политического образования - главной причиной коллапса коммунизма в Восточной Европе была закулисная деятельность западных интервентов⁵. Некоторые китайские лидеры смогли также убедить себя в правильности того, что утверждала их пропаганда. Собственный бунт в Китае в 1989 г. якобы явился в основном результатом зарубежных подстрекательств и агитации.

Серьезно опасаясь интервенции со стороны демократических государств, одержавших недавно победу, и большевистская Россия, и Китай после пекинской расправы повернулись к восстановлению связей соответственно с Германией и Россией, которым незадолго до этого было нанесено поражение и которые были врагами демократических держав.

Лидеры в Кремле в начале 20-х гг. и в Чжуннаньхае в начале 90-х гг. надеялись, что подобный акт поможет предотвратить интервенцию со стороны недавних победителей - членов демократической коалиции.

История внешней политики двадцатого века

Эволюция внешней политики в двадцатом веке достигла своей кульминации в возникновении доминирующей коалиции, обладающей безграничной мощью и влиянием. К началу 90-х гг. Северная Америка, все более объединяющаяся Европа, Япония и Южная Корея, а также Австралия обзавелись колоссальным коллективным арсеналом орудий влияния - финансовых, промышленных, технологических или чисто военных. В идеологическом плане комплекс идей, обосновывающих необходимость обладания мощью этой коалиции-либерализм, к концу столетия достиг преобладания в мировых масштабах, вероятно, беспрецедентных в истории человечества⁶. Такая идеологическая гегемония, возможно, окажется переходной, как утверждают критики Френсиса Фукуямы, однако лишь немногие будут отрицать, что провал экспериментов и с фашизмом, и с коммунизмом в двадцатом веке к концу столетия оставил либеральную идеологию практически без вызова.

Страны, обладающие громадной мощью и представлениями в собственном величии, но оставшиеся за пределами этой коалиции, испытывают глубокие опасения. Две главные державы этой категории - Россия и Китай. Один этот общий статус стран-париев может быть достаточным, чтобы заставить их пойти на формирование контр-коалиции. Другие факторы также толкают их к этому. Тот факт, что эти две страны объединены протяженной границей в 4500 миль, дает обеим колоссальные стратегические преимущества в отношениях с противниками из доминирующей коалиции. Более того, эти две державы связаны традицией сотрудничества (против Японии и Соединенных Штатов), а их внешнеполитические элиты пропитаны традицией маневрирования в треугольнике. Учитывая сохраняющуюся сплоченность доминирующей коалиции, представляется весьма вероятным формирование противостоящей ей российско-китайской коалиции. Если же доминирующая коалиция пойдет в своей политике против интересов России и Китая, то создание контр-коалиции будет неизбежным.

Подоплека политики

Неудача доминирующей коалиции сблизиться с Россией может вылиться в трагедию, которая по своим масштабам будет такой же, как неудача Запада сблизиться с демократической Веймарской Германией после 1919 г. Как сетовал Уинстон Черчилль, обращение Запада с Веймаром как с незаслуживающим уважения и опасным государством вместо того, чтобы приветствовать первое, действительно демократическое государство в германской истории в рядах сообщества промышленно развитых демократий, положило основу для прихода Гитлера к власти и второй мировой войне. Не к чему ожидать появления российского Гитлера, хотя и нельзя этого совсем исключать. Неспособность западной демократической коалиции принять в свой лагерь новое демократическое Российское государство оказалась бы одной из величайших трагедий конца двадцатого века. Вместо сотрудничества с коалицией демократических стран Россия, по всей видимости, пришла бы к заключению, что больше всего ее интересам отвечает вооружение Китая, чтобы создать менее выгодный для западной коалиции баланс сил.

Российско-китайское партнерство уже оказывает значительное воздействие на Восточную Азию. Широкая помощь России Китаю в его гонке к военной модернизации является одним из наиболее важных факторов, содействующих успеху этих претенциозных усилий. Представляется сомнительным (по крайней мере, так на это смотрит американский профессор), что россий-

ские лидеры желают установления китайского господства в Восточной Азии или ухода оттуда США. Однако российские лидеры должны задаваться вопросом: к чему им задумываться об американских проблемах в Восточной Азии, если США столь беззащитно игнорируют озабоченность России ее безопасностью в Европе. С этой точки зрения, по-видимому, в интересах США было бы сесть их представителям за один стол с их российскими коллегами и досконально изучить вопрос о том, что требуется для достижения взаимопонимания относительно того, что надо сделать для обеспечения стабильности в Восточной Азии, в чем заинтересованы и Россия, и США. Дипломатия США допустила соскальзывание России в направлении создания антиамериканской коалиции в Азии. Потребуется масса встреч и усилий, чтобы Россия отошла от этой линии и чтобы убедить ее сотрудничать с международным сообществом для установления жестких лимитов китайской агрессивности.

Что касается Китая, то американской политике бездействия, периодические уколы по вопросу о правах человека, а также санкции в связи с экономическими проблемами и проблемой нераспространения в сочетании с тайваньской проблемой свели китайско-американские отношения на самый низкий уровень за последние несколько десятилетий. Нынешнее смыкание России с Китаем против США предполагает, что продолжающееся осложнение китайско-американских отношений приведет к созданию в результате еще более тесного антиамериканского блока. Тот факт, что в Пекине хотели бы чтобы именно к такому заключению пришли американские лидеры и аналитики, вовсе не означает ее некорректность. Соединенным Штатам следует переосмыслить или, быть может, впервые как следует продумать свою стратегию в отношении Китая и России. Им нужно проанализировать сущность интересов США в отношениях с этими двумя державами. Американским интересам, по крайней мере геостратегическим плохо отвечает нынешняя политика США, затягивающаяся упомянутые государства все дальше в антиамериканский блок.

1. Дата 1990 г. основывается на конвергенции СССР и Китая и перспективах, сложившихся в 1990-91 гг. в период тогдашнего кризиса в Советском Союзе. О "стратегическом партнерстве" не было, разумеется, официально объявлено до 1996 г. Однако политика сближения, направленная против "однополярности", началась в 1990-91 гг. См. John W. Garver. Коммунистическая партия Китая и коллапс советского коммунизма //, China Quarterly. № 133. 1993. March. p. 1-26.
2. Последние исследования поставок российских вооружений Китаю, см.: Stephen J. Blank. Динамика продаж российских вооружений Китаю, / Strategic Studies Institute. U.S. Army Collage. 1997. 4 March. Bates Gill, Taeho Kim China's arms Acquisitions from Abroad. A Quest for "superb and secret Weapons". (Закупка вооружений Китаем за границей, поиск новейших и секретных вооружений) / Stockholm International Peace Research Institute, Research Report N 11. Oxford University Press. 1995.
3. Hung P.Nguyen. "Россия и Китай, генезис восточного Папалло // Asian Survey. Vol. 23. N. 3. 1993. March. p. 285-299.
4. В каждом глобальном конфликте находились важные участники победоносной коалиции, которые не являлись приверженцами либерализма - Япония в первой мировой войне, СССР во второй мировой войне и КНР в недавней холодной войне. Было бы правильным отметить, однако, что во всех случаях блок государств, политически доминировавший в каждой коалиции (Англия и ее самоуправлявшиеся доминионы, США и Франция), исповедовали либерализм.
5. См. Garver. КПК и коллапс советского коммунизма.
6. Francis Fukuyama Конец истории и последний человек // Free Press. 1992.

Национальное самосознание, элиты и демократизация: сравнение России и Китая

© 1998

Ян Пакульский, Хэ Баоган

Распад Советского Союза, демократизация в России и либерализация экономики в Китае - наиболее значительные события второй половины XX века. С некоторыми оговорками эти явления можно рассматривать как "третью волну" демократизации: Россия являет собой переход к "неконсолидированной демократии", а в Китае имеет место "ползучая демократизация", когда экономические реформы подрывают партократические политические структуры.

Оговорки касаются, прежде всего, применимости слов "демократия" и "демократизация", особенно в отношении событий в Китае. В то время как вряд ли можно возразить против того, что в России имеют место демократические установления, правда, зачастую определяемые как "неконсолидированная", "слабая", или "делегирующая" демократия, случай Китая более проблематичен. Либерализация экономики здесь осуществляется под руководством партократического режима, который не выполнял даже основных условий демократической политики. Тем не менее можно утверждать, что экономические реформы в Китае ускорили процесс расслоения элиты, создающий условия для возникновения "полиархической" формы управления. Введение прямых выборов народных депутатов на уровне уездов и городов и прямых выборов деревенских старост с 1987 г., возрастающая роль системы Собраний народных представителей (СНП), совершенствование процесса отбора функционеров в коммунистической партии и внедрение власти закона - все это можно рассматривать как часть процесса медленно идущей демократизации в Китае.

Разница, однако, значительна: в то время как Россия столкнулась с проблемами консолидации демократии, Китай в лучшем случае стоит перед перспективой перехода к демократии. Успех реформ в обеих странах во многом зависит от степени прочности государственной власти и национального единства и от создания условий для дальнейшей дифференциации и установления консенсуса в среде национальной элиты. Этнический сепаратизм, ослабленное государство и раскол национальной элиты препятствуют переходу к демократии и ее консолидации. Таким образом, чтобы оценить перспективы закрепления демократии в России и демократизации в Китае, нам следует рассмотреть, во-первых, степень единства и самосознания нации; во-вторых, формы элит, возникающих в переходный период; и, в-третьих, последовательность реформ в обеих странах. Мы попытаемся реконструировать эти моменты как некие результирующие состояния и масс, и элиты. Это состоя-

ние, часто игнорируемое теоретиками процесса демократизации, является основным определяющим параметром результатов политического развития, включая определение характера режима - демократический и недемократический. Такой подход коренится в теоретической традиции, которая рассматривает современную демократию как "полиархию": разновидность режима, при котором многочисленные элиты делят власть и претендуют на занятие должностей, участвуя в свободных и открытых выборах; как "созданную" лидерами в специфических условиях, включая определенное состояние масс; как длительный процесс перехода к демократии и ее консолидации¹. Такая традиция, видимо, особенно пригодна для анализа евро-азиатских событий. Однако мы не приемлем полиархической предопределенности для Китая и России. Напротив, мы видим перемены в обеих странах как направляемые, но имеющие несколько возможных альтернативных форм. Рассматривая состояние масс и элит в обеих странах, мы надеемся наметить наиболее вероятные направления перемен.

Этнический состав и национальные расколы

Демократизация и консолидация демократических сил опираются на поддерживаемый государством закон. Перефразируя известную формулу Б.Мура, можно сказать: "нет государства, нет и демократии." При этом имеется в виду целостное государство, способное поддерживать законы на своей территории. Главными опасностями для такого государства - и соответственно основными препятствиями на пути демократизации - являются этнические конфликты в многонациональном государстве. Это особенно опасно, когда этнические меньшинства многочисленны и компактны, а этническое деление имеет глубокие корни. Демократизация привносит остроту в такое деление, "пробуждая" национальное самосознание, предоставляя самоуправление меньшинствам и стимулируя политическое соперничество. При введении системы выборов во многих ситуациях самый легкий путь к победе в борьбе за голоса - это обращение к племенным, этническим и религиозным группам избирателей. Соблазн особенно велик там, где количество этнических избирателей велико и обеспечивается, таким образом, успех, там, где гражданское общество слабо, и там, где элиты разделены, а политическая борьба носит напряженный характер и ведется нечестными методами. Таким образом, демократизация поддерживает религиозно-общинную рознь и этнические конфликты, и только относительно небольшое число новых демократий структурировали свои установления так, чтобы свести к минимуму стимулы для подобных явлений².

Такого рода зависимость подтверждается пост-коммунистическим развитием. Одна из удивительных черт этого развития - положительная связь между этнической однородностью и успехом демократических реформ. Небольшим, но ощутимым исключением являются государства Балтии, а самый быстрый прогресс демократической стабилизации имеет место в этнически наиболее однородных национальных государствах - в Польше, Чешской Республике и Венгрии. Наиболее замедлен или неуспешен - в странах с количественно большими и напористыми меньшинствами. В то время как некоторые этнические разногласия, казалось бы, должны усиливать антипартократическую мобилизацию, приближая коллапс партократического режима, особенно в Советском Союзе, Болгарии и Румынии, в действительности они препятствуют переходу к демократии и ее консолидации.

Ряд исследователей полагает, что нетрудно выявить причины этой зависимости: этнические расколы, особенно усиленные религиозной рознью, со-

здают почву для сепаратистских движений, подпитывают авторитарный национализм и ослабляют государство. Следует подчеркнуть, однако, что сам по себе количественный состав или концентрированность меньшинств необязательно являются главными детерминантами этнических разногласий, и следовательно, препятствиями на пути демократизации³. Как будет показано далее, другими важными факторами являются сила национального самосознания и то, как элиты манипулируют этническими расколами. Сильное национальное самосознание настраивает общество против сторонников объединения. Точно так же элиты с высокой степенью консенсуса могут управлять этническими раздорами и смягчать этнические разногласия, в то время как разделенные элиты усиливают их в политической борьбе. С этими оговорками можно предположить, что этническая однородность - важное условие демократизации. Наряду с другими факторами, существование больших, территориально сконцентрированных этнических меньшинств повышает вероятность национальных противоречий и препятствует процессу демократизации. С учетом этого рассмотрим случаи Советского Союза, России и Китая.

В бывшем Советском Союзе в 1989 г. русских насчитывалось больше половины (51%) всего населения. Несмотря на то, что они были сконцентрированы в европейской части, политика, порождавшая миграцию, привела к некоторой дисперсии, особенно в северных республиках и Центральной Азии. Самые крупные меньшинства сохранили компактность, за исключением насильно переселенных и распыленных групп, таких, как крымские татары, волжские немцы и латыши. Распад Советского Союза привел к радикальным переменам в этническом составе. С самого начала Россия возникла как этнически однородное государство, где этнические русские составляли 82% (с обрусевшими процент был еще больше). Однако в Россию входили сильно концентрированные общности мусульман на Кавказе и в Центральной Азии. В обоих случаях этнические разногласия и сепаратистские движения шли параллельно с демократическими реформами, подогреваемые не только культурными и религиозными различиями, но также и памятью о былом господстве и гонениях. Некоторая поддержка ирредентизма несомненно шла от исламских соседей, в основном из Ирана и Афганистана.

Китай гораздо более однороден в этническом отношении. Ханьцы составляют 92% всего населения, являются культурно доминирующей группой во всех регионах, кроме Тибета и некоторых частей Синьцзяна. Более того, доминирование культуры ханьцев редко ставилось под вопрос и не оспаривалось. Даже маньчжуры во время своего правления опирались на сотрудничество и поддержку ханьцев, и многие маньчжуры стали осознавать себя ханьцами и перенимали их обычаи, особенно после падения маньчжурской династии Цин⁴.

В Китае существует пять национальных автономных районов. В Синьцзяне неханьское население составляет 62%. Более семи миллионов уйгуров составляют менее половины местного населения, в то время как ханьцы являются меньшинством (37%). Неханьцы составляют 39% в Гуанси, 33% в Нинся и 19% во Внутренней Монголии⁵. Нет нужды говорить, что Тибет и Синьцзян с большой концентрацией меньшинств являются центрами этнического недовольства и ирредентистских движений.

Этнические проблемы в обеих странах, особенно в России, усложняются еще и дифференцированным ростом населения. В то время как население России выросло примерно на 5% за десять лет, рост народов Кавказа и Центральной Азии составил от 33 до 46%. Более высокий рост мусульманского населения воспринимался как угроза доминированию русских и явление, способствующее возрождению мусульманского национализма. Для сравнения:

дифференциация роста населения в Китае меньше и вряд ли приведет к изменению этнического баланса, за исключением Тибета и Синьцзяна. В обоих случаях внутренняя миграция изменила этнический баланс в пользу ханьцев, особенно в Синьцзяне, где численность уйгурского населения уменьшилась с 76% в 1949 г. до 47% в 1990 г. В то же время ханьское население выросло с 7% в 1949 г. до 38% в 1990 г.⁶ Точно так же с конца 1980 г. и особенно после 1992 г. имел место массовый приток ханьцев в Тибет.

Почти нет сомнений в том, что советская этническая структура несет в себе заряд нестабильности. Получив возможность, созданную горбачевскими реформами, многонациональное государство раскололось под давлением местного национализма. Возникшая Россия, будучи более однородной, чем ее советский предшественник, все же не свободна от этнических трений. Это хорошая иллюстрация “парадокса демократии”: демократизация пробуждает национальное самосознание этнических меньшинств и открывает путь к власти местным элитам, взывающим к этническим и религиозным чувствам, которые часто антидемократичны по своей ориентации⁷.

Историческое наследие Китая совсем иное. С одной стороны, Китай был жертвой колониализма западных империалистических держав. Этот образ “жертвы” сыграл положительную роль в создании единого китайского государства. С другой стороны, во времена династии Цин Китай сам стал империей, колонизовавшей и ассимилировавшей этнические меньшинства. Здесь, однако, экспансия и ассимиляция во многих отношениях были схожи с процессом образования западных национальных государств. Китай был более успешен, чем Россия в имперской экспансии в смысле культурной ассимиляции национальных меньшинств, отчасти благодаря многовековой и мощной распространенности китайской культуры в регионе. Когда Коммунистическая партия Китая пришла к власти, она унаследовала политику империи Цин и китаизировала меньшинства на основе строгой унификации коммунистической идеологии, которая наряду с политикой ассимиляции укрепила национальное единство.

Национальное самосознание и проблема границ

Известно, какую важную роль сыграли движения и события в национальных республиках и в неудаче горбачевских реформ, и в распаде СССР. Поспешно созданное в начале 90-х годов Содружество независимых государств (СНГ) оказалось неудачной объединяющей структурой.

Эти события можно охарактеризовать как распад империи, беспрецедентный по скорости и, по крайней мере, вначале, имевший ненасильственный характер. И хотя это был по преимуществу мирный распад, рассматриваемый многими как окончательное решение национального вопроса в советской империи, напряженность, связанная с национальным самосознанием и государственными границами, остается в России очень высокой. Существует ряд причин устойчивого характера национальных проблем. Во-первых, Советский Союз и посткоммунистическая Российская Федерация исторически возникли как наследники царской империи, в которой русские составляли незначительное большинство, а на русскую культуру постоянно оказывала воздействие необходимость ее приспособления и ассимиляции славянскими соседями. В результате русское национальное самосознание развивалось в жестком этатистском русле, фокусируясь на проблемах государства, а не народов и их культурах (этнотопосах). Распад советского государства воспринимался как серьезная угроза этатистскому национальному самосознанию, несмотря на то, что

следствием было более однородное образование - Российская Федерация. Это восприятие было усилено чеченской войной и тем, что широко воспринималось как утрата в стране закона и порядка - двумя проблемами, вызывавшими наибольшую озабоченность в обществе, ставшими основными темами популистских выступлений.

Вторая причина остроты проблемы национального самосознания в России - тот факт, что Федерация, строго говоря, не является национальным государством-правопреемником Российской советской империи. Несмотря на то, что сюда входит более половины бывшего советского населения, три четверти территории и более 60% промышленных мощностей, ее границы сведены к состоянию до объединения с Украиной в 1654 г. Это важно, потому что для многих русских национальное самосознание тесно связано со славянскими соседями (особенно с украинцами), а Киев считается колыбелью русской культуры. Автономизация "западных республик" видится многим русским как утрата национальной идентичности, что воспринимается лидерами националистов как угроза национальному единству.

В-третьих, Российское государство создавалось несколько беспорядочно. В то время как типичное развитие национальных государств Запада и Восточной Азии состояло в расширении государственной власти и культурной ассимиляции меньшинств, постсоветская Россия - продукт политического распада, в результате которого 25 млн. этнических русских осталось за границей. Судьба этих меньшинств, особенно в так называемом "ближнем зарубежье", является источником постоянного раздражения и излюбленной темой демагогов-националистов.

В-четвертых, несмотря на название, федеральную систему Российской Федерации нельзя считать подлинной: степень автономии, предоставленной ее субъектам - невысока и урезана. Хотя призыв к усилению прав автономий - основной лозунг первоначальной ельцинской антисоветской кампании, направленной на ослабление советской структуры, его более поздняя политика была решительно интеграционистской. Расхождение между федеральным фасадом и интеграционистско-националистским содержанием нынешней российской политики является источником раздражения не только для этнических меньшинств, но, что более важно, для региональных лидеров, многие из которых опасаются того, что эта политика воспринимается населением как российский неоимпериализм.

Все это означает, что региональная и этническая напряженность в России остается высокой, а идеология российского населения так же как и политическая ориентация ее лидеров остаются в высшей степени националистическими и государственническими. Демократический национализм Ельцина набирал силу в основном как оппозиция горбачевским более либеральным (хотя и необязательно демократическим) реформам и как реакция на фатальное ослабление государства. Парадоксально, но важная поддержка Ельцину в демократизации России первоначально исходила от людей с авторитарными предпочтениями: от тех, кто печалился об утраченном статусе супердержавы и кто тосковал по "сильной руке", способной укрепить закон и порядок в России, "защитить" русское население в соседних государствах. Это также значит, что среди российской элиты нет согласия, и еще меньше его среди общественности в целом, в вопросе о том, как определить понятия "справедливые" национальные границы, "подлинное" национальное самосознание и "естественная" форма российского государственного устройства.

Китай лучше определить как полиэтническое государство, а не многонациональное: кроме Тибета и Синьцзяна в Китае нет столь четко определен-

ных этнических меньшинств, как в России, и, пожалуй, нет опыта сильной сепаратистской напряженности, создаваемой энергичной интеллектуальной элитой. Чувство общей национальной самобытности и общего культурного наследия сильно. Движения за отделение от Китая в Тибете и Синьцзяне, хотя и достаточно сильны (отчасти благодаря религиозной принадлежности: буддизм в Тибете и ислам в Синьцзяне), но кажутся менее опасными для национального единства. В отличие от компонентов советской империи, особенно прибалтийских республик, Украины и Кавказского региона, меньшинства в Китае не имеют продолжительной истории независимой государственности и национальных элит. Тибет обладал полунезависимым статусом, а у уйгуров был очень недолгий период автономии в составе Республики Восточный Туркестан. Эти исторические различия ясно отражаются в силе современного стремления к независимости. В то время как русские опасаются развала государства и разрушения нации, опасность отделения в глазах многих китайцев уравнивается перспективой возвращения Гонконга (1997) и Макао (1999) и все возрастающей возможностью воссоединения с Тайванем. Эти "выигрыши" хорошо видны - и подчеркиваются лидерами - как стратегически важные для национального могущества и будущего развития Китая. Более того, их стратегическая важность привязывается к их экономическому статусу. Так, экономические реформы изображаются как потенциально усиливающие национальное единство, как средство ликвидации экономического разрыва между материковым Китаем, с одной стороны, Гонконгом, Макао и Тайванем, с другой. Это делает Китай более привлекательным для потенциальных сторонников отделения на периферии.

И наконец, в отличие от России реформы в Китае не производят впечатления таких катаклизмов, как выход из-под контроля, угроза национальному единству, снижение жизненного уровня большинства населения. Либеральные экономические реформы изображаются - верно или ошибочно - как "планируемые" и контролируемые национальным руководством и дающие Китаю статус супердержавы. Хоты разрыв между зажиточными и бедными увеличился, число "выигравших" от реформ весьма высоко, а у "проигравших" остается надежда. Озабоченность общественности по поводу коррупции и роста преступности находит ответ в действиях властей, проводящих энергичные, далеко не либеральные, показательно жестокие и широко освещаемые в прессе кампании. Рыночная экономика способствует распространению стандартного китайского языка. Результаты модернизации, как отмечает ряд исследователей, ослабляют различия между культурами, усиливают внутреннюю миграцию и изменения в балансе населения, в пользу ханьцев. В этих условиях этнические разногласия и региональный сепаратизм вряд ли расцветут или будут раздуты некоторыми группами элиты, борющимися за власть.

Единство и дифференциация элит

Элиты являются основными действующими силами, контролирующими исход политического развития. Они могут использовать этнические трения, доводя их до противостояния, насилия, или уменьшить их и снизить напряжение даже в полиэтнических обществах. Гражданские войны в бывшей Югославии и жестокие столкновения в России контрастируют с относительной этнической гармонией в Чешской Республике и хорошим "управлением" этническими отношениями в прибалтийских республиках. Разница имеет место отчасти благодаря этническому составу, концентрированности и силе национальной интеграции. Но фактор элиты - то, каким образом "управляют" этни-

ческой напряженностью, особенно зависит от поведения и стратегии элиты. Выбор способа действий и стратегии в свою очередь зависит от состава элиты, возникающей в процессе перемен. Ключевые аспекты этого состава - единство и расслоение элиты.

Современная теория элит отмечает решающую роль власть придержащих в национальном строительстве, модернизации, революционных переменах, "управлении" политической напряженностью (включая этнический сепаратизм), в "конструировании" демократии. Современные теоретики элиты подчеркивают важность вариаций единства и дифференциации национальных элит. Эти вариации всегда связаны с типом элит и результатами политического развития⁶.

Единство определяется согласием по основным вопросам и принятием национальными элитами согласованных "правил игры", взаимодействия: объединенные элиты взаимодействуют через систему связей и каналов, обеспечивающую всем важным элитным группам контакт друг с другом и доступ к процессу принятия решений Центром. Существует два типа единства элиты: идеологический и консенсуальный. Первый более существенен и детализирован по характеру. Идеологические элиты обычно принадлежат к доминирующей партии или движению, которые исповедуют одну идеологию или систему воззрений. Благодаря этому всеобъемлющему и объединяющему характеру идеологии единство, основанное на этом, является преимущественно принудительным, те, кто отказывается поддерживать эти идеологические установки - хотя бы на уровне риторики и публичных заявлений - отлучаются от власти. Коммунистические элиты, а также исламистские элиты в Иране, представляют идеологический тип единства.

Консенсуальное единство или единство по согласию, напротив, носит процедурный характер и в большей степени связано с политикой. Консенсуальные элитные группы связаны с многочисленными конфликтующими партиями, движениями и идеологиями, но они придерживаются общих правил игры и общего понимания деятельности политических институтов и политического руководства. Этот тип единства добровольен и соответствует консолидированным демократическим режимам. Как считает ряд ученых, идеологическое единство обычно укрепляется в условиях авторитарной политической культуры и в рамках корпоративной институциональной структуры, тогда как консенсуальное единство является признаком множественности элит, действующих в рамках политической культуры, допускающей широкое участие в политике.

Консенсуальное единство порождает соревнование элит на выборах за поддержку конфликтующих категорий масс и их интересов, однако они тяготеют к сдержанности, миролюбию, открытости и, таким образом, к стабильному демократическому режиму. Напротив, там, где элиты разделены, исполнительная государственная власть является предметом незаконных захватов, путчей, возглавляемых элитами восстаний или других попыток узурпации власти. Борьба элит за власть может изменить или опрокинуть режим, открывая путь более демократичному варианту. Но до тех пор, пока соперничающие элитные группы не достигнут консенсуального единства, их разделенность, усиленная или подпитываемая народное недовольство, подрывает эффективность новой демократии и способствует ее эрозии или крушению.

Характер национальных элит и политические результаты имеют также значительные различия в зависимости от степени расслоения элит. Дифференциация отражает сильное стремление элитных групп быть организационно разнообразными, рассредоточенными и отчасти свободными от внутри-

элитного вмешательства, давления масс и внешних угроз. Расслоение повышает как горизонтальную автономию различных секторов элиты и сфер их деятельности, так и вертикальную автономию, защищающую элиты от непосредственного давления масс и давления извне страны. Слабое или сильное, единство берет начало на водоразделах политических событий, таких как революции, крупные политические кризисы или просто возникновение национального государства. Расслоение же элиты идет постепенно в русле долговременных процессов социально-экономического развития, модернизации или роста населения. Оно усиливает всеобъемлющий характер элит, предотвращает господство какой-либо одной группы и обеспечивает соперничество за поддержку масс на демократической основе. Широкая дифференциация в сочетании со слабым единством ведет к раздробленности элиты и нестабильной демократии. Ситуации разделенных элит приводят к ликвидации оппозиции (обычно с ярлыком "враги") и усиливают враждебность между противоборствующими лагерями. Быть выигравшим или проигравшим в такой борьбе - дело не только политической, но иногда также и физической жизни и смерти⁶.

Таким образом, сильное или слабое единство наряду с широкой или узкой дифференциацией определяет основные типы национальных элит: консенсуальный, идеологический, фрагментированный и разделенный. Эти типы в свою очередь являются основными детерминантами политических режимов: стабильные демократии - это сильное единство и широкая дифференциация элит, при авторитарных режимах нет ни того, ни другого; при партократических режимах - сильное идеологическое единство, но слабая дифференциация; при нестабильных демократиях - элиты фрагментированы, т.е. существуют слабое единство элиты и ее широкая дифференциация.

Располагая коммунистические и посткоммунистические элиты и режимы Китая и России в соответствии с этой типологией, весьма полезно обдумать произошедшие и продолжающиеся в евро-азиатском регионе политические трансформации. Мы считаем, что китайская элита поддерживает определенный уровень идеологического единства, что помогает ей управлять "этническим вопросом" более эффективно. Однако она испытывает интенсивную дифференциацию, что также подрывает ее идеологическое единство. Элиты в посткоммунистической России разделены или, по крайней мере, сильно фрагментированы. Такое состояние усиливает соблазн для враждующих элит использовать этнический вопрос на популистский манер - путь, который неизбежно усугубит разделение элит, весьма возможно, открывая дорогу введению авторитарного режима. Рассмотрим оба случая более детально.

Трансформация элиты в России и Китае

И в России /Советской Союзе/, и в Китае идеологически объединенная элита возникла в период революционного переворота. Партократические режимы, созданные этими элитами, оказались относительно стабильными и долговременными, но они были созданы для предотвращения открытой предвыборной борьбы элит и, таким образом, сколь-нибудь значимой демократической политики. В обоих случаях единство элиты было подорвано проблемами промышленного развития в этих странах, политическими провалами и кризисами при смене лидеров. В обоих случаях элиты подавляли расслоение, вводя жестко централизованную систему партократического контроля. Вместе с тем, они не могли предотвратить разногласия в среде элит, возникшие в ходе промышленного развития. Хотя расслоение коммунистических элит предшествовало политическим реформам 1980-х, партократический режим начал распа-

даться в конце 1980-х, порождая быструю автономизацию и распад элитных групп - процесс, получивший большее развитие в России, чем в Китае.

Советская/российская линия развития представляет собой переход от идеологической элиты к разобщенной. До середины 1980-х преобладало идеологическое единство. Марксизм-ленинизм являлся политической формулой, которой должны были присягать все члены элит в своих публичных заявлениях. Он определял цели, узаконивал институты и прежде всего систему с руководящей ролью партии и экономику, контролируруемую из Центра. Формула марксизма-ленинизма оказалась, тем не менее, достаточно широкой и гибкой для политических перемен, включая и некоторые реформы. Расслоение возросло, но относительная самостоятельность большинства элитных групп была все еще не велика. Принципы "демократического централизма" и "ведущей роли" партии узаконивали такую иерархию элиты.

Идеократическое единство коммунистических элит в Советском Союзе и Китае никогда не было монолитным. В Советском Союзе разногласия возникали периодически, особенно при смене руководства. Наиболее серьезный раскол произошел в конце 1980-х после прихода Горбачева к власти и начала энергичного реформаторского движения. В Китае глубокие разногласия времен "культурной революции" появились снова после смерти Мао. Однако в отличие от России элиты в Китае преодолели политические разногласия и восстановили политический и идеологический контроль центра, удалив политических реформаторов. Разногласия были успешно улажены в русле пересмотренной идеологической формулы, которая ассоциировалась с платформой реформ Дэна. Подавление демократического движения в июне 1989 г., чистки, последовавшие за этим, и естественный уход "старой маоистской гвардии" помогли восстановить идеологическое единство.

Таким образом в середине 1990-х годов российская элита более разнолика и при этом более разделена и открыта, чем элита в Китае. Ее раздробленность затрагивает не только программный аспект, касающийся вопросов приемлемости и направления реформ, но и территориальный аспект, связанный как с необъятными просторами России и ее раздробленностью, так и с попытками Ельцина обуздать регионализм. В 1990 г. Ельцин открыто защищал независимость России и в то же время вдохновлял автономные республики в Российской Федерации "взять столько суверенитета, сколько они смогут удержать". Защищая российский суверенитет, Ельцин завоевал расположение народных депутатов России, как демократов, так и коммунистов. Но его упомянутое заявление также усилило этническо-региональные размежевания, которые, в свою очередь, затруднили сближение элит и углубили разногласия.

Эти разногласия усиливались из-за малой степени автономии. Российские элиты испытывают недостаток защищенности от внезапного давления со стороны общественности, которую обеспечивала развитая партийная система. Этнический сепаратизм, утрата статуса империи и ощущения национального "величия", также, как и затруднительное положение, в которое попали русские в "ближнем зарубежье", подогреваются различными оппозиционными группами в их политической борьбе за власть.

В Китае этнические вопросы не могут использоваться элитой в ходе местных или партийных выборов: это исключают идеологические принципы и партийная политика. Однако даже ограниченные прямые местные выборы способствуют развитию регионализма. В 1993 г. "выборы с несколькими кандидатами" в региональные "парламенты" были проведены в нескольких провинциях, включая Чжэцзян и Гуйчжоу, где официально выдвинутые канди-

даты в губернаторы потерпели поражение. Некоторые депутаты провинциальных Собраний народных представителей уже бросили вызов центральному правительству. Например, в начале 1993 г. группа независимых депутатов Собрания народных представителей Гуандуна совместно выдвинула своего человека против семи, подобранных центральной властью¹⁰.

Экономические реформы привели к расслоению элит, выдвижению властных структур прибрежных районов, и возникновению политических конфликтов между Центром и местами. Появились "группы интересов". Собрание народных представителей (СНП) стало формальным институциональным собранием, где разворачивается игра политических элит. Депутаты занялись политическими дебатами и заявляли о своих местных и провинциальных интересах на заседаниях СНП и местных парламентов.

Элитная стратегия управления

Ключевой вопрос политики переходного периода - сумеют ли национальные элиты укрепить единство и прийти к консенсусу по вопросу национального самосознания. Это, в свою очередь, определяет перспективы демократизации: демократический переход в Китае и консолидация демократии в России. Хотя процесс демократизации в России более развит, разногласия элит, возникшие в процессе "революционных" перемен, ослабляют консолидацию демократических институтов. Состояние элит в Китае, хотя и явно не демократическое, способствует переходу к демократии, но скорее "ползучего", а не "революционного" типа.

Китайские лидеры достигли основного согласия по проблемам приоритетов экономического развития и модернизации, необходимости реформ и укреплению единства государства. По этим вопросам обнаруживается очень мало разногласий. Даже оппозиционным группам присущ ярко выраженный китайский национализм. Построение "великого Китая" является также основной целью и китайских заокеанских оппозиционных групп. Они обвиняют КПК в том, что она заняла слабую позицию в отношении японской агрессии на острове Дяоюй (Сенкаку). Они также пришли к идее объединения Китая и Тайваня и китайского суверенитета над Тибетом. Более того, эти параметры соглашения возведены в разряд идеологических формул и подкрепляются санкциями. Разногласия затрагивают проблемы политических реформ: роль коммунистической партии, предвыборная борьба и гражданские свободы. Эти вопросы являются официальным табу. Трудно оценить уровень разногласий внутри национальных элит, потому что отклонения от официальной линии замалчиваются, а нарушители несут наказание.

Напротив, степень консенсуса по проблемам границ в бывшем Советском Союзе была невысока. Пока Горбачев делал все что мог, чтобы укрепить единство СССР, организации российских демократов установили контакт с национально-освободительным движением прибалтийских республик еще в 1988 г. Отделение всех республик произошло достаточно революционным путем, под руководством местных лидеров-националистов. Среди российской элиты возникли разногласия как по вопросу демократизации и экономической стратегии, так и национальных границ. И первоначальная политическая стратегия Ельцина, и сам процесс демократических реформ, пробудивший национальное самосознание и породивший требования автономии, углубили противоречия, подрывая процесс дальнейшей демократизации. Российская элита создала условия, но одновременно способствовала расколу по идеологическим, программным и региональным направлениям. Наиболее ярким проявлением

разделения элиты была жестокая конфронтация между фракцией Ельцина и антиреформистским парламентом в октябре 1993 г.

Китайская элита обнаружила умение управлять внутренними конфликтами. Разногласия между умеренными и радикальными реформаторами и конфликты внутри элиты в критические моменты привели к смещению Ху Яобана и Чжао Цзыяна в 1986 и 1989 годах, соответственно. Тем не менее Дэн Сяопину и тем, кто его поддерживал, удалось не довести конфликты до раскола элиты, придав политике реформ более умеренный характер, изолировав несогласных (и демократов, и придерживающихся твердой линии коммунистов). Когда Дэн совершал ошибки, такие, как реформа цен, то обвиняли Ху и Чжао. Дэн также осуществлял строгий контроль над провинциальными лидерами, не допуская противников реформ и местных националистов к власти. Эта недемократическая практика тем не менее оказалась успешной как для поддержания сплоченности элиты, так и для укрепления реформ - двух факторов, способствующих "ползучей демократизации".

Горбачеву же не удалось локализовать политические конфликты. Причина - в отсутствии базы власти. А далее горбачевская радикальная демократизация, целью которой было укрепление законности, по иронии судьбы облекла властью его соперника Ельцина. Когда Ельцин победил на первых свободных парламентских выборах, у него появилось право бросить вызов непосредственно авторитету Горбачева. Далее, в Советском Союзе существовала федеральная система, в которой республики обладали гораздо более широкими полномочиями, чем китайские провинциальные лидеры в рамках унитарной системы. Конституция Советского Союза содержала положение, предоставлявшее законное право лидерам республик, желавшим выйти из состава Союза. Дэн же и его соратники проводили весьма умеренные политические реформы и никогда не выпускали эти реформы из-под контроля. В китайской конституции не было положения о выходе из состава КНР. И, что особенно важно, выбор последовательности проведения реформ сыграл решающую роль в сдерживании раскола элиты и укреплении государства.

Последовательность перемен

В 1960-х годах теоретики "кризиса и последовательности" развития настаивали на том, что порядок, в котором возникают и разрешаются различные кризисы модернизации, определяется тем, способствуют ли экономические и социальные изменения демократизации. Демократические режимы возникают скорее в ситуации, когда проблемы национального самосознания решаются до установления центрального правительства и когда оба эти обстоятельства предшествуют появлению массовых партий. К этому аргументу присоединился и Растоу, считавший, что решение проблемы национальной самобытности должно предшествовать демократизации. Он первый предложил модель динамики демократизации с условием разрешения национального вопроса до консолидации демократии¹¹.

Вопрос в том, в какой степени модель Растоу пригодна для демократизации в России и в Китае. Опыт Советского Союза и Китая являет собой противоположные случаи последовательностей. В Китае экономические реформы предшествовали весьма умеренным политическим реформам; экономическая либерализация имела место без какой-либо значимой демократизации. В Советском Союзе политические реформы значительно опередили экономические; политическая либерализация предшествовала экономической и демократия опередила рыночную экономику. Решение проблемы национального самосоз-

нения и демократизация проводились одновременно. Это можно было бы назвать "линкидж" - моделью. Очевидно, что Горбачев попытался отделить демократизацию от сецессионистского движения, установив процедурные ограничения на право отделения, такие, как необходимость большинства в две трети при голосовании, и не признавая независимость Литвы. Движения за независимость, однако, черпали силу в гласности и радикальном либерализме.

Разная последовательность привела к различным результатам. Россия столкнулась с "парадоксом демократии" в форме антидемократических отказов, которые препятствуют демократической консолидации и могут стать угрозой для стабильности всей постсоветской международной системы. Китайский образец реформ укрепил государство, но также внес лепту в сохранение идеологического единства элиты и партократического режима. Такой исход способствует постепенному размыванию партократии путем расслоения и автономизации элиты в сочетании с отходом от чисто идеологического единства и возникновением консенсуального.

Следует отметить, однако, что китайская последовательность также в определенной степени рискованна. демократизацию можно замедлить, отложить и заморозить. Реформы могут спровоцировать откат. Либерализация экономики в условиях партократии способствует "систематической коррупции", что может обернуться против реформистского режима. Существует также опасность неадекватных перемен, уже создавших напряжение между ханьцами и меньшинствами, которые жалуются, что государство действует в прибрежных зонах в пользу ханьцев. Чтобы уменьшить жалобы меньшинств, лидеры центра, такие, как Чжу Жунцзи, проводят политику оказания помощи национальным районам в развитии экономики. Вместе с тем, экономическое развитие регионов ослабило власть центрального правительства, и содействовало возникновению "удельной экономики", что может создать экономические предпосылки для местного и этнического сепаратизма.

Заключение

Почему консолидация демократии должна базироваться на решении проблемы национального самосознания? По мнению Растоу и Хантингтона, потому, что демократия - это система правления большинства, а такому правлению необходима постоянная защита государства. Если это условие не выполняется, то демократия сталкивается с трудностями решения проблем сообщества, которые могут привести к антидемократическому откату¹². Рассматривая демократию как своего рода уравнение и вводя в него такие переменные величины как "этнический состав", "национальное самосознание" и "элиты", мы дополнили вывод этих исследователей. Этнический состав и национальное самосознание составляют "исходные условия" демократизации. Элиты же - основные силы, действующие в этих условиях. Элиты могут и действительно управляют национальным самосознанием и разрешают конфликты, угрожающие социальной стабильности. Они могут сконструировать, как впрочем, и уничтожить, демократию. Типы элит и последовательность их трансформации, таким образом, следует дополнительно включить в модель Растоу-Хантингтона. И демократическому переходу, и консолидации демократии угрожает разделенность элит. И наоборот, стабильные полиархии (деление власти между несколькими элитами) возникают скорее тогда, когда элиты объединены на консенсуальной основе и хорошо дифференцированы.

Такое дополнение позволяет лучше оценить развитие России и Китая. Переход от разделенных (в постмаоистский период) к идеологически воссо-

единенным элитам в Китае замедлил демократизацию, но и открыл путь дальнейшим реформам, постепенно размывающим партократическую систему. Такая "ползучая демократизация" легче проходит в Китае благодаря этнической однородности и сильному национальному единству. Подобный образец имеет место и в соседней Южной Корее, и на Тайване, где демократизация носила такой же "ползучий" характер и в основном осуществлялась в высшей степени объединенными националистическими элитами.

Распад Советского Союза и возникновение Российской Федерации имели место вслед за разделением элит, что иллюстрирует "парадокс демократизации", поскольку первоначальные демократические реформы поощрили этнический сепаратизм и антидемократические элиты. В возникшей Российской Федерации существовали разделенные элиты и шла борьба по вопросам границ - два фактора, ослаблявшие демократическую консолидацию. Ультранационалисты и группы антидемократической элиты набрали значительную силу и завоевали общественную поддержку. Опрос общественного мнения в 1994 г. показал, что только 21% населения России считает "демократию" безусловной ценностью. В соответствии с ростом поддержки более авторитарного государства, опросы показывают возрастающую поддержку политиков авторитарного типа, таких, как генерал Лебедь. Среди этих размежеваний и конфликтов, однако, есть некоторые признаки сдерживания. Оставаясь глубоким, размежевание среди российских элит, похоже, носит более персонифицированный, чем идеологический характер. Это было заметно во время президентской предвыборной кампании 1996 г., где ключевым вопросом был вопрос соответствия Ельцина требованиям, предъявляемым руководителю нации, а не его идеологический послужной список. Более того, вслед за парламентскими выборами в декабре 1993 г. и снова после президентских выборов 1996 г. российская элита обнаружила некоторые признаки успешного управления разделением и способность избегать открытых конфликтов. Привлечение Лебеда, получившего 15% голосов избирателей, к работе в Совете безопасности, и то, что напоминало союз с группой "Яблоко", можно интерпретировать как признаки договоренности элит.

Начав с "парадокса демократии", хорошей иллюстрацией которого являются события в России, мы можем завершить по аналогии "парадоксом партократии", который иллюстрируют события в Китае. Восстановление партократии в Китае открыло путь экономическим реформам, которые во многом жизненно важны для обеспечения безопасности коммунистической элиты и сохранения доверия к ней. Эти же самые реформы, однако, подрывают партократический режим, ускоряя расслоение элиты и размывая идеологическое единство. Учитывая сильное национальное единство в Китае и тенденции к приспособлению в коммунистических элитах, можно заключить, что там перспективы демократизации представляются хорошими.

© 1998

Сокращенный перевод с англ. яз.
И.А.Тулиной

1. О демократии как "полиархии" см. // Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, 1971;
Sartori, G. The Theory of Democracy Revisited: The Contemporary Debate. Chatham, 1987;
Linz J. and A.Stepan. Towards Consolidated Democracies // Journal of democracy. 1996. N 7(2): P.14-34;
O'Donnell G. Illusions about Consolidation // Journal of Democracy. 1996. N 7(2). - P. 34-52.

2. Huntington S.R. Democracy for the Long Haul // *Journal of Democracy*. 1996. N 7(2): P. 3-14.
3. См.: Huntington S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, 1991;
Huntington S.P. *Democracy for the Long Haul*;
Linz J. and A. Stepan (ed.) *The Breakdown of Democratic Regimes*. Baltimore, 1978;
Linz J. and A. Stepan. *Towards Consolidated Democracies*.
4. См.: Mackerras C. *China's Minority Cultures*. Melbourne. 1995. P. 173.
5. *China's Ethnic Statistical Yearbook*. Beijing, 1995. P. 208;
Mackerras C. *China's Minority: Integration and Modernization in the Twentieth Century*. Hong Kong, 1994. P. 253.
6. Mackerras C. *China's Minority: Integration and Modernization*. P. 250-259.
7. См.: Huntington S.P. *Democracy for the Long Haul*. P. 6.
8. О современной теории элит см. Field, G.D. and J. Higley. *Elitism*. London, 1980;
Etzioni-Halevy, Eva. *The Elite Connection: Problems and Potential in Western Democracy*. Boston, 1993;
Putnam, R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, 1976;
Higley, J. and R. Gunther. *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. New York, 1992;
Higley J. and Pakulski. *Elite Transformations in Central and Eastern Europe* // *Australian Journal of Political Science*. 1995. N 30(3). P. 415-35.
9. См. Keller, S. *Beyond The Ruling Class: Strategic Elite in Modern Society*. New York, 1963;
Etzioni-Halevy. *The Elite Connection*.
10. *South China Morning Post*, 8 Feb. 1993.
11. О теории "кризисов и последовательности развития" см.
Rustow D.A. *Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model* // *Comparative Politics*, 1970, N 2; P. 337-63;
Haggard, S. and R.R. Kaufman (eds). *The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State*. Princeton, 1992;
Pei, Minxin. *From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union*. Cambridge, 1994;
Offe, C. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Social Research*, 1991, N 58(4). P. 865-892;
Dix, R. *History and Democracy Revisted* // *Comparative Politics*. 1994. October, p. 91-105;
Dahl R.A. *Polyarchy: Participation and Opposition*;
Huntington S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*;
Huntington S.P. *Democracy for the Long Haul*.
12. Rustow D.A. *Transitions to Democracy*...P. 351; Huntington S.P. *Democracy for the Long Haul*. P. 5.

Российский Дальний Восток

Инвестиционная деятельность в Приморском крае

© 1998

Н.Крецу, А.Коротченков

Одним из наиболее важных факторов развития экономики являются инвестиции, то есть долгосрочные вложения капитала для создания нового или совершенствования и модернизации действующего производственного аппарата с целью получения прибыли. Глубинной причиной современных экономических проблем России является многолетнее инвестиционное поведение общества: с конца 50-х годов - снижение темпов роста инвестиций, с середины 70-х - их абсолютное сокращение, с начала 90-х - превращение чистых инвестиций в отрицательную величину. Так, за период с 1991 по 1996 год общий объем инвестиций в России снизился на 71%.

Именно по этой причине, если первые послевоенные пятилетки вывели СССР на второе место в мире по одному из важнейших экономических показателей - объему ВВП, то последующие 30 лет перевели страну на 3-4 место, а 90-е годы поставили Россию на 7-8 место.

Ныне вся ранее созданная инерция развития исчерпана. Страна подошла к крайней черте. Либо инвестиционное поведение будет незамедлительно сменено на противоположное, либо уже в ближайшие 7-10 лет Россия перейдет на доиндустриальные (в лучшем случае - на наиболее примитивные индустриальные) технологии, со всеми вытекающими отсюда последствиями для жизни ее населения, сохранения ее места в мировой цивилизации.

Если бы в стране был сформирован цивилизованный рынок, то он как регулятор экономических процессов смог бы обеспечить накопление и эффективное производительное использование капитала с целью создания современных, постиндустриальных технологий. Однако этого не произошло. И средства, которые могли бы быть использованы для финансирования инвестиций, уходят в "теневой" сектор, включая "бегство" за рубеж, или хранятся на руках населения в качестве средств личного накопления.

Конечно, такое положение обусловлено неблагоприятным инвестиционным климатом в стране как для отечественных, так и для иностранных капиталовложений. Его улучшению не способствовало, как предполагалось, повы-

шение уровня открытости экономики за счет либерализации внешнеэкономической деятельности. Не смогла исправить и улучшить положение и государственная политика в области привлечения иностранных инвестиций. За пять лет реформ не удалось разработать и внедрить в практику эффективный, стабильно действующий механизм, стимулирующий приток зарубежного капитала в экономику России.

Отсутствие стабильного законодательства, учитывающего современные российские социально-экономические реалии, недоступная для понимания с точки зрения цивилизованного бизнеса система налогообложения, криминальная обстановка вкупе с коррумпированным государственным аппаратом - вот что отпугивает зарубежных инвесторов от рынка России. Но это же препятствует активизации деятельности и отечественных инвесторов, которые смогли бы достаточно весомо и эффективно работать в рациональной экономике, а не бежать за рубеж в поисках рентабельного применения, или обменивать средства на иностранную валюту.

Создание нормальных условий для привлечения иностранных инвестиций в Россию, а значит и в регионы, - задача актуальная, решение которой носит и чисто прагматический характер. Поэтому внешнеэкономическая стратегия государства должна наконец повернуться лицом к национальному производителю и инвестору - при формировании как внешнеторгового, так и инвестиционного режима. Только тогда в экономике страны заработает не только зарубежный, но и отечественный капитал.

Приморский край, являясь неотъемлемой частью России, испытывает абсолютно те же коллизии, что и страна в целом. Более того, по данным Приморского комитета госстатистики в крае наблюдается более интенсивное снижение инвестиционной активности, чем в целом по стране. Так, в 1996 году уровень инвестиций в экономику края снизился по сравнению с 1990 г. на 92,2%.

По всем источникам финансирования в крае освоено в 1996 г. 2,8 трлн. рублей, что на 46% ниже объема 1995 г. Из федерального бюджета поступило лишь 67% от установленного лимита, из них основная часть в виде векселей со сроком погашения в декабре 1996 г. Объем инвестиций за счет средств краевого бюджета сократился в 1996 г. по сравнению с 1990 г. в 15 раз. Основная часть предприятий и организаций строительного комплекса простаивает, подрядные организации не имеют достаточного объема заказов, обеспеченных финансированием. Из-за роста цен возникли затруднения со сбытом цемента, стеновых и кровельных материалов, другой продукции промышленности строительных материалов. С учетом оценки продолжающегося экономического спада и прогнозных проработок роста инвестиций в 1997 г. в крае не будет.

Между тем в экономическом отношении Приморье является наиболее развитой частью Дальневосточного экономического района. Здесь сосредоточена значительная часть экономического, научно-технического и экспортного потенциала Дальнего Востока. На долю края приходится 39% валового общественного продукта ДВЭР, 26% продукции промышленности и столько же продукции сельского хозяйства, 80% объема морских перевозок, 51% производства цемента, 47% добычи рыбы и морепродуктов, здесь проживает 29% населения региона. От общего российского объема в крае производится 95% бора и боропродуктов, 80% плавикового шпата (необходимого компонента для производства алюминия), 70% свинца в концентрате, 95% свинца рафинированного, 90% вольфрама в концентрате, 25% олова в концентрате. Край богат лесом и рыбой, имеет все виды транспорта, наиболее развитый из которых -

морской. Через торговые и рыбные порты края сейчас проходит четверть всех грузопотоков России. Плотность железнодорожных и автомобильных магистралей на территории Приморья соответственно на 65 и 90% превышает среднереспубликанский уровень.

К позитивным тенденциям в экономике края в 1996 г. следует отнести продолжение процесса интенсивного формирования рыночной инфраструктуры, начало производства малотонажных гражданских судов на конверсируемых предприятиях, обновление, в основном за счет импорта, добывающего и обрабатывающего рыбного флота (15 единиц), внедрение голландских технологий выращивания сельхозпродукции, внедрение регионального продовольственного госзаказа, начало разработки малых угольных разрезов. На фоне общего сокращения инвестиций объем иностранных инвестиций начиная с 1994 г. устойчиво растет и в 1996 году он увеличился по сравнению с 1995 г. в 8 раз. При этом прослеживается ориентация зарубежного капитала на производства с высоким внутренним платежеспособным спросом: по удельному весу иностранных инвестиции в транспорт составили 65, в связь - 17, в пищевую промышленность - 15%.

Законодательной и исполнительной властью края разработан комплекс документов, направленных на формирование на территории края благоприятного режима хозяйствования, стратегической задачей которого является обеспечение, в случае федеральной поддержки, выхода края через 10-12 лет из дотационного режима и перехода на бюджетное самофинансирование.

Вместе с тем текущее состояние и перспективы социально-экономического развития Приморского края, которые в значительной степени зависят от своевременности и эффективности инвестиционной деятельности, обусловлены некоторыми специфическими факторами, определяющими особенности формирования территориальной структурной политики:

высокий уровень влияния на экономику края федеральных функций и интересов, реализуемых как на территории, так и через территорию края (оборонная, экспортно-импортная, обеспечение отдаленных и северных районов);

достаточно развитый научно-производственный и инфраструктурный потенциал;

промышленность края имеет относительно высокую степень диверсификации при специализации на морехозяйственной и транспортно-транзитной функциях Российской Федерации;

географическая близость к странам Тихоокеанского бассейна, в результате чего край имеет наиболее благоприятные условия для расширения внешнеэкономической деятельности;

обострение энергетической и транспортной проблем являются главными факторами спада, в результате которого с 1992 г. стал сокращаться удельный вес обрабатывающего сектора темпами, опережающими спад производства в добывающем секторе экономики;

кризисная ситуация в военно-промышленном комплексе, которая поставила в особую тяжелые условия моногорода (Арсеньев, Большой Камень).

В результате опережающего повышения транспортных (особенно железнодорожных) тарифов и общего изменения ценовых пропорций в экономике России, по сравнению с мировым рынком, Приморье оказалось практически отрезанным от промышленно развитых районов страны как в части вывоза, так и ввоза продукции. В поставках инвестиционных товаров (оборудования, комплектующих деталей и проч.) и потребительских товаров (прежде всего продовольствия) традиционно экономика края была ориентиро-

вана на западные районы России и бывшего Союза. Повышение транспортных тарифов привело не только к росту цен на ввозимую и вывозимую продукцию, но и обозначило процесс экономического отрыва Приморья, как и других районов Дальнего Востока, от центральных и западных российских регионов. Усилилось стремление к замещению ввоза товаров импортом из соседних стран.

Из-за непродуманной политики в области энергетических тарифов многие виды нашей продукции стали неконкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке. В итоге около 70% товарооборота края приходится на импорт из стран АТР. Основная часть сырьевых ресурсов, добываемых в Приморье, включая морепродукты, реализуется за пределами России. Транспортная инфраструктура края во все большей мере обслуживает интересы Китая, Кореи, Японии и других стран.

Федеральные функции и интересы оказывают большое влияние на экономику Приморья. Наиболее яркое отражение эти процессы нашли в "Федеральной целевой программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы", утвержденной 15 апреля 1996 г. Правительством, а 23 апреля 1996 г. получившей статус президентской.

Исходя из необходимости структурной перестройки экономики края, ликвидации острого дефицита в его топливно-энергетическом комплексе, в Программе намечено за планируемый период вложить в экономику края 55,6 трлн. рублей (в ценах 1995 г.) из 371 трлн. рублей, предусмотренных в целом на финансирование Программы. В крае предусмотрено построить заново 100 объектов, реконструировать и модернизировать 53 объекта, край будет участвовать в реализации 20 подпрограмм. Нерешенные проблемы края созвучны с проблемами других краев и областей региона, а потому пути их решения, намеченные в Программе, в основном одинаковы для всех дальневосточников.

В "Федеральной целевой программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы" применен принципиально новый концептуальный подход, заключающийся в том, что регион должен развиваться как особая социальная- и экономико-географическая зона, требующая постоянного внимания федеральных органов и учета специфических особенностей региона при осуществлении мер общегосударственной политики.

Генеральная цель Программы состоит в том, чтобы максимально ослабить влияние факторов, препятствующих адаптации региона к новой экономической ситуации, и полнее реализовать имеющиеся предпосылки развития, создав тем самым условия для быстрого выхода из кризиса и ускоренного развития в дальнейшем. Для достижения указанной цели предусмотрены следующие формы государственной поддержки Программы:

государственные дотации в виде региональных льгот в тарифах, нормативах отчислений в бюджет, порядке внешнеэкономической деятельности;

государственный заказ для загрузки производственных мощностей федерального значения;

меры по социальной защите населения;

защита рынка от монополий;

государственные гарантии иностранным инвесторам в регионе;

создание и поддержка свободных экономических зон;

прямые государственные инвестиции в программные проекты.

К сожалению, пока Программа не выполняется, и Дума Приморского края совместно с законодательными органами краев и областей Дальнего Востока и Забайкалья принимает ряд мер, направленных на обеспечение выпол-

нения данной программы, имеющей фактически решающее значение для активизации в регионе инвестиционной деятельности.

Приморье, занимая ведущее место в экономике Дальневосточного экономического района, представляет собой исключительно притягательный объект для иностранных инвесторов. Уникальное географическое положение края, огромные природные богатства предопределяют его особую роль в реализации стратегических и экономических интересов России в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня в АТР переплетаются национальные интересы многих стран - США, Японии, Китая и, конечно, России, являющейся тихоокеанской державой. Геополитическая и экономическая важность региона определяется его потенциалом. На страны АТР приходится 31% территории земного шара, 40% населения, 50% совокупного ВВП, более 40% мирового экспорта. АТР является самым динамично развивающимся регионом мира, в котором средние темпы экономического роста составляют 7-8% ежегодно, что ведет к усилению его позиций в современной мировой экономике и политике.

На этом фоне Приморье, находящееся как бы в эпицентре этого региона, буквально обречено на внимание иностранных инвесторов. Однако иностранные инвесторы пока не проявляют особой активности на территории края, в том числе и в свободной экономической зоне "Находка". Их деятельность осложняют несовершенство федеральной законодательной базы, отсутствие четкой налоговой, валютной политики, нерешенность инфраструктурных вопросов. Именно неопределенность перспективы при наблюдаемом крушении текущей конъюнктуры и лукавое поведение правительства в области создания и гарантий инвестиционного климата сделали иностранные инвестиции малосущественным фактором региональной динамики.

Вполне понятно, что решить все эти проблемы для привлечения иностранных инвестиций на отдельно взятую территорию страны невозможно. Но понятно и другое, что сидеть сложа руки и ждать, пока инвестиции польются сами собой, тоже нельзя. Нужны реальные меры: создание законодательной базы, хотя бы на уровне региона, реальные результаты в борьбе с преступностью, политическая стабильность, развитая банковская сеть, современные телекоммуникации и связь, современный гостиничный комплекс для проживания иностранцев.

Над решением этих проблем сегодня активно работает законодательная и исполнительная власть края. Например, для того, чтобы обеспечить правовые, экономические и социальные условия привлечения в экономику края инвестиций и защитить права собственности инвесторов, безусловно, нужен Закон "Об инвестиционной деятельности в Приморском крае". Разработка такого законопроекта в настоящее время ведется в Думе Приморского края.

Ключевыми статьями законопроекта являются статьи о страховании и перестраховании имущества и рисков инвесторов и о залоговом кредитовании инвесторов. Для усиления гарантий инвесторам договор о реализации конкретного проекта заключается только при условии, если инвестор застраховал свое имущество и риски, в том числе и строительные.

Наиболее популярной формой финансирования инвестиций является получение инвестором долгосрочного кредита в банках, фондах, специализированных финансовых организациях, причем чаще в зарубежных, так как отечественные финансовые институты в современных условиях такие кредиты не предоставляют. Анализ действующего в странах с устойчивой рыночной экономикой механизма кредитования инвесторов показал, что для привлечения кредитов под реализацию конкретных проектов обязательным требовани-

ем к заемщику является залог имущества или активов. В случае небольших по объему кредитов инвестор в качестве залога может использовать свое имущество и активы. В случае же, когда объемы кредитов значительно превышают залоговые возможности инвесторов или инвесторы по каким-либо причинам не желают (или не могут) закладывать свое имущество и активы, а территория, где предполагается реализовать конкретный проект, не имея альтернативы, кровно заинтересована в привлечении данного инвестора (особенно зарубежного), решение проблемы заключается в создании залогового механизма самой территорией. Именно такой механизм начал создаваться в Приморском крае.

Для развития института залога на территории края началось создание соответствующей инфраструктуры: краевого залогового фонда; региональных законодательных правил и исполнительных инструкций использования залогового кредитования; краевой межведомственной комиссии по залоговому кредитованию; краевой программы залогового кредитования.

Краевой залоговый фонд создается администрацией края для залогового обеспечения кредитных сделок с целью финансирования инвестиционных проектов, включенных в краевую программу залогового кредитования, и утверждается думой Приморского края. Фонд представляет из себя обновляемый и дополняемый по мере необходимости перечень имущественных объектов, используемых в качестве предмета залога. Он формируется из имущественных объектов, находящихся в государственной собственности края. По каждому проекту готовится и оформляется отдельный предмет залога. Его стоимость определяется необходимой для залогового обеспечения кредита суммой.

Объектом залога могут быть недвижимость (здания, сооружения, предприятия); имущественные права на недвижимость, в том числе предусмотренные законодательством права по аренде земельных участков; движимое имущество, в том числе акции, облигации и другие ценные бумаги, денежные средства и другие активы. Ипотека здания или сооружения допускается только с одновременной ипотекой по тому же договору земельного участка, на котором находится это здание или сооружение.

При отборе объектов залога должны учитываться в первую очередь определенность юридического статуса объекта, устойчивость его рыночной стоимости, коммерческая рентабельность и экономическая эффективность объекта. Заложное имущество должно обеспечить возвратность кредита и уплату процентов по нему. Залогодателем выступает либо администрация края, либо организация (предприятие), осуществляющая проект. Получателем кредита является организация, осуществляющая проект.

Объекты, включенные в залоговый фонд, бронируются на период действия договора о залоге, что влечет запрет операций с правами на них (продажу и т.п.). При необходимости вносятся соответствующие изменения в планы приватизации этих объектов. С прекращением залога объект исключается из залогового фонда администрации края. Объекты, переданные специализированной компании для целей залогового обеспечения, после прекращения залога могут оставаться в залоговом фонде администрации края для повторного использования в качестве предмета залога при заключении новых кредитных сделок.

Законодательные правила залогового механизма прописаны в проекте закона "Об инвестиционной деятельности в Приморском крае". Законодательством предусмотрено, что порядок использования залогового кредитования для финансирования проектов определяется администрацией края. Межве-

домственная комиссия по залоговому кредитованию, формируемая краевой администрацией, разрабатывает политику использования этого механизма в интересах края, готовит предложения и проекты правовых актов по данному направлению, содействует развитию инфраструктуры залогового кредитования, в том числе вторичного рынка ипотеки, формирует краевую программу залогового кредитования и залоговый фонд, оказывает помощь предприятиям и организациям края в использовании механизма залогового кредитования. Краевую программу залогового кредитования утверждает администрация края.

Этим законом будут определены не только гарантии прав инвесторов, использования их доходов, но и различные формы стимулирования инвестиций, налоговые льготы при осуществлении инвестиционной деятельности, залоговые и страховые механизмы.

Ярким примером эффективности таких льгот является строительство во Владивостоке бизнес-центра Южно-Корейской фирмы "Хендэ". Дума Приморского края своим постановлением № 407 от 25.07.96 г. "О привлечении иностранных инвестиций в строительство объектов гостиничного бизнеса и сферы услуг в Приморском крае" предоставила предприятиям, созданным с участием иностранных инвесторов, доля которых в уставном капитале не менее 30%, осуществляющим строительство объектов гостиничного бизнеса и сферы услуг в Приморском крае сметной стоимостью не менее 5 млн. долл., льготы по уплате налогов на имущество, на прибыль, на приобретение автотранспортных средств, на пользователей автомобильных дорог. Результат общих усилий, в том числе и льгот, предоставленных Думой, налицо. В текущем году строительство этого объекта, начатое в 1996 г., будет закончено и он войдет в эксплуатацию.

Но такие разовые льготы проблему не решают. Нужен системный подход. Как раз принятие закона об иностранных инвестициях в крае и будет таким подходом. Безусловно, и после принятия закона инвестиции сами по себе не пойдут в край. Нужна будет серьезная организаторская работа по активизации этого процесса. Но ясно одно - при наличии соответствующего закона такая работа даст и конкретную отдачу.

Экономика

Понятие "сяокан" и проблемы народного благосостояния

© 1998

И.Наумов

Окончание. Начало в "ПДВ", 1997, № 6.

На рубеже 70-80-х годов в руководящих кругах Китая сформировалась в общих чертах политика подъема реальных доходов огромных масс населения. В эту политику входило: 1) усиление контроля за естественным приростом населения; 2) подъем сельскохозяйственного производства как основы улучшения условий жизни народа; 3) массовое производство промышленных потребительских товаров; 4) развертывание жилищного строительства; 5) интенсивное расширение сферы услуг; 6) включение в активную хозяйственную деятельность десятков миллионов подрастающей молодежи. Экономически активное население увеличилось по сравнению с 1978 г. на 220 млн. человек и в 1995 г. составило 625 млн.

Большое стимулирующее воздействие на подъем производства жизненных средств оказали реформы, направленные на развитие товарно-денежных отношений, совершенствование отношений собственности, распределения, обмена и т.п. В сфере распределения, например, делая упор на распределение по труду, государственная политика допускает получение доходов от предпринимательства и нетрудовых доходов (от акций, собственности, эксплуатации чужого труда). Фактически была осуществлена химизация сельскохозяйственного производства. Если в 1978 г. вносилось на поля 8,8 млн. т минеральных удобрений, то в 1996 г. уже 38,4 млн. т, или в среднем 405 кг на гектар пашни (257 кг на гектар посевной площади). В 1996 г. валовой сбор зерновых достиг 490 млн. т, включая батат и картофель (5:1). По пятилеткам совокупный прирост их составлял (в %):¹

6-ая пятилетка (1981-1985) - 21,4

7-ая пятилетка (1986-1990) - 10,3

8-ая пятилетка (1991-1995) - 9,9

Большая прибавка в 6-ую пятилетку объясняется тем, что были полнее задействованы неиспользованные ресурсы сельского хозяйства 60-70-х годов. Нарастающее производство зерновых способствовало значительному укреплению продовольственного фонда КНР.

Поднимающаяся промышленность в 80-е годы буквально завалила прилавки магазинов, рынки промышленными потребительскими товарами:

велосипедами, швейными машинами, часами, радиоприемниками, телевизорами, фенами, холодильниками, стиральными машинами, пылесосами и т.п.

Общему подъему производства в очень большой степени способствовали развитие сферы услуг (третьей сферы), переноса индустриализации в сельскую местность, а также политика открытости. Так, в сфере услуг занятость возросла с 48,7 млн. человек в 1978 г. до 150,6 млн. в 1995 г., т.е. на 101,9 млн., в т.ч. в 1991-1995 гг. - на 40,4 млн.² Огромные избыточные трудовые ресурсы были задействованы на предприятиях в сельской местности. Численность работающих на них увеличилась с 28,3 млн. человек в 1978 г. до 131,4 млн. в 1996 г.³ Значительную помощь в трудоустройстве оказало развитие индивидуальной и частной предпринимательской деятельности. Все это позволило расширить источники получения доходов. Разнообразится структура производства и распределения общенационального фонда заработной платы. Если в 1985 г. в нем на государственный фонд приходилось 77%, на фонд коллективных предприятий - 22,6%, а на частные - всего 0,4%, то в 1994 г. эти показатели соответственно были равными 77,7, 15,4 и 6,9%. В деревне происходит заметное сокращение доли доходов, получаемых от растениеводства. В 1994 г. на них приходилось 48,2% чистого дохода в среднем на человека. Еще 24% дохода давало животноводство, лесоводство, водный промысел. 27,8% доходов деревня получила от несельскохозяйственной деятельности - промышленности, строительства, торговли, транспорта и т.п.

В процессе непрерывного преобразования и совершенствования находится заработная плата, ценообразование, финансовая система, сфера обращения, управления народным хозяйством. В оплате труда были восстановлены и усовершенствованы стимулирующие формы заработной платы (премиальная, сдельная, подрядная и т.п.). С переходом к "социалистическому рынку" и переводом государственных предприятий на принципы "самохозяйствования, самокупаемости, саморазвития и саморегулирования" им стало предоставляться право самим набирать рабочую силу, распределять фонд заработной платы. Государство оставило за собой право макрорегулирования. Последняя реформа оплаты труда в государственном аппарате, в сфере образования, науки, здравоохранения и т.п. была проведена в 1993 г. С переходом деревни на семейный подряд крупные преобразования произошли в формировании доходов сельских семей. Наряду с доходами от своего хозяйства крестьяне получили возможность зарабатывать деньги на стороне. Крупным источником доходов на селе стала быстро развивающаяся деревенская промышленность.

Таблица 2

	1978 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.
Число обследованных семей рабочих и служащих		8515**	24338	35660	35520
Средний размер семей		4,24*	3,83	3,50	3,23
Среднее число работников в семье		2,33*	2,15	1,98	1,87
Нагрузка на одного работника (включая самого работника)	2,06	1,77*	1,81	1,77	1,73
Число обследованных крестьянских дворов	6095	15914	66642	66478	67340
Средний размер семьи	5,74	5,54	5,12	4,84	4,48
Средняя численность полных и неполных работников	2,27	2,45	2,95	2,92	2,88
Нагрузка на одного работника (включая самого работника)	2,53	2,26	1,74	1,64	1,55

* 1981 г.

Источники: Чжунго тунцизи нямъзьянь. 1988. с. 806, 822; 1995, с. 278; 1996, с. 232, 300.

Предпринятые меры в совокупности дали значительные результаты. В 1979-1995 гг. объем производства в КНР ВВП был увеличен почти в 5 раз.

Существенный вклад в общее благосостояние КНР внесла политика планирования семьи. В результате жесткого ограничения рождаемости с применением экономических, административных и политических мер совокупный абсолютный прирост населения в 70-е - 90-е годы был сокращен на 180-200 млн. человек. Крупные изменения произошли в количественном и качественном составе семей. И в городе и в деревне семьи стали меньше, существенно снизилась нагрузка на одного работающего (см. табл. 2).

С обретением экономической самостоятельности членами семей коренные изменения происходили в семейных отношениях, в отношениях между полами, родителями и детьми, старшими и младшими. Старая феодальная клановая семья, основанная на безоговорочном подчинении главе семьи, быстро распалась.

3. Монетизация экономики КНР и рост доходов населения

"Сяокан" даже в широком понимании не охватывает и не может охватить базовые экономические отношения, которые непосредственно формируют его. К таковым, в частности, относятся проблемы активного развития и использования товарно-денежных отношений, денежного обращения и связанных с ними стоимостно-ценовых законов.

Крутой поворот от разносной критики и жесткого ограничения использования товара, денег, рынка в годы "культурной революции" к их признанию был объективно обусловлен ходом экономического развития КНР, прогрессом производительных сил, углубляющимся разделением труда, расширением масштабов производства и его кооперирования, ростом городов и городских поселений и т.п. К концу 70-х годов китайская экономика, представляла уже значительную силу: в 1978 г. добывалось 618 млн. т каменного угля, 104 млн. т нефти, выплавлялось 31,8 млн. т стали, производилось 256,6 млрд. кВт-ч. электроэнергии, 22,1 млн. т проката, 65,2 млн. т цемента, развивалось машиностроение и т.д. В промышленности действовало 348 тыс. предприятий, в том числе 84 тыс. государственных, 264 тыс. коллективных, в деревне насчитывалось 4816 тыс. хозрасчетных производственных бригад, в сфере торговли и услуг - еще 1255 тыс. хозяйственных единиц. Увеличивались размеры валового внутреннего продукта (ВВП), который в 1978 г. оценивался в 348,2 млрд. юаней. Во всех сферах народного хозяйства, культуры, науки были задействованы огромные человеческие ресурсы - 401,5 млн. человек, денежный доход населения достиг 176,5 млрд. юаней.

Хотя производство, пусть и неравномерно, но развивалось, рост денежной массы жестко сдерживался. В том же 1978 г. количество наличных денег в обращении (M_0) к ВВП составляло всего 6%, если добавить сюда текущие депозиты в банках (M_1), то это отношение поднимется до 26%, а включая долгосрочные вклады и ценные бумаги (M_2) - до 32%, что в 2,5-3 раза ниже потребностей для функционирования современной денежной экономики. Столь малое количество денег в обращении не могло без задержек, срывов выполнять важнейшие их функции - средства измерения стоимости, обращения, сохранения и накопления стоимости. Нехватка денег в обращении стала одной из причин усиления его бартеризации и нормированного распределения. Сдерживалось развитие производства, внешнеэкономических отношений.

Кроме чисто экономических причин, к концу 70-х годов накопилось много острых проблем в социальной области. Экономические и социальные

проблемы перерастали в политические. За годы "культурной революции" снизились и без того низкие реальные доходы как городского, так и сельского населения. Во избежания накопления огромных масс безработного населения настоятельно требовалось быстрое расширение сферы хозяйственной деятельности для вовлечения в производство входящую в трудоспособный возраст молодежь (16-17 млн. человек в год). Экономические и социальные проблемы перерастали в политические: общественный климат был раскален до предела. Пришедшее к власти руководство было поставлено перед необходимостью не терпящей отлагательства разрядки социально-политической напряженности. Требовались срочно деньги, много денег. Казна была пуста.

Оценив обстановку, китайские реформаторы решительно отказались от прежней антимонетаристской концепции развития и приступили к интенсивной монетизации своей экономики и общества. В результате за 17 лет (1979-1995) Мо увеличился в 37,2, М1 - в 25,3, М2 - в 52,4 раза. Изменились структура денежной массы, отношения денежных агрегатов к ВВП. В 1995 г. последние равнялись Мо/ВВП - 13,7%, М1/ВВП -41,6%, М2/ВВП - 105,4%.

Таблица 3

Процесс монетизации экономики КНР

Годы	Рост ВВП		Рост Мо		Рост М1		Рост М2	
	млрд.ю.*	пред год = 100,0**	млрд. ю.	пред год = 100,0	млрд. ю.	пред год = 100,0	млрд. ю.	пред год = 100,0
1978	362,41	111,7	21,20		94,85		115,91	
1979	403,82	107,6	22,77	126,3	117,71	124,1	145,81	125,8
1980	451,78	107,8	34,62	129,3	144,34	122,6	184,29	126,4
1981	486,03	106,2	39,63	114,5	171,08	118,5	223,45	121,2
1982	530,18	109,1	43,91	110,8	191,44	111,9	258,98	115,9
1983	595,74	112,4	52,98	120,7	218,25	114,0	307,50	118,7
1984	720,67	115,2	79,21	149,5	293,16	134,3	414,63	134,8
1985	898,91	113,5	98,00	112,4	334,09	114,0	519,89	126,4
1986	1020,14	108,8	121,84	136,9	423,22	126,7	672,10	129,3
1987	1195,45	111,6	145,46	119,4	571,46	135,0	834,97	124,2
1988	1492,23	111,3	213,40	146,7	695,05	121,6	1009,96	121,0
1989	1691,78	104,1	234,40	109,8	734,71	105,7	1194,96	118,3
1990	1859,84	103,8	264,44	112,8	879,32	119,7	1529,37	128,0
1991	2166,25	109,2	317,78	120,2	1086,66	123,6	1943,99	127,1
1992	2540,21	114,2	433,60	135,4	1501,57	138,3	2540,21	130,7
1993	3456,05	113,5	586,47	135,8	1869,49	117,5	3150,10	124,0
1994	4642,58	112,6	728,86	124,3	2054,07	109,9	4692,35	149,0
1995	5765,00	110,2	788,50	108,2	2398,00	116,7	6075,00	129,5
Среднегодовой прирост		9,65		23,4		20,2		25,2

* в текущих ценах

** в сопоставимых ценах

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1988, с. 769; 1993, с. 664; 1996, с. 614; Цзинцзи яньцзю. 1996, 12, с. 28

Из таблицы видно, что лишь два года (1985 и 1995) темпы прироста денежной массы в обращении (Мо) были ниже темпов прироста ВВП. В среднем же прирост денежной массы за 17 лет был в 2,4 раза выше темпов прироста ВВП. Особенно чрезмерным прирост денежной массы был в 1980 г.

(29,3%), 1984 г. (49,5%), 1986 (36,9%), 1988 г. (46,7%), 1992-1994 гг. (соответственно 36,4, 35,8, 24,3%).

Это было беспрецедентное и чрезвычайно рисковое, граничащее с авантюризмом, вливание в экономику бумажных знаков. Опасности подстерегали со многих сторон и в первую очередь со стороны очень низкого уровня развития производства, хронически дефицитной и занормированной экономики, запрограммированного на много лет вперед навеса потребностей увеличивающегося колоссального населения. С переходом к денежной экономике потребности в большей или меньшей степени превращались в денежный навес, который в остродефицитной экономике стал реально угрожать инфляционным взрывом, что было бы равносильно краху реформ и надежд.

Хотя не все шаги в ходе интенсивной монетизации просчитывались китайскими реформаторами (этого невозможно было и сделать), тем не менее столь стремительная накачка в экономику бумажных денег не означала впрыгивания в рынок с закрытыми глазами. Денежные знаки не разбрасывались бездумно направо и налево.

В ходе монетизации обрабатывались пути наиболее эффективного использования этого колоссального эмиссионного дохода государства. Первоначально были повышены закупочные цены на продукцию сельского хозяйства. Решение было принято на известном 3-м пленуме ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г. В среднем в 1979 г. цены поднялись на 22,1%, в том числе на зерновые на 30,1%. Повышение цен на продукцию сельского хозяйства продолжалось и в последующие годы. В целом же за 17 лет они были повышены в 5,3 раза, в том числе на зерновые - в 7,1 раза, на хлопок - в 6,3 раза¹. Эту политику нельзя идеализировать. В ней много проблем, особенно в плане обеспечения паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Тем не менее эта политика обеспечивала достижение следующих целей:

а) цены на сельскохозяйственную продукцию подтягивались к издержкам производства и стоимости;

б) стимулировался рост производства путем активизации денежного спроса на средства производства, прежде всего на минеральные удобрения, гербициды, воду для орошения и т.п.;

в) с ростом сельскохозяйственного производства повышалась его товарность, решалась задача обеспечения продовольствием стремительно растущего населения городов и развивающейся промышленности сырьем;

г) повышались денежные доходы крестьянства, что способствовало росту спроса деревни на промышленные потребительские товары.

В конечном счете рост сельскохозяйственного производства явился основой воспроизводства колоссальной человеческой популяции, расширения хозяйственной деятельности и всего экономического и культурного подъема в КНР. Именно увеличение сельскохозяйственного производства, его состояние в конечном счете обуславливают силу и слабость финансовой системы и денежного обращения в КНР.

Вторым направлением вливания денег стало повышение денежных доходов рабочих и служащих, которое конкретно осуществлялось по следующим основным каналам:

а) непосредственно эмиссионное повышение заработной платы рабочим и служащим непродуцированной сферы (госаппарат, образование, здравоохранение, наука, культура и т.д.);

б) проведение реформы заработной платы с неременным ее ростом;

в) компенсация расходов рабочих и служащих в связи с повышением цен на продовольственные продукты;

- г) дотирование коммунальных услуг;
- е) финансирование социальной сферы.

Третий мощный поток денежной массы направлялся в инвестиционную сферу, туда, где решались важнейшие задачи экономического роста, такие как:

а) проведение крупномасштабного структурного маневра в 80-е годы путем перераспределения финансовых и материальных средств в пользу массового производства промышленных потребительских товаров (швейных машин, велосипедов, часов, телевизоров, радиоприемников и т.п.);

б) осуществление крупных проектов по индустриализации страны и расширению фронта хозяйственной деятельности для десятков миллионов входящих в трудоспособный возраст молодежи;

в) ускорение реконструкции промышленности, транспорта, связи и т.п.;

г) кредитования, а фактически дотирование оборотных фондов промышленных предприятий, в первую очередь государственных.

Четвертым направлением использования денежных средств является финансирование армии и всего военного комплекса.

И, наконец, пятым направлением денежных вливаний стало стимулирование внешнеэкономической открытости и оказание финансовой помощи для увеличения экспорта и импорта и коренной их перестройке.

Такое распоряжение денежными потоками позволило в стратегическом плане закладывать основы перевода широкомасштабной экономики в режим товарно-денежного и частично рыночного обращения, ускорить темпы ее роста и модернизации, а в тактическом плане - значительно ослабить социально-политическую напряженность в обществе, расширить сферу занятости, нарастить внутри- и внешнеторговый обороты.

Вместе с ростом денежной массы экономики быстро увеличивались денежные доходы населения. За 17 лет реформ (1979-1995) общенациональный фонд заработной платы увеличился в 14,2 раза, в том числе в государственном секторе в 13 раз, в коллективном в 11,8 раза. Самые высокие темпы роста имели место в 8 пятилетку (1991-1995), когда его абсолютные размеры увеличились в 2,7 раза. Быстро поднимались другие сектора экономики (частный, госкапиталистический, капиталистический). Начиная в 1978 г. с нуля в 1995 на долю этих секторов приходилось уже 7,9% общенационального фонда заработной платы. Ниже были темпы роста средней заработной платы на одного работающего. За 17 лет средняя денежная заработная плата возросла почти в 9 раз, а за 8 пятилетку - в 2,57 раза.

Столь же интенсивно шел процесс роста доходов в деревне. За прошедшие 17 лет чистые доходы крестьян в текущих ценах увеличились в 11,8 раза, а за 8-ю пятилетку в 2,3 раза. По мере проникновения в деревню товарно-денежных отношений происходила ее денатурализация, преобразовывались основы жизненного уклада крестьянства.

Естественно, что никакое производство, как бы быстро оно ни развивалось, не могло унаться за столь массовыми ежегодными вбрасываниями бумажных денег в обращение. Казалось, что крах денежной системы в Китае был предопределен. Однако этого не произошло. Кроме целенаправленного роста потребительских товаров, исполнительные власти контролировали повышение самих денежных доходов и ценообразование, в полную меру использовали такой рычаг откачки из обращения денег, как сбережения населения; в широких масштабах прибегли к регулируемой инфляции, налогообложению высоких доходов.

В ряду антиинфляционных мер важное место было отведено стимулированию накопительной деятельности широких масс населения. В отличие от

"культурной революции", когда вклады населения подстегивались политическими и административными методами, в конце 70-х годов в основу депозитного дела был положен экономический интерес. Во-первых, государство гарантировало надежность вкладов; во-вторых, постоянным увеличением производства потребительских товаров и расширением их ассортимента; в-третьих, ликвидацией талонной (нормированной) системы и переходом к свободной (кроме зерновых и растительного масла в городах) торговле; в-четвертых, возможностью свободного распоряжения вкладчиков своими вкладами, что не допускалось в годы "культурной революции"; в-пятых, процентной ставкой, которая менялась в зависимости от характера вклада и уровня инфляции. За четыре года (1990-1993) процентная ставка повышалась и понижалась 5 раз. Самая низкая устанавливалась в апреле 1991 г. по текущим вкладам - 1,8% годовых, а по вкладам на 8 лет и более - 10,8%, самая высокая ставка была назначена в июле 1993 г., соответственно 3,15 и 17,10%, когда цены на потребительские товары пошли быстро вверх. Такая политика оказалась весьма эффективной, если прибавить к этому еще присущую китайцам внутреннее чувство бережливости. За 18 лет (1979-1996) общий размер депозитов населения увеличился в 183 раза.

В 1996 г. прирост вкладов населения составил почти 13,0 к ВВП и 37,2% к инвестициям в основные фонды. Словом, в годы реформ в активную накопительную деятельность были вовлечены огромные массы населения с их семейными бюджетами. Не меньшее, если не большее значение имела защитная сберегательная политика для поддержания социальной и политической стабильности в обществе. Важным элементом устойчивости китайской экономики и общества до 1993 г. было сохранение нормированного (гарантированного) обеспечения городского населения зерновыми и растительным маслом по государственным ценам.

Предпринимаемый комплекс мер, включая наращивание производства потребительских товаров, регулирование доходов, эмиссию, откачку из обращения через сберегательные кассы временно свободных средств населения, в очень большой степени удерживали рост цен и позволяли предотвращать общенациональный инфляционный взрыв. Тем не менее не трогать цены было невозможно. В сложившейся ситуации китайские реформаторы пошли на проведение управляемой в целом инфляции, включая отпуск цен на предметы роскоши и потребительские товары первой необходимости, регулирование цен на товары стратегического назначения, товары и услуги первой необходимости. Много времени и сил отдавалось формированию макрорегулируемой стоимостной среды, рынков и использованию их в качестве средства самообразования. В 80-е годы в Китае было проведено 6 "урегулирований", "три больших раскрепощения" цен на потребительские товары, т.е. осуществление "минишоков" на некоторые товары и услуги, включая продукты животноводства, овощи. Как правило, цены освобождались на продукты, которые были в недостатке на рынках. При этом цены непременно поднимались вверх. Согласно официальным данным, в городах за 17 лет (1979-1995) цены на потребительские товары возросли в 3,7 раза. Особенно ускорился рост цен после 1984 г., когда была сделана первая крупная попытка ускоренного вхождения в рынок. За 10 лет (1986-1995) цены на потребительские товары повысились в городе в 2,6 раза, а в сельской местности - в 2,5 раза.

Однако, как всегда, за средними показателями скрываются большие различия. Наиболее высокими темпами росли цены на продукты питания (зерновые, растительное масло, продукты животноводства и водохозяйствен-

ного промысла, овощи), а в последние годы и на услуги (плата за жилье, воду и электроэнергию, транспорт, медицинскую помощь и т.п., см. табл. 4).

Таблица 4

**Динамика цен на потребительские товары и услуги
в 1991-1995 гг. (предыдущий год = 100,0)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Совокупный индекс цен на потребительские товары	102,9	105,4	113,2	124,1	117,1	106,1
Продукты питания	103,3	107,7	114,3	131,8	122,9	107,6
Зерновые	108,6	124,3	127,7	150,7	136,8	106,5
Масло растительное	109,9	105,9	116,2	161,3	116,0	92,1
Свежие овощи	106,1	109,6	115,7	138,5	127,3	119,7
Мясо	97,7	104,8	114,0	141,6	126,4	104,5
Яйца	94,2	98,8	110,4	116,6	112,1	116,5
Продукты водного промысла	101,5	105,4	116,3	120,3	114,4	106,0
Одежда	104,1	102,8	106,2	117,1	114,5	107,4
Ткани хлопчатобумажные	105,4	101,2	103,1	130,1	134,2	
Товары культурно-развлекательного назначения	96,2	95,7	101,6	112,5	106,4	110,4
Топливо	115,6	114,6	135,0		111,2	
Цены на услуги						
В целом	103,4	106,4	114,7		120,2	116,0
Плата за жилье	105,6	119,5	123,2	137,1	131,8	
Плата за воду и электроэнергию	109,6	108,3	116,6	121,9	111,2	
Плата за транспорт	104,9	109,2	125,8	112,2	101,6	
Плата за связь	159,5	100,9	116,2	114,5	95,3	
Медикаменты и средства медицинского обслуживания	106,6	119,3	137,1	116,2	115,7	109,3
Отдых	124,4	125,5	151,8	136,1	106,4	110,4

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1994, с. 232; 1995, с. 234, 237; 1996, с. 256, 257; "Жэньминь жибао", 05.04.1997.

Несмотря на то, что верховные исполнительные власти не выпускали из своих рук управление ценообразованием, рост цен не был спокойным и бесконфликтным. Не один раз за годы реформ розничная торговля переживала ценовые бури и хаос. Так было в 1985 г., когда были отпущены цены на овощи, продукты животноводства и водного промысла, так было в 1988-1989 гг. и в 1993-1994 гг., когда было отменено купонное обеспечение городского населения зерновыми, растительным маслом и был сделан переход на рыночное обеспечение этими продуктами по свободным ценам. Событие это было неординарное, а последствия неоднозначными.

Зерновые - фундамент жизни и устойчивости китайского общества. Отмена купонного обеспечения ими по вполне удовлетворительным нормам и государственным ценам подорвало эту устойчивость: побежали вверх цены, бурно разворачивалась торговля, началась хлебная паника. Хотя в 1993 г. в Китае был собран самый высокий в истории урожай, цены на зерно повысились на 27,7%. В 1994 г. урожай был ниже 1993 г., что еще больше подогрело обстановку на хлебном рынке. Чтобы сбить рост цен, власти прибегли к массовому выбросу зерна из складских запасов. Эта мера ослабила напряжен-

ность в обеспечении зерном. Тем не менее в 1994 г. цены на него повысились на 50,7%. Высоким был рост цен на зерно (36,8%) и в 1995 г.

Инфляция существенным образом тушила высокие темпы прироста реальных доходов населения. В отдельные годы имели место случаи, когда прирост цен опережал прирост денежных доходов. Так, в 1988 г. средняя денежная заработная плата увеличилась на 19,7%, а реальная, напротив, понизилась на 0,8%, в 1989 г. реальная заработная плата сократилась еще на 4,8% при росте денежной на 10,8%. В 1995 г. денежная заработная плата увеличилась на 22,5%, а реальная - на 4,9%, доходы крестьян - соответственно на 29 и 5,3%.

Для ориентации в современном уровне розничных цен в таблице приведены цены на основные продукты по семи крупным городам Китая в июле 1997 г.

Таблица 5

Цены на продовольственные продукты в 7 больших городах Китая (июль 1997 г.)

юани за 1 кг

	Лоян	Далянь	Шанхай	Циндао	Ухань	Гуанчжоу	Пекин
Мука пшеничная	2,96	2,30	2,70	2,66	3,08	3,50	2,60
Рис	2,60	2,48	2,40	2,00	1,88	2,40	2,80
Масло арахисовое	—	—	—	9,00	—	13,20	—
Масло рапсовое	—	—	7,80	—	7,60	—	7,60
Масло соевое	7,60	7,90	8,20	8,00	7,64	—	7,70
Капуста кочан.	0,80	0,90	1,40	1,2	0,94	—	1,10
Лук	1,20	1,60	—	1,60	1,60	2,40	1,30
Огурцы	1,20	1,20	1,60	1,40	1,30	3,00	1,00
Арахис	1,20	1,00	2,00	1,20	1,28	2,20	1,10
Свинина	16,0	17,0	19,0	18,00	16,48	19,00	17,00
Говядина	15,00	18,00	—	15,80	13,34	20,00	15,80
Баранина	16,00	22,00	—	—	—	—	18,20
Курытина	8,60	10,00	12,60	—	11,50	18,00	10,40
Яйца	4,60	5,00	4,80	5,98	—	6,60	5,40
Рыба	13,00	16,00	18,00	16,40	11,80	12,0	11,80

Источник: "Цзинцзи жибао", 10.07.1997.

В ходе преобразования натуральной и полунатуральной экономики в денежную китайским реформаторам многое удалось и главное удалось значительно продвинуть внедрение в народное хозяйство и общество денежный механизм, постепенно формировать во многом новую, хотя и хрупкую, но более отвечающую современным требованиям финансовую систему. Однако это восхождение к денежной экономике отнюдь не было прямолинейным. Острые финансовые проблемы испытывает государство. Одна из них - денежное обращение и инфляция. Как правило, темпы роста цен неодинаковы, что вызывает нарушение сложившихся связей, ценовых отношений, стихийное перераспределение стоимости, доходов, ломку утвержденных планов, договоренностей, порождает хаос в экономике, ослабляет денежное обращение.

Подъем инфляционных волн выше 10% расценивается в Китае как приход в экономику опасной беды, требующей принятия решительных мер для ее локализации и преодоления. Полагая, что в тих случаях чисто экономическими методами навести порядок в экономике невозможно, китайские

реформаторы решительно брались за жесткие административные меры. По мере обретения опыта власти стали переходить от пожарных методов подавления инфляции к более осмысленному набору антиинфляционных мер. В этом отношении поучителен опыт проведения антиинфляционной кампании в 1993-1996 гг. Что экономика идет после огромного увеличения в 1992-1993 гг. (на 42,6 и 50,0%) инвестиций в основные фонды на очередной перегрев, ЦК КПК и Госсовет поняли еще в середине 1993 г. Ими было санкционировано принятие "16 мер" для недопущения инфляционного взрыва. В декабре 1994 г. были приняты еще "10 мер". Однако инфляционная волна продолжала подниматься. С начала 1995 г. ЦК КПК и Госсовет для подавления инфляции задействовали все нижестоящие партийные и исполнительные органы, имеющие отношение к управлению народным хозяйством. Была разработана система мер по подавлению инфляции и наведению порядка в экономике. В результате решительного проведения антиинфляционных мер совокупный индекс инфляции был снижен с 14,8% в 1995 г. до 6,1% в 1996 г.⁵

4. "Сяокан" и проблемы дифференциации доходов и личного потребления населения

Благодаря внушительному росту производства и особенно наращиванию потребительских благ (продовольствия, промышленных товаров, услуг) в сложнейшей демографической обстановке (прирост населения в 1979-1996 гг. составил 261,3 млн. человек) в Китае удалось существенно укрепить фонд личного потребления и в первую очередь продовольственный фонд и на этой основе поднять уровень личного потребления, значительно изменив и расширив его структуру. Об этом можно судить по уровню потребления основных потребительских товаров в 1996 г. (кг/шт. в среднем на одного человека):⁶

	в городах	на селе
Зерновые	—	256,2
Пшеница и рис	94,68	210,8
Свежие овощи	118,51	106,3
Масло растительное	7,13	6,1
Мясо (всех видов)	24,23	14,8
Яйца	9,64	3,35
Рыба, креветки	9,25	3,37
на 100 семей		
Велосипеды	193,23	132
Швейные машины	62,65	64,62
Стиральные машины	90,06	20,54
Холодильники	69,6	7,27
Телевизоры цветные	93,50	22,91
Телевизоры черно-белые	25,53	65,06

С быстро растущей электрификацией страны увеличивается потребление электроэнергии в быту. В 1996 г. на эти нужды было использовано более 100 млрд. кВт-ч (10% ее производства) или в среднем 82 кВт-ч на человека⁷. С массовым внедрением в быт электронной техники начинается преобразование всего образа жизни населения, совершенствуются каналы управления им. Улучшение условий воспроизводства рабочей силы, повышение ее качества явилось важнейшим фактором экономического роста и поддержания социаль-

но-политической стабильности китайского общества, что важно не только для самого Китая, но и для поддержания стабильности в Азии и во всем мире.

В то же время непростительным упрощением была бы идеализация как экономической, так и социально-политической обстановки в КНР. И раньше, несмотря на политику уравниловки, полного уравнивания в доходах и потреблении населения в Китае не было. Дифференциация стала усиливаться по разным направлениям с началом новых реформ. Уже из представленных выше материалов явствует, что уровень доходов и потребления городского населения был существенно выше сельского. В 1978 г. это превышение составляло 2,9 раза, а в 1994 г. уже 3,5 раза⁹. Исторически сложилось так, что вследствие высоких темпов роста в приморских районах благосостояние населения в целом также стало выше, чем во внутренних и западных. В 1996 г., к примеру, заработная плата рабочих и служащих в Шанхае (10663 юаня) и в Пекине (9579 юаней) в 2-2,4 раза превышала средний уровень зарплаты в городах Центрального и Западного Китая. Эти различия относятся и к сельскому населению. Среднедушевой чистый доход в семьях крестьян в пров. Чжэцзян (3463 юаня) и Гуандун (3183 юаня) в 1996 г. были в 2,9-3,1 раза выше, чем в семьях крестьян пров. Ганьсу (1101 юаня) или в пров. Шэньси (1165 юаней). Объективно существуют различия в поотраслевой оплате труда. Так, традиционно самой высокооплачиваемой отраслью в КНР считается электроэнергетическая (8816 юаней в 1996 г.), затем идут банковские служащие (8406 юаней), за ними следуют работники науки и научного обслуживания (8048 юаней. Самый низкий уровень оплаты труда был у тружеников сельского хозяйства (4050 юаней)⁹. На каждом предприятии применяется своя шкала оплаты труда с премиями и социальными надбавками.

Новую и сильную струю в распределении доходов внесло расширение многоукладности. Так, если средняя заработная плата на государственных предприятиях равнялась в 1996 г. 6280 юаням, а в коллективном секторе - 4302 юаням, то в других секторах - 8261 юаням, то есть выше соответственно на 31,5 и 92%. Особенно огромны различия в распределении доходов в частном секторе. Так, на предприятиях с числом 10-30 наемных рабочих разница достигает 15-40 раз, с числом работающих 31-50 человек - в 40-70 раз, с числом наемных работников 51-100 - 65-130 раз¹⁰.

Наряду с несомненным ростом в целом народного благосостояния в КНР чрезвычайно острыми остаются проблемы бедности и занятости. Причем эти проблемы под натиском различных административных мер то отступают, то снова обостряются. С началом новых реформ идет снижение бедности на селе. Если в 1978 г. к бедному населению официально относили 250 млн. крестьян, к 1985 г. это число уменьшилось до 125 млн., к 1992 г. - до 80 млн., а к 1995 г. - до 65 млн. человек. Большую помощь в ослаблении проблемы занятости на селе оказало развитие деревенской промышленности и сферы услуг в 80-90-е годы. Вместе с тем тяжелым бременем почти повсеместно на все крестьянство давят различные поборы, число которых достигает 40-60 видов. Доведенные в отдельных районах до отчаяния крестьяне от недовольства переходят к неповиновению властям. ЦК КПК, Госсовет издали множество распоряжений, направленных на упорядочение поборов. Тем не менее положение мало меняется к лучшему.

В городах проблемы занятости и бедности стали нарастать с активизацией перехода к интенсивной форме роста и с началом реализации программы формирования "системы современных предприятий". Создание этой системы предусматривает сосредоточение финансовых ресурсов на реконструкции имеющихся мощностей, сокращение нового строительства, остановку не-

перспективных и убыточных предприятий, освобождение действующих предприятий от избыточной рабочей силы. На начальном этапе лишний персонал выводится за штат ("сяган") с выплатой пособия, размер которого на местах назначается разный - от 150 до 70-80 юаней в месяц¹¹. В целях социальной защиты в городах сейчас практикуется установление минимальной заработной платы: в Пекине ее размер определен в 210 юаней в месяц, в Шанхае - в 220, в пров. Цзилинь - в размере от 130 до 190 юаней, в городах Шаньдуна - 170 юаней в месяц¹².

В тяжелом финансовом положении находится большинство государственных предприятий. В 1996 г. их убытки достигли 79 млрд. юаней¹³. Это затронуло интересы более 20 млн. рабочих и служащих. 18 млн. рабочих и служащих не получали своевременно заработную плату, увеличивается в городах доля бедняков. В 1993 г. среди городского населения насчитывалось 3700 тыс. семей-бедняков (12500 тыс. человек) или 5% городского населения.

Из приведенных данных видно, сколь противоречиво и непрямолинейно происходит восхождение китайского общества на стадию "сяокан".

Если подойти к определению состояния современного городского общества с критерием Энгеля, то оказывается, что 40% его еще находится на уровне "вэньбао" (т.е. обеспечено теплом и пищей), причем 20% с низкими доходами ближе к состоянию абсолютной бедности, чем к состоянию сяокан. Еще 20% находятся на границе "вэньбао" и "сяокан" (49,9% семейного бюджета расходуется на питание). Еще 30% достигло в разной степени уровня "сяокан". И, наконец, 10% самых высокооплачиваемых горожан тратит на питание 39,8% своего семейного бюджета, то есть переходит на более высокую ступеньку благосостояния.

Естественно, дальше от желаемой цели находится сельское население. Доказательством этого служит прежде всего реальное потребление. Лишь крестьяне пригородов Пекине, Шанхая, Гуанчжоу и наиболее богатых провинций (Чжэнцзян, Цзянсу, Гуандун, Хуань, Хубэй), а также Сычуани приближаются по потреблению продуктов животноводства и других ценных продуктов к уровню "сяокан". В семи провинциях с населением 372 млн. человек (Хэбэй, Шаньси, Хэйлуцзян, Шаньдун, Хэньань, Шаньси, Ганьсу) потребление мяса составляет менее 10 кг на душу населения. Особенно неудовлетворительно обеспечивается продуктами животноводства и рыбой провинции Северо-Западного и Западного Китая. Если же взять за критерий коэффициент Энгеля, то в 1996 г. доля расходов на питание в среднем в доходах крестьянских семей в КНР в целом составляла 56,3%, то есть все крестьянство находилось еще на стадии "вэньбао". Из 30 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения лишь крестьяне пригородов Пекина и Шанхая достигли уровня "сяокан" (соответственно коэффициент Энгеля равнялся 46,5 и 42,8%). Еще 8 провинций, преимущественно приморских, приближались к границе "сяокан" (коэффициент Энгеля - 50-53%). Еще 10 провинций прочно удерживались в зоне "вэньбао". А остальные 10 провинций находятся либо на грани "вэньбао" и "абсолютной бедности" или в зоне "абсолютной бедности". Например, в Гуйчжоу коэффициент Энгеля равняется 72,5, в Сычуани - 65,5, Ганьсу - 66,6, Шэньси - 67,9%. Численность населения этой группы провинций в 1996 г. составляла 478,6 млн. человек. Поэтому эта группа провинций при всем желании не сможет к 2000 г. достичь уровня сяокан.

Выдвижение в качестве цели подъема народного благосостояния и социальной модели развития современного китайского общества таких специфических понятий, как "вэньбао", "сяокан" следует считать положительным явлением в китайской социологии. Эти категории конкретизирует весьма рас-

пльвчатые заявления о повышении народного благосостояния, социальной и политической стабильности.

Естественно, что это подразумевает и не скороспелое решение этой задачи. Уже сегодня некоторые руководители в привычном стиле рапортуют о достижении уровня “сяокан”. Глубоко правы те экономисты, которые считают, что нельзя говорить о достижении уровня “сяокан”, если бедное существование влачат десятки миллионов крестьянских хозяйств. Неправомерно исключать из показателей “сяокан” показатель занятости - основу благосостояния каждой семьи. С начавшимся активным переходом к интенсивному типу роста проблема безработицы для десятков миллионов семей превращается в трагедию. Много неясностей с углублением рыночных отношений, растущей дифференциацией общества, справедливыми и несправедливыми доходами. Тяжелейшая борьба предстоит с формированием китайской рациональной модели потребления. Стремление к расточительному потреблению исстари присуще богатейшей элите китайского общества. С переходом к рыночным отношениям расточительство приобрело в Китае массовый характер. Сейчас ежегодно во всех формах собственности на банкетные застолья тратится более 100 млрд. ю., что равно 20% годового прироста ВВП.

Таким образом, в нынешнем виде категория “сяокан” нуждается в серьезной доработке. Из современного состояния китайской экономики видно, что, несмотря на высокие темпы роста, для достижения поставленной цели требуется ни одно десятилетие, а десятилетия напряженной работы, иначе и нынешний “сяокан” станет еще одним изданием утопии.

1. Рассчитано по: Чжунго нунцунь тунцзи няньцзянь. 1996, с. 165; Чжунго тунцзи няньцзянь. 1988, с. 248; 1996, с. 383.
2. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1996, с. 93-101.
3. Там же.
4. Там же. - С. 280-281.
5. Там же. - С. 267-268.
6. Там же. - С. 295, 321.
7. Там же. - С. 220-221.
8. Там же. - С. 292.
9. Там же. - С. 130-131.
10. Цзоу сян XXI шицзицы чжунго цзинцзи. (“Экономика Китая” на пути 21 век”). Пекин, 1995. - С. 250.
11. Вэнь Цзюнь. Шигунь вого чэнши пинькунь хуа ваньти. Журнал: Цзинцзи тичжи гайгэ. Чэнду, 1997, № 3, с. 11-13. (“О проблемах развития бедности в наших городах”).
12. Гунцзы фэньлэй. Пекин. 1996. - С. 96.
13. Рассчитано по: “Тунцзи няньцзянь”. 1997. - С. 296-297, 317.

Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни

© 1998

Л.Бони

Начавшийся с конца 70-х годов процесс перехода китайской деревни к рыночной экономике оказывает глубокое многостороннее и неоднозначное воздействие на все сферы общественного производства и жизни крестьян. За это время произошли серьезные изменения в экономической системе, в структуре сельского хозяйства, заданы высокие темпы развития сельской экономики. Тем самым была заложена основа динамичного развития экономики страны в целом.

Преобразование производственных отношений, переход к многоукладной экономике (при сохранении ведущей роли коллективной собственности на средства производства, в том числе на землю), реанимация и развитие рыночной экономики в деревне стимулировали интенсификацию труда, повышение его эффективности, ускорили процесс углубления общественного разделения труда и специализации. Приданное ими ускорение темпов развития общественного производства деревни позволило уже за первые шесть лет реформы (1978-1984) резко увеличить сбор зерновых (на 100 млн. т), утроить размер чистого подушевого дохода крестьян, удвоить выход товарной продукции сельского хозяйства (с 30 до 60%) и предложение товарного зерна (с 15 до 30%). В 1993 г. валовая продукция сельского хозяйства достигла 1099 млрд. юаней, прирост ее (в неизменных ценах) по сравнению с 1978 г. составил 2,4 раза, при среднегодовых темпах роста в 6,1%.¹ В 1995 г. этот показатель достиг 2034,1 млрд. юаней, за период 8-й пятилетки (1990-1995) рост составил 23%.² В 1996 г. он превысил 2342,65 млрд. юаней.³

Одним из главных результатов реформы явилось коренное изменение соотношения спроса и предложения продовольствия: был устранен долговременный дефицит сельскохозяйственной продукции, резко увеличилось ее предложение, изобилие и многообразие сельскохозяйственной продукции на рынках стали повседневной реальностью. Следствием этого было быстрое (к середине 80-х годов) достижение уровня насыщения необходимых минимальных потребностей населения Китая в продовольствии и одежде. Как известно, до реформы четвертая часть населения страны недоедала, жила за чертой бедности. Спустя шесть лет после начала реформы продовольственная проблема более чем миллиардного населения была в основном решена (в деревне - для 95% ее жителей). По последним данным, к настоящему времени число крестьянских дворов, еще не решивших проблему питания и одежды, сократилось до 20 млн. Заметно улучшились структура и качество питания. Еже-

годное потребление калорий населением города и деревни к началу 90-х годов достигло 2900 ккалорий в день, что превысило уровень калорийности питания населения развивающихся стран.

Рост доходов крестьян за годы реформы явился еще одним важным свидетельством успеха преобразований в деревне. Несмотря на довольно неравномерный характер темпов роста доходов населения деревни за рассматриваемый период и явное замедление их со второй половины 80-х годов, налицо четкая тенденция последовательного их повышения. Если в 1978 г. чистый подушевой доход крестьян составлял 134 юаня, то в 1993 г. он поднялся до 921 юаня, что, с учетом фактора роста цен, означало увеличение его в 2,5 раза, в год в среднем на 6,3%. В том числе у 200 млн. крестьян в приморских районах и пригородах крупных и средних городов этот доход превысил 1200 юаней, что выше официально установленного уровня "малого достатка" ("сяокан").⁴ В 1995 г. чистый подушевой доход в деревне вырос до 1578 юаней, увеличившись против 1990 г. в 1,3 раза, а с учетом инфляции на 23,4%, или в среднем на 4,3% в год.⁵ В 1996 г. произошел существенный рост его - до 1926 юаней, или на 5,2% против предыдущего года (с учетом фактора цен). По сравнению же с 1991 г. он увеличился в 1,7 раза.⁶

Рост доходов сельского населения стал главным фактором значительного расширения покупательной способности деревни. За годы реформы существенно вырос размах обменных связей между городом и деревней. Розничный товароборот потребительских товаров деревни с 51,67 млрд. юаней в 1978 г. увеличился до 890 млрд. в 1995 г. (и до 1062,6 млрд. в 1996 г.).⁷ Объем общественных закупок сельскохозяйственной продукции с 45,99 млрд. юаней вырос до 290 млрд. юаней, закупки деревней сельскохозяйственных средств производства (машин, удобрений и пр.) с 29,4 млрд. юаней поднялись до 143,57 млрд. юаней за тот же период (1978 по 1995 гг.).⁸ Рост общественных закупок зерна с 61,7 млн. т (1978) увеличился до 132,4 млн. т в 1992.⁹

Наряду с количественным ростом валовых объемов производства и выхода товарной продукции под воздействием рынка все более обозначаются новые тенденции в развитии общественного производства деревни, означающие появление нового качества, нового состояния производительных сил. Фактически осуществлен переход от монокультурной системы земледелия с доминированием зернового производства к многоотраслевому растениеводству (зерно, технические, прочие культуры), а растениеводство стало составной частью "большого" сельского хозяйства, охватывающего также животноводство, лесное, рыбное хозяйство и пр. Наконец, само "большое" сельское хозяйство вошло в возникшую за годы реформы многоотраслевую структуру экономики деревни, включающую широкий спектр несельскохозяйственных отраслей производства - промышленность (2-ая сфера), торговлю, строительство, транспорт, услуги и пр. (3-я сфера деятельности). Анализ валового внутреннего продукта, произведенного этой трехсферной сельской экономикой, или ВВП деревни, говорит о серьезных структурных сдвигах в направлении оптимизации производственной и отраслевой структуры сельского хозяйства и экономики деревни в целом. Произошло сокращение удельного веса зерновых культур в структуре растениеводства и расширение доли технических и прочих культур. Соотношение посевных площадей под зерном, техническими и прочими культурами в 1978 г. было: 80,3:9,6: 10,1; в 1993 г. стало: 74,2:16,3:9,5. Соотношение структуры валовой продукции их в 1978 г. было: 76,7:11,9:11,4; в 1993 г. стало: 50,4:37,6:12,9.¹⁰ Одновременно сокращается доля растениеводства в структуре сельского хозяйства (с 80 до 58% за период с 1978 по 1994г.) и

увеличивается удельный вес других отраслей, особенно животноводства (на 14,7 пунктов), водного промысла (на 6 п.). Эти тенденции означают расширение источников продовольствия и сырья под воздействием меняющейся структуры потребления населения и рыночного спроса, появление возможности постепенного преодоления традиционного низкоэффективного типа соединения ресурсов: "рабочая сила - пашня - зерно".

Еще более существенные сдвиги обозначились в структуре сельской экономики: доля сельского хозяйства в ВВП деревни значительно снизилась (с 68,9 до 20% за период с 1980 по 1994 г.), а удельный вес несельскохозяйственных отраслей (2-й и 3-й сферы) - резко вырос, составив 80%.¹¹ Развиваясь высокими темпами (среднегодовые темпы с 1978 по 1992 г. - 34%, в 1995 г. 33,6%), несельскохозяйственная сфера производства превратилась в решающий фактор развития экономики деревни. Она является важным источником роста доходов сельского населения, обеспечения занятости излишней рабочей силы, источником накоплений и инвестиций в экономику деревни, да и всего народного хозяйства страны.

В 1995 г. валовая продукция предприятий волостей и поселков составила 1459,5 млрд. юаней, или 25,3% от ВВП страны. Валовая продукция только сельских промышленных предприятий выросла до 1080,4 млрд. юаней, дав 30,8% всего прироста прибавочного продукта промышленности страны. Экспорт продукции их составил 539,5 млрд. юаней или 33,7% всего экспорта Китая. Число занятых на этих предприятиях достигло 128,6 млн. человек. Свыше 20% доходов крестьян (в среднем 467 юаней), а в отдельных районах до половины и больше поступает из этой сферы. Налоговые отчисления в госбюджет превысили 130 млрд. юаней.¹²

Структурные сдвиги, происходящие в общественном производстве деревни, в свою очередь, стимулируют углубление процесса его специализации и товаризации. Темпы развития товарной экономики, представленной обширным негосударственным сектором (коллективных, индивидуальных и частных хозяйств), превысили их за предшествовавшие более чем 30 лет. Товарность сельского хозяйства, в том числе зернового производства за годы реформ удвоилась. Несмотря за замедление темпов роста производства зерна в последние более 10 лет, 85% его прироста сегодня принимает товарную форму, что способствует увеличению выхода товарного зерна.¹³ Существенно расширился товарный обмен между городом и деревней, между регионами. Возникла многоукладная, многоканальная, многоуровневая система сельского обращения. Появилось огромное многообразие физических и юридических субъектов рынка в деревне, представляющих разные формы собственности. Число рынков сельскохозяйственной продукции в 1996 г. в деревне увеличилось до 64 559, их объем товарооборота - 681,24 млрд. юаней¹⁴. Создается и расширяется трехуровневая система зернового рынка, в том числе ряд специализированных, оптовых и фьючерсных рынков. Наряду с ростом товарного рынка, в товарное обращение начинают все больше втягиваться основные факторы производства как капитал, рабочая сила, земля (право пользования землей) и пр. Экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине 90-х годов сохранялся на уровне 40-50% всего объема экспорта страны.

Рынок все больше начинает регулировать отношения спроса и предложения. Цены на более чем 90% всех видов продукции сельского хозяйства и на всю продукцию несельскохозяйственной сферы в деревне регулируются рынком.

Заметно снизилась степень самообеспечения крестьянского двора, натурализации его хозяйства, о чем свидетельствует возрастание доли денеж-

ных доходов и расходов крестьян. Доля денежных доходов крестьян из расчета на душу выросла до 70% в 1993 г. против 40% до 1978 г.¹⁵ Доля денежных расходов достигла 85% в 1994 г.¹⁶ Это означает фактический поворот от преимущественно натурального хозяйства к товарному, свидетельствует о начале изменения характера производства. Под воздействием роста доходов меняется структура общественного потребления деревни.

Эти тенденции затрагивают, в первую очередь, экономически развитые прибрежные районы Восточного Китая и пригороды больших городов. Здесь большая часть (60-70%) сельской рабочей силы покинула землю и перешла работать на предприятия волостей и поселков, удельный вес отраслей 2 и 3-й сфер высок (80-90%).¹⁷ Уже с конца 80-х годов в этих районах начала ощущаться нехватка рабочей силы, рыночная цена на нее постоянно растет. В одном из таких продвинутых районов, в пров. Цзянси, в последние годы отмечены следующие тенденции, сопровождающие процесс углубления разделения труда и специализации.¹⁸

- Сокращение числа крестьянских дворов, занятых совмещением хозяйственной деятельности: часть их превращается в сугубо земледельческие хозяйства, часть переходит окончательно в другие отрасли. При этом в равнинных районах основной акцент идет на несельскохозяйственные отрасли, традиционная отрасль - земледелие перемещается все больше в отсталые горные районы.

- Усиление специализации производственного процесса, когда его отдельные звенья, в первую очередь, операции пред- и после производственного характера все больше выделяются в самостоятельные виды деятельности. Дворы, отошедшие от непосредственно сельскохозяйственного производства, специализируются на переработке продукции, в сфере перевозок и других услуг.

- Усиление дифференциации крестьянских хозяйств по уровню развития производства (в т.ч. за счет увеличения разницы в расходах на производственные цели, издержках производства, стоимости основных фондов (до порядка 7 и более раз).

- Усиление рыночной ориентации производителей, их предпочтения развивать производство наиболее прибыльных культур и отраслей, обеспечивающих большие доходы. Соответственно усиливается зависимость между структурой производства и величиной дохода. У крестьянских дворов с высокими доходами 65% доходов поступает от сельского хозяйства, 35% - от несельскохозяйственной деятельности; у дворов с низкими доходами соответственно 97% и 3%. Другими словами, рынок все больше становится регулятором производственной и отраслевой структуры в деревне, подталкивая производителей к оптимизации структуры, в направлении повышения рентабельности производства, экономической эффективности. Это ведет к усилению дифференциации доходов крестьян внутри деревни и между районами и увеличению разрыва в уровне темпов роста доходов сельского и городского населения.

В глубинных районах эти тенденции выражены слабее или еще только зарождаются.

В результате столь динамичного развития несельскохозяйственной сферы в деревне усиливается роль сельской экономики в укреплении экономического потенциала Китая. Так, если с 1952 по 1972 г. среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли 5,98%, и на долю сельской экономики пришлось 37,28% прироста, то в период 1978-1988 гг. темпы роста национального дохода увеличились до 9,22%, и на долю сельской экономики при-

шлось уже 63,6% этого прироста.¹⁹ Эта тенденция только усилилась в последние годы. Общий прирост ВВП Китая в 1992-1994 гг., согласно последним китайским данным, обеспечивался в значительной степени за счет прироста добавленной стоимости в сельской экономике, на ее долю в 1992 г. пришлось 59,1% прироста, а в 1994 г. - все 75%.²⁰ Здесь, правда, следует учитывать тот факт, что основная часть прироста продукции сельской экономики приходится на мелкие предприятия волостей и деревень, качество продукции которых на порядок ниже, чем у продукции городских предприятий. Вместе с тем, низкая эффективность сельских предприятий несомненно перекрывается их огромной социальной значимостью: помимо выработки необходимой деревенской продукции, они, как уже отмечалось выше, являются главным каналом поглощения излишней сельской рабочей силы, важным источником доходов крестьян, накоплений для нужд деревни и экономики страны в целом.

Таким образом, все больше возрастает значение сельского хозяйства и деревни в развитии народного хозяйства страны в целом: в обеспечении страны продовольствием, сырьем, валютой, накоплениями для общенациональных целей. Не говоря уже о том, что деревня остается неисчерпаемым источником дешевой рабочей силы для города и основной громадной внутреннего рынка Китая. Именно благодаря этому "вкладу" деревни Китаю удалось довольно успешно решить задачу увязки реформы, развития и стабильности в процессе преобразований. Успех реформы в деревне, создание изобилия продуктов на рынке - важнейшее условие социальной стабильности в стране в целом. И все это несмотря на несообразно малые размеры государственных инвестиций в сельское хозяйство. Так, если в годы 2-й пятилетки они составляли в среднем более 10%, то в 7-й (1986-1990) уже 4,8%, в 1992 г. - 3,7%, в 1993 г. - 2,8%, в 1994 г. - 2,5%, а в 1995 г. - только 1,8% всех государственных инвестиций центра в капитальное строительство страны. Одновременно сократился объем инвестиций на те же цели из местных бюджетов: с 14,5% в 1985 г. до 6,9% в 1995 г.²¹ И хотя в последние два года доля госинвестиций в капитальное строительство в сельское хозяйство (включая собственное земледелие, а также лесное и рыбное хозяйство, животноводство, ирригацию) несколько возросла (1995 г. - 3,1%, 1996 г. - 3,5%)²², это в корне не изменило картину.

За годы реформы существенно изменилось социальное и экономическое положение китайского крестьянина. С одной стороны, он перестал быть просто малоквалифицированной рабочей силой, с уравнительной оплатой труда на основе внеэкономического принуждения. Китайский крестьянин стал относительно независимым товаропроизводителем, отвечающим за прибыли и убытки своего хозяйства, за весь цикл производства - от закупок материальных ресурсов, собственно производства, до реализации продукции, инвестиций. Крестьянский двор превратился в основную форму организации производства в земледелии, стал основным инвестором (свыше 60% всех вложений в сельское хозяйство). Более того, существенно расширилось производственное пространство, крестьянин стал главным субъектом хозяйственной деятельности во всех 3-х сферах сельской экономики. За неполные 20 лет он освоил массу новых для него производственных процессов, специальностей, существенно расширил свой кругозор. Задачу жизненного обеспечения своей семьи крестьянский двор сегодня решает сам с учетом рыночного спроса, все более ориентируясь на более прибыльные культуры и виды деятельности. Его подрядное семейное хозяйство является основным источником его доходов.

В то же время в деревне по мере развития рыночной экономики, углубления разделения труда, специализации усиливается процесс дифференциации крестьянства по уровню доходов, типу занятости, начинает меняться

социальная структура деревни. Часть излишней рабочей силы, стремясь найти работу или повысить доходы, уходит из земледелия ("покидая землю, не покидает деревню") на предприятия волостей и поселков. Другая часть - вообще уходит с земли и мигрирует в города. В последние годы волна сельских мигрантов насчитывает от 60 до 80 млн. человек. Большая часть крестьянских дворов совмещает земледелие с другими видами деятельности, обычно во 2-й и 3-й сфере. Многие из них становятся наемными работниками. Таким образом, крестьянство распадается сегодня на три большие категории - чисто сельскохозяйственные дворы, дворы - "совместители" и крестьяне, ушедшие в город (большая часть временно, меньшая - на постоянное жительство). В деревнях пров. Хубэй, например, соотношение этих трех категорий в 1992 г. составляло: "городские" крестьяне - 5,17%, "совместители" - 34,17%, чисто сельскохозяйственные дворы - 60,66%. Разрыв в уровне доходов первых и последних - 2-3 раза.²³ Исходная квалификация, различия в профессии и уровне доходов являются важными факторами, меняющими социальный статус и мировоззрение разных категорий крестьян.

Расслоение крестьян - объективный исторический процесс развития производительных сил в условиях рынка. С одной стороны, он способствует совершенствованию отраслевой структуры сельского хозяйства и сельской экономики, стимулирует расширение масштабов хозяйств, специализацию, товаризацию и обращение основных факторов производства, повышение уровня обобществления. С другой стороны, он неизбежно создает социальную напряженность в деревне.

Серьезной проблемой, сопутствующей развитию рынка, становится усиление дифференциации доходов крестьян в деревне. Получение права хозяйственной самостоятельности, развитие новых, более доходных отраслей, при неодинаковых стартовых условиях привело в условиях рынка к увеличению разрыва в уровне доходов между дворами, хозяйствами, районами. Разница в чистом подушечном доходе между провинциями определялась в 1980 г. соотношением 1:2,75, а в 1993 г. 1:4,5. В трех регионах (Восточном, Центральном и Западном) чистый подушечный доход крестьян составил в 1986 г. 218 юаней, 181 юань и 171 юань. (разница - 47 юаней), а в 1993 г. соответственно: 1222 юаней, 802 юаня и 670 юаней (разница 552 юаня). Между отдельными дворами и хозяйствами внутри одного района разница в доходах с 1-2 раз выросла в 10 и более раз. Осуществление Программы "сяокан" призвано в определенной мере сгладить эти нарастающие противоречия и социальную напряженность. На это же направлена политика усиления акцента на развитие отраслей 2-й и 3-й сферы в Западном Китае в 9-й пятилетке.

Признавая неизбежной определенную дифференциацию доходов населения в условиях рынка (курс: "пусть в первую очередь разбогатеет часть крестьян, часть районов"), государство провозгласило своей конечной целью реформы повышение общего благосостояния всего народа. К 2000 г., согласно планам, предполагается решить задачу достижения "уровня малого достатка" ("сяокан") для преобладающего большинства населения Китая. Примечательно, что критерии "сяокан" разработаны для всех провинций, районов и уездов страны, в том числе и сельского Китая. Помимо экономических показателей, таких как среднедушевой чистый доход (1200 юаней в неизменных ценах 1990 г.), количество душевого производства зерна (400 кг в год), нормы потребления белка на человека и пр., эти критерии включают целый ряд показателей повышения качества и защищенности жизни: количество телевизоров на 100 домов, удельный вес затрат на услуги, продолжительность жизни, образование; процент деревень, связанных с другими шоссейными дорогами, коэффи-

циент обеспеченности пригодной для питья водой, охват нуждающихся слоев населения системой социального страхования, число зарегистрированных уголовных дел на 10 тыс. человек и пр.²⁴ Согласно оценкам китайских специалистов, китайская деревня в целом сможет реализовать программу достижения "малого достатка" к 2000 г. на 90%.²⁵ 5-й пленум ЦК КПК 14-го созыва (1995) объявил о досрочном выполнении главной стратегической задачи 2-го этапа модернизации - увеличении в 4 раза валового национального продукта Китая (по сравнению с 1980 г.). Это, несомненно, большой шаг в направлении реализации Программы "сяокан". Однако нынешнее состояние сельскохозяйственного производства, а также уже достигнутая степень осуществления этой Программы, судя по многочисленным данным, не позволяют говорить о реальном ее выполнении в полном объеме в столь короткие сроки. Например, такие экономически развитые провинции, как Цзянсу, Ляонин и другие в своих 15-тилетних планах экономического и социального развития ставят задачу реализации Программы "сяокан" в полном объеме лишь к 2010 г.

В конечном итоге Программа "сяокан" остается стержневым направляющим планом подъема жизненного уровня населения, включая деревню, главным ориентиром социальной политики реформ на обозримую перспективу. И в этом смысле она играет важную мобилизующую роль в развитии сельской экономики, дальнейшем углублении реформы.

Несмотря на серьезные количественные и качественные сдвиги в общественном производстве деревни за годы реформы, ее (реформу) еще нельзя назвать по-настоящему завершенной. Осуществление преобразований и специфика переходного периода неизбежно привнесли новые проблемы и обострили некоторые хронические старые. Все они так или иначе отразились на состоянии и динамике основной отрасли сельской экономики - сельском хозяйстве, и в первую очередь на проблеме продовольственного обеспечения Китая. Темпы роста производства зерна со второй половины 80-х годов (1985-1994) оставались заниженными - 1,8%, а в период 8-й пятилетки (1991-1995) - лишь 0,9%. Темпы роста производства хлопка за последние пять лет составили лишь 1,1%.²⁶ Существенно упала доходность этих отраслей. Резкий рост цен на продовольствие с конца 1993 г., означавший дефицит его предложения, вновь привлек пристальное внимание в стране к зерновой проблеме и стал последним сигналом неблагополучия в сельском хозяйстве. В Китае и за его пределами разгорелись острые дискуссии среди специалистов на тему: "Сможет ли Китай в ближайшем будущем прокормить свое население?"

Среди новых проблем, наиболее серьезных по своему воздействию на темпы развития сельского хозяйства, оказались следующие:

- Заметное падение прибыльности основных направлений производства отрасли, особенно зернового. С изменением отраслевой структуры сельского хозяйства и развитием несельскохозяйственной сферы деятельности в условиях либерализации цен (с 1985 г.) на значительную часть продукции (в т.ч. мясо, овощи, фрукты, яйца, птицу, продукцию водного промысла) существенно расширились возможности выбора крестьянами более прибыльных видов производства. В результате заметно упала средняя норма прибыльности в земледелии, и соответственно его привлекательность как источника доходов. Так, в 1994 г. чистый доход с каждого му пашни под зерновыми - по 6 основным видам зерна - в среднем составил 179,9 юаней, (в т.ч. пшеницы - 88,9 юаней), под хлопком - 345,6 юаней, сахарным тростником - 464, 3 юаней, под кунжутком - 1205 юаней, или соответственно в 1,9, 2,6 и 6,7 раза ниже остальных. Доход же с 1 му под пшеницей и того ниже: в 3,9, 5,2, 13,6 раза. Еще более высокую прибыль обеспечивает занятие в торговле, промышленности,

сфере услуг. Товарное производство многих ведущих культур, которые в той или иной мере (зерно - частично, хлопок - полностью) оставались в рамках жесткого государственного регулирования, стало невыгодным. Это стимулирует и утечку ресурсов из сельского хозяйства в другие отрасли, особенно не-сельскохозяйственные, и даже в город. В последние годы масштабы "бегства капитала" из сельского хозяйства составляли 40 млрд. юаней в год.

- . Обострение противоречий между изменившейся структурой общественного спроса на сельхозпродукты и существующей производственной структурой сельского хозяйства. По мере решения проблемы удовлетворения минимальных потребностей населения в продовольствии с середины 80 гг. наметилась тенденция сокращения потребления зерна, прежде всего его низкосортных видов, и расширение спроса на высококачественное зерно (рис, пшеницу). Затоваривание больших партий продовольствия, не пользующегося больше спросом, т.е. низкосортного зерна, стало повсеместно распространенным явлением. Падают доходы производителей, они несут большие материальные потери. Сельское хозяйство в условиях рынка оказалось неспособным обеспечить адекватные доходы производителям. Эту проблему в Китае называют так: "при росте производства не растут доходы". Во весь рост встает проблема совершенствования производственной структуры сельского хозяйства в соответствии с рыночным спросом, повышения его эффективности. Рост эффективности сельского хозяйства есть проблема структурной перестройки, она является сегодня центральной долгосрочной задачей реформы в деревне. Все возрастающая нагрузка живого труда на единицу пашни, когда основная доля прироста продукта проедается приростом населения, остается главной причиной консервации низкого уровня производительности труда в сельском хозяйстве. Самой сложной частью этой задачи является совершенствование структуры сельской занятости, т.е. перемещение с земли . излишней сельской рабочей силы (к 2000 г. эти излишки составят около 200 млн. человек) и последующее развитие специализации сельского хозяйства, укрупнение масштабов хозяйствования, повышение рентабельности. Обеспечение занятости этой излишней сельской рабочей силы имеется в виду осуществить за счет дальнейшего развития сельских предприятий и строительства малых сельских городов, а также открытия малых и средних городов для мигрантов из деревни, то есть осуществления сельской индустриализации и урбанизации и политики открытости , составляющих основное содержание процесса модернизации китайской деревни.

- Обострение внутренних противоречий "двухколейной системы" обращения зерна и других основных видов продукции. В силу своей стратегической значимости для экономики страны они частично или полностью остались в рамках государственной системы закупок (зерно, хлопок, сахароносы, растительные масла, коконы шелкопряда и др.). С ростом рыночных цен в процессе реформы системы обращения сельскохозяйственной продукции, со второй половины 80 гг. резко увеличился разрыв между закупочными и рыночными ценами, порядка в два и более раза. Крестьянам стало крайне невыгодно развивать их товарное производство. Существование "двухколейной системы", допускавшее ущемление прав товаропроизводителей (закупки продукции по заниженным ценам, завышение квот закупок в отдельных районах, неплатежи по плановым закупкам. В 1992 г., например, такие неплатежи, оформленные долговыми расписками, составили сумму в 60 млрд. юаней²⁷) снижало на нет принцип материальной заинтересованности крестьян, главный принцип рыночной экономики - получение максимальной прибыли. Рынок со все большей силой ставит требование повышения экономической эф-

фективности сельского хозяйства: в условиях рыночной конкуренции может выжить лишь рентабельное, доходное производство, продукция которого пользуется общественным спросом и обеспечивает прибыль, иначе крестьянин не будет заинтересован в его развитии.

- Усиление тенденции неэквивалентного обмена между городом и деревней, связанной с опережающими темпами роста цен практически на все средства производства для нужд сельского хозяйства по сравнению с темпами повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Это вело к дальнейшему росту себестоимости последней, снижению доходов производителей.

Наряду с указанными выше факторами, привнесенными реформой, с начала 90-х гг. происходит дальнейшее обострение глубинных проблем деревни, связанных с "основной спецификой" Китая, характеризующейся серьезным дефицитом ресурсов и огромной численностью населения. При непрерывно продолжающемся росте численности населения деревни и неизбежном ежегодном убывании пахотных земель под расширяющееся строительство сельских предприятий неизбежно сокращается размер сельскохозяйственных угодий из расчета на душу, на одну рабочую силу, надел на один двор.

В процессе реформы около 100 млн. га пашни в силу исторических условий и глубоко укоренившейся традиции уравнительности как основного принципа социальной справедливости, а потому и стабильности, в течение нескольких лет были скрупулезно поделены на многие десятки миллионов мелких и мельчайших клочков земли и переданы крестьянским дворам на условиях подряда. Так подрядное семейное хозяйство, зиждущееся на уравнительном имущественном праве распределения земли, составило основу мелкого сельскохозяйственного производства в деревне с крайне ограниченными возможностями. Эти ограничения находят свое проявление во многом: 1) Мелкие размеры хозяйств при практически замкнутом характере процесса воспроизводства сдерживают рост эффективности, увеличивают себестоимость труда, снижают уровень производительности факторов производства, рост доходов крестьян; 2) Уравнительное имущественное право на участок подрядной земли и интенсификация труда в первые же годы реформы выявили огромные излишки рабочей силы в земледелии. Это, с одной стороны, снизило среднюю производительность труда в сельском хозяйстве, с другой, увеличило разрыв в уровне доходов в деревне и городе. Снижение доходов от земледелия привело к поискам дополнительных источников доходов (появление совместительства, уход из деревни на заработки), к утечке ресурсов, забрасыванию пахотных участков. Другими словами, шло разбазаривание крайне дефицитных ресурсов, снижалась эффективность их использования; 3) Мелкие размеры и полунатуральный характер хозяйствования не позволяют дворам адекватно включиться в рыночную экономику, во время реагировать на колебания цен, на постоянно меняющиеся спрос и предложение. Резко возросли для них себестоимость рыночной информации, издержки обращения. К постоянной угрозе стихийных бедствий прибавился рыночный риск. Это неизбежно влияет на активность крестьян в развитии товарного производства, тормозит процесс товаризации сельского хозяйства; 4) Мелкие размеры производства, малые объемы товарной продукции, распыленный характер хозяйствования, низкая степень организации производителей - все это ставит сельское хозяйство в крайне невыгодное положение в сфере общественного производства страны, заставляет производителей принимать неравноправные условия, как диспаритет цен, внеэкономическое вмешательство в форме многочисленных поборов и отчислений ("бремя").

По большому счету главной причиной низкой эффективности сельского хозяйства в условиях обостряющегося дефицита ресурсов становится истощение возможностей способа производства, опирающегося только на экстенсивные источники роста. Как показали обследования, за период с 1952 по 1993 г., т.е. более чем за 40 лет, среднегодовые темпы роста сельского хозяйства составили 3,9%, из них на вложения основных факторов производства пришлось 3,43%, а на прирост производительности труда за счет этих факторов - только 0,48%. Другими словами, на 9/10 рост производства шел за счет расширения вложений ресурсов, и только на 1/10 опирался на повышение производительности труда.²⁸ Это - типичная форма экстенсивного развития. С началом реформы эффективность сельского хозяйства повысилась. По данным статистики, вложения крестьян в основные фонды с 2 млрд. юаней в 1981 г. увеличились до 13,973 млрд. юаней в 1984 г., или выросли в 6 раз.²⁹ Именно этот рост вложений капитала ускорил и поддерживал высокие темпы роста сельского хозяйства в эти годы. По мере изменения отраслевой структуры сельского хозяйства и развития несельскохозяйственной сферы производства, как уже отмечалось, упала средняя доходность сельского хозяйства, оно превратилось в отрасль, из которой стали "утекать" ресурсы. В период же с 1986 по 1995 г. производительность основных факторов производства стала снижаться, к началу 90-х годов она упала настолько, что перечеркнула прямой эффект от расширения вложений. Как известно, с конца 80-х годов наблюдался процесс сокращения инвестиций в сельское хозяйство. Именно этот фактор сыграл решающую роль в спаде сельскохозяйственного производства в последние десять лет: на сокращение инвестиций приходится 70% всего спада, 30% - на снижение эффективности вложений.³⁰ В условиях ограниченных ресурсов земли, капитала, да и адекватной (квалифицированной, здоровой) рабочей силы становится все труднее поддерживать продолжение роста сельского хозяйства количественным, экстенсивным способом, особенно учитывая возросшие требования общественного спроса к качеству. Стало ясно, что если не изменить этот экстенсивный тип развития, то сельское хозяйство не сможет двигаться вперед. Высокие темпы развития сельского хозяйства в первой половине 80-х годов и снижение их и застой после 1985 г. фактически вскрыли предел возможностей экстенсивного пути его развития.

Результатом взаимодействия вышеперечисленных факторов с начала 90-х годов в китайской деревне стало относительное ухудшение экономического и социального положения сельского населения. Оно характеризуется замедленными темпами роста доходов большинства крестьян, увеличением разницы в доходах между городом и деревней, между регионами, внутри деревни; отсутствием социальных гарантий, проблемой с передвижением рабочей силы из сельского хозяйства и из деревни, низкой производительностью труда, серьезной безработицей среди крестьян: в 1990 г. одна рабочая сила, занятая в сельском хозяйстве, работала не более 100 дней в году,³¹ чрезмерно тяжелым "бременем" поборов, ухудшением социальной обстановки в деревне, высокими темпами прироста населения деревни и проблемами их регулирования.³²

Анализ успехов и проблем, связанных с осуществлением экономической реформы в деревне и переходом к рынку, политики и практики реформы, "слова и дела" заставляют нас согласиться с мнением ряда китайских экономистов, считающих, что суть крестьянской проблемы в Китае сегодня состоит прежде всего и главным образом в несправедливом перераспределении национального дохода, определяемого проводимой стратегией экономического развития, отдающей приоритет индустриализации, городу, высоким темпам в

ущерб экономическим и социальным интересам крестьянства. Сохранение этой стратегии экономического развития, недооценивающей значение крестьянской проблемы в условиях рынка становится все более трудным и бесперспективным. Проводимая стратегия продолжает фактически закреплять разделение китайского общества на два - городское и сельское, занимающих неравноправное положение. Именно этот фактор является одной из главных причин консервации низкой производительности труда в сельском хозяйстве. Это неравноправное положение проявляется не только в сохранении долгие годы неэквивалентного обмена и тяжелого "бремени" дополнительных поборов в деревне, но и фактическом отсутствии целого ряда важных социальных гарантий и льгот, которыми пользуются жители города, в т.ч. в образовании (несколько десятков миллиардов юаней расходов, выделяемых на нужды образования, почти полностью используются в городе, в деревне образование преимущественно финансируется самими крестьянами), несправедливое распределение дотаций, несправедливое социальное страхование, несправедливое распределение средств на общественную инфраструктуру, несправедливое решение проблемы занятости в деревне (институт "жесткой прописки" поддерживает и усиливает несправедливое перераспределение доходов). По статистическим данным, по этим причинам ежегодно каждый крестьянин в среднем недополучает свыше 500-1000 юаней национального дохода,³³ что составляет средний годовой уровень дохода значительной части крестьян.

Интересы деревни в лице сотен миллионов крестьянских дворов и десятков миллионов мелких сельских предприятий волостей, поселков и деревень - этих основных субъектов сельской экономики - оказываются практически не представленными и оттесненными в сторону при принятии решений по перераспределению национального дохода, выделению инвестиций, кредитов, социальных пособий и пр.

Именно здесь кроются глубинные причины падения материальной заинтересованности крестьян в дальнейшем развитии сельского хозяйства, здесь причины все возрастающего разрыва в уровне темпов развития деревни и города, размерах доходов крестьян и горожан (в 1994 г. - в 2,5 раза). Например, в 1992-1994 гг. среднегодовые темпы прироста доходов крестьян составили лишь 1/4 - 1/3 от размеров прироста доходов в городе.³⁴ Ответом на такую несправедливость и безвыходное положение стала массовая широкомасштабная стихийная миграция крестьян из деревни в город, из слаборазвитых районов западного и центрального Китая - в развитые восточный и юго-восточный Китай. Рынок фактически уже начал стихийно ломать сложившиеся диспропорции, осуществлять более рациональное размещение основных производственных ресурсов между городом и деревней.

Провозглашение 15 съездом КПК (сентябрь 1997) стратегии поступательного развития, требующей учета объективных возможностей и ограничений роста темпов, а также усиления базового положения сельского хозяйства, свидетельствует о понимании руководством страны крестьянской проблемы. А в случае ее реализации могут быть созданы более благоприятные условия для решения задач модернизации сельского хозяйства, деревни в целом.

Перспективы решения насущных проблем сельского хозяйства, сельской экономики и соответственно проблемы продовольственного обеспечения в Китае сегодня связывают с новой стратегией реформы, развития и модернизации - стратегией осуществления в ближайшие 15 лет "двух кардинальных переходов": 1) от традиционной плановой к системе социалистической рыночной экономики, 2) от экстенсивного типа развития к интенсивному.³⁵

Решение проблем, поставленных рынком, требует продолжения реформы и доведения ее до логического конца - перехода к рыночной системе. Главным предварительным условием для реального перехода к рыночной экономике должно стать углубление реформы системы обращения и переход к "одноколейной" системе цен, т.е. к действительно эквивалентному обмену, к единому рыночному пространству, единому рынку. Лишь рынок в состоянии стимулировать превращение сельского хозяйства в прибыльную отрасль. Иначе нельзя поднять материальную заинтересованность крестьян, оживить производство. Китайский экономист Ду Жуньшэн настаивает на том, чтобы государственное вмешательство в сельское хозяйство было бы экономически обоснованным: "Или надо больше вкладывать в сельское хозяйство, или меньше брать у него, по принципу "считаясь с реальностью". А если нельзя меньше брать, то надо преобразовать способ изъятия - систему обязательных закупок по заниженным ценам - и оплачивать высокую себестоимость производства. То есть сельское хозяйство не должно быть убыточным. Надо отпускать цены на зерно... Необходимо покончить с политикой недооценки крестьянства, восстановить сравнительную прибыльность сельского хозяйства, особенно зернового, и на этой основе постепенно преобразовывать структуру сельской экономики, особенно структуру занятости. Другого выхода нет".³⁶

Важнейшее условие в решении структурных проблем - создание адекватной, основанной на законе, системы имущественного права. Особенно, когда в истории страны отсутствуют традиции законодательного имущественного права. "Надо от практики: "мое - есть мое, твое - тоже мое" переходить к правовой концепции: "мое - есть мое, твое есть твое".³⁷ Хотя эта концепция есть продукт довольно высокого уровня развития товарной экономики, тем не менее проблема защиты имущественного права крестьян выходит на первый план по мере расширения рамок земельной реформы и усиления процесса концентрации земли.

Если в плане перехода к системе рыночной экономики в китайской деревне уже достигнуты первоначальные значительные успехи, то второй "переход" еще только начинается. Здесь следует обратить внимание на новое толкование в Китае понятия "интенсивного способа" экономического роста. В условиях Китая, с его огромными избыточными ресурсами рабочей силы, нехваткой капитала и слабой материальной и научно-технической базы сельского хозяйства ставится задача тесной увязки наукоемких и трудоемких типов отраслей.³⁸ Учеными дана новая, более широкая трактовка интенсивного способа развития экономики, включающего интенсивное хозяйствование, укрупненное хозяйствование, плюс трудоемкое хозяйствование.³⁹ Подчеркивается, что нельзя противопоставлять экстенсивные формы и интенсивные формы развития, наукоемкие и трудоемкие типы отраслей, а надо их органически увязывать. Другими словами, имеется в виду постепенное расширение масштабов использования современных факторов роста наряду с традиционными.

Основным направлением осуществления "двух кардинальных переходов", звеном "прорыва" избрана модель новой структуризации сельского хозяйства (*чаньхэгуа*), означающая стимулирование поотраслевой специализации и кооперации (или интеграции). Выделив несколько ведущих отраслей в каждом регионе (например, производство зерна, хлопка, свиней и пр.), исходя из преимуществ местных ресурсов, условий и потребностей, превращают их в специализированные комплексы, обеспечивающие полную технологическую цепочку по производству и поставкам потребителю законченного продукта ("от поля до прилавка"), по типу агропромышленно-торговых комплексов. Путем договора-контракта крестьянские подрядные дворы, как главное звено

производства, увязывается с различными предприятиями и организациями, представляющими звенья снабжения, переработки, хранения, других услуг. Каждая такая специализированная отрасль по существу должна представлять форму не только технологической, но и хозяйственной кооперации. В ней на договорных началах могут интегрироваться различные типы хозяйств и форм хозяйствования, специализирующихся на производстве законченной продукции определенного вида. Крестьянин по договору обязуется производить нужную продукцию и поставлять ее в срок и по приемлемой для него цене головному предприятию такой спецотрасли. Последнее, согласно договора, обеспечивает крестьянина необходимыми ресурсами, кредитами, предоставляет оговоренные услуги, покупает у него продукцию.

Как показывает практика отдельных районов (например, пров. Шандун), переход на такое "договорное" специализированное-интегрированное сельское хозяйство имеет большие преимущества: стимулирует развитие хозяйств укрупненных масштабов, снижает издержки производства, концентрирует ресурсы, обеспечивает использование современных факторов роста, резко повышает эффективность производства, дает значительное возрастание доходов. Новая модель организации производства и управления в сельском хозяйстве, как полагают, способна решить проблему противоречий между мелким производством крестьянского двора и "большим" рынком, стимулировать обращение всех факторов производства. При этом могут быть созданы условия для создания большей занятости в самом сельском хозяйстве, в деревне. Она создается на базе обобществленного производства и имеет своей целью развитие товарного производства в сельском хозяйстве.

Стратегия интегрирования сельского хозяйства призвана решить самую труднейшую проблему-головолomку: при сохранении ныне действующей системы семейного подряда, как гаранта стабильности и важного мотивационного механизма, преодолеть его ограниченность и резко поднять экономическую эффективность сельского хозяйства посредством кооперации и современных факторов роста, прежде всего науки и техники, обеспечив этим самым структурный и системный переход к рыночной экономике, создав единый рынок страны. Этим самым будут созданы реальные материальные условия для ускорения модернизации деревни, решения двух стратегических задач - последовательного роста производства и роста доходов крестьян.

В условиях неравномерного характера развития разных регионов и различия необходимых экономических условий переход к новой модели развития аграрного сектора может быть только очаговым, анклавным, по ступеням, постепенным.

Осуществление модели реструктуризации и интеграции сельского хозяйства как решающего фактора роста эффективности, по сути есть начало конкретизации идеи Дэн Сяопина о двух новых "взлетах": "Развитие и реформа социалистического сельского хозяйства Китая, с точки зрения длительной перспективы, должны пройти два взлета. Первый - ликвидация народных коммун, осуществление системы производственной ответственности с семейным подрядом как основа. Это очень большой прогресс. Надо долго сохранять ее неизменной. Второй взлет - в соответствии с научной обработкой земли и обобществлением производства, развивать соответствующее укрупненное хозяйство, развивать коллективную экономику. Это также будет большим прогрессом, но это, конечно, очень длительный процесс".⁴⁰

Эта идея понимается как длительный процесс развития общественного производства в деревне и как неизбежный процесс поисков путей создания новой системы. Он будет идти по-своему, в разное время в разных районах и

разных условиях, разными путями, через разные формы организации. Для 900-миллионной деревни возможность применения одной модели исключена. Движущей силой этого процесса может, должен стать и есть только рынок, но рынок, регулируемый государством экономическими методами, способный стимулировать материальную заинтересованность крестьян и рационально размещать ресурсы. Надо только поднять эту заинтересованность производителя, как и в первые годы реформы. Высокие урожаи зерновых, полученные в Китае в последние два года (1995 и 1996) и ряда других культур свидетельствуют о том, что правительству, возможно, удастся добиться перелома в падении производственной активности крестьян. Удастся ли удерживать и стимулировать ее длительное время - в этом весь вопрос.

1. Нунъе цзинцзи вэньти. 1995. №1. С.25
2. Чжунго нунцунь тунцзи няньцзянь. 1996. С.3
3. Чжунго тунцзи няньцзянь, чжайяо. 1997. С.81
4. Нунъе цзинцзи вэньти, 1995. №1. С.26
5. Чжунго нунцунь тунцзи няньцзянь. 1996. С. 5
6. Нунминь жибао, 16.09.1997
7. Чжунго тунцзи няньцзянь, чжайяо, 1997, с.122
8. Чжунго тунцзи няньцзянь, 1996, с.543, 556
9. Чжунго тунцзи няньцзянь, 1995, с.523
10. Нунъе цзинцзи вэньти, 1996, №3, с.46
11. Анализ и прогноз положения в сельской экономике Китая. Зеленая книга. Пекин, 1995; см. Информационные материалы. ИДВ РАН, 1996. Вып.2. С.27
12. Чжунго тунцзи няньцзянь, 1996, с.391
13. Нунцунь баодао, 1996. 3 мая
14. Чжунго тунцзи няньцзянь, чжайяо, 1997, с.123
15. Реформа и развитие в китайской деревне: ретроспектива и перспектива. - Доклад китайской делегации на Международной конференции. Пекин, декабрь 1993г., с.11
16. Чжунго тунцзи няньцзянь, 1995, с.42
17. Нунъе цзинцзи вэньти, 1995, № 6, с.4
18. Нунъе цзинцзи вэньти, 1994, №10, с.26-30
19. Доклад китайской делегации на Международной конференции, Пекин, 1993, с.5
20. Информационные материалы. ИДВ РАН, 1996. Вып.2. С.73
21. Нунъе цзинцзи вэньти, 1996, №5, с.8
22. Чжунго тунцзи няньцзянь. чжайяо, 1997, с. 41
23. Нунъе цзинцзи вэньти, 1995, № 3, с.38
24. Информационные материалы. ИДВ РАН, 1996. Вып.2. С.5-6
25. Там же, с. 9
26. Чжунго тунцзи няньцзянь, 1995, с.21; Чжунго нунцунь тунцзи няньцзянь, 1996, с.4
27. Нунъе цзинцзи вэньти, 1994, № 9, с.46
28. Нунъе цзинцзи вэньти, 1996, №1, с.6.
29. Нунъе цзинцзи вэньти, 1996, № 3, с.43.
30. Нунъе цзинцзи вэньти, 1996, №3, с.43.
31. Нунъе цзинцзи вэньти, 1994, №12, с.10
32. Там же, с.10-11.
33. Нунъе цзинцзи вэньти, 1994, №12, с.11
34. Нунъе цзинцзи вэньти, 1995, №1, с.6.
35. Жэньминь жибао, 29.09.1995.
36. Гайгэ, 1995, №4, с.18.
37. Там же, с.19.
38. Гуанминь жибао, 22.09.1997
39. Чжунго гайгэ бао, 12.07.1996
40. Дэн Сяопин Вэнь сюэ (Избранные произведения), Пекин, 1993. Т3, С.355.

Интерпретация древнекитайской традиции с позиций современной экономической теории

© 1998

О.Борох

Проблема влияния западной экономической мысли на китайскую экономическую теорию становится в последние годы важной темой научных дискуссий. В период реформ экономическая наука континентального Китая широко заимствовала западные экономические концепции. Зарубежная экономическая мысль оказывает определяющее воздействие и на современных тайваньских экономистов, которые внимательно следят за новейшими тенденциями в развитии мировой экономической теории и реагируют на ее изменения. Как в континентальном Китае, так и на Тайване, ученые интересуются не только применением западного теоретического инструментария к решению практических проблем экономического развития, но и возможностью осмысления заимствуемых зарубежных теорий в китайском культурно-цивилизационном контексте.

Новые тенденции в развитии мировой экономической науки приносят новые акценты в процесс ее контекстуализации в Китае. Современный этап развития экономической мысли Запада характеризуется как растущей формализацией в рамках основного течения современного экономического анализа ("мэйнстрима") - неоклассики, так и появлением новых теоретических направлений. Экономические методы анализа проникают в сопредельные области¹. Важное место в современной экономической науке стала занимать проблематика, которая на протяжении долгого времени считалась периферийной областью исследований. Значительно укрепились позиции нового институционализма, включающего в себя теории прав собственности, транзакционных издержек, общественного выбора и новую экономическую историю. Об этом свидетельствует, в частности, присуждение Нобелевских премий Р.Коузу (1991 г.), Дж.Бьюкенену (1986 г.) и Д.Норту (1993 г.). Все большее внимание мировая экономическая наука уделяет изучению институтов (как официальных правовых норм, так и неформальных правил - традиций, обычаев, привычных стереотипов поведения). Экономисты исследуют не только поведение отдельного экономического субъекта, но и проявляют все больший интерес к вопросу о том, как взаимодействуют индивидуумы между собой, как они координируют свои решения². Предметом анализа становятся такие элементы экономической системы, как фирма и семья, которые раньше считались "черным ящиком", или, по словам Р.Коуза, "теневыми фигурами", подобно почтальону из рассказа Честертона "Человек-невидимка", настолько очевидными, что их долгое время не замечали³. На повестку дня встает вопрос о влиянии предше-

ствующего развития на ход экономических изменений, о "воздействии прошлого на настоящее и будущее" (path dependence)⁴. Включение в сферу экономического анализа новой проблематики и расширение предметного поля экономической теории приводит к изменению общего облика мировой экономической науки. Мировая экономическая наука середины 90-х годов выглядит принципиально иначе, чем два-три десятилетия тому назад.

К числу современных концепций, вызвавших заинтересованную реакцию как в континентальном Китае, так и на Тайване, относится новый институционализм. В континентальном Китае интерес к новому институционализму был вызван теоретическими и практическими потребностями реформы. Он привлек внимание ученых КНР потому, что позволил объяснить многие проблемы переходной экономики страны, которые находились вне поля зрения "мэйнстрима". Важно отметить, что труды Р.Коуза и Д.Норта получили в КНР известность еще до присуждения этим ученым Нобелевских премий.

Для "американизированной" тайваньской экономической науки решающую роль сыграла высокая оценка мировым экономическим сообществом научных результатов, полученных представителями нового институционализма.

Концепции нового институционализма были легко усвоены китайской экономической наукой также и потому, что удачно вписывались в контекст китайской культурной традиции. Именно это соответствие традиционным формам восприятия действительности, свойственным китайской культуре, обусловило, на наш взгляд, "сравнительно низкие издержки" проникновения в Китай идей нового институционализма⁵. Не случайно, что труды Р.Коуза и Д.Норта были параллельно переведены на китайский язык как в континентальном Китае, так и на Тайване, идеям этих экономистов посвящались многочисленные статьи в специализированных экономических журналах, Д.Норт был приглашен для выступления с лекциями как в континентальный Китай (март 1995 г.), так и на Тайвань (ноябрь 1994 г.). Знакомство с концепциями сторонников неинституционализма, а также с теоретическими разработками представителей других новых направлений современной экономической мысли Запада (например, трудами Г.Беккера), послужило для китайских экономистов стимулом к переосмыслению традиционного культурного наследия с позиций новейших достижений мировой экономической науки.

Китайским экономистам всегда было свойственно стремление найти в классических произведениях идеи, созвучные современным западным концепциям. В качестве примера можно привести работы известного тайваньского ученого Хоу Цзяцзюя, прежде всего его книгу "Идеи свободной экономики в трудах доциньских конфуцианцев"⁶.

Свою задачу Хоу Цзяцзюй видел в том, чтобы изложить концепции, выдвинутые в древности, на языке современной экономической науки и таким образом сделать их более понятными для читателя. Цитируя слова известного китайского философа и литературного критика начала XX века Ван Говэя, Хоу Цзяцзюй подчеркивал, что если "для объяснения древности будут использованы древние понятия" (*юн гу цзе гу*), общая картина окажется нечеткой и "будет похожа на полотно художника-импрессиониста, изобразившего негра, охотящегося новогодней ночью в лесу на кабана"⁷.

Анализируя классическое китайское наследие, Хоу Цзяцзюй использует понятия "свободной экономики" и "командной экономики", пишет о "макроэкономических" (*цзунти*) и "микроэкономических" (*гэти*) идеях ранних конфуцианцев, о "теории равновесия" Конфуция. Такой подход имеет право на существование и позволяет по-новому посмотреть на китайскую

традицию, однако связь между традиционными идеями и современными понятиями, с помощью которых они излагаются, представляется весьма поверхностной.

По нашему мнению, когда речь идет о новом институционализме, действительно прослеживается глубинная, сущностная связь этой концепции с китайской теоретической традицией. Новый институционализм имеет гораздо больше точек соприкосновения с традиционными китайскими представлениями, чем упоминавшийся ранее экономический либерализм.

На сходство новой институциональной экономики и традиционных китайских концепций обратили внимание и сами китайские ученые (как философы, так и экономисты). Об этом свидетельствует опубликованная в тайваньском журнале "Кун Мэн сюэбао" ("Вестник исследований Конфуция и Мэн-цзы") статья И Сяньжуна "Современная трансформация институциональных идей доциньских конфуцианцев - сравнение с экономической теорией нового институционализма"⁸.

К выводу об общих чертах нового институционализма и традиционной китайской мысли пришли и профессиональные экономисты - Гань Сюэпин и Хуан Чуньсин (экономический факультет Университета Цинхуа, г.Синьчжу) - авторы изданного на Тайване в 1994 г. учебника "Принципы экономической теории"⁹. Как писали эти ученые, "в предшествующий период разграничение прав не входило в сферу исследований экономической науки. Однако выдающийся вклад Коуза, разработавшего теорию прав собственности, изменил взгляды всех экономистов. Раньше лишь немногие считали, что в Китае высказывались какие-либо важные экономические идеи, поскольку кроме трактата "Гуань-цзы" и некоторых других разрозненных высказываний в древнем Китае не затрагивался вопрос о ценах. Когда мы узнали, что в сферу исследования экономической науки могут быть включены проблемы разграничения прав, организаций и институтов, китайская экономическая мысль сразу же живо предстала перед нами"¹⁰.

По нашему мнению, чтобы показать, в чем состоит сходство нового институционализма и китайской традиционной мысли, следует обратиться к исследованию понятий китайской классической культуры, сопоставимых по своему смысловому содержанию с ключевыми понятиями нового институционализма - "институт" и "права собственности". Отметим, что такой подход вполне соответствует основополагающим идеям самого Д.Норта, подчеркивавшего наряду с важностью унаследованных из прошлого традиций и культуры фундаментальное значение языка, "особым структурированным образом передающего и фильтрующего получаемую нами информацию и тесно связанного с культурой"¹¹

Понятие "институт" передается в современной китайской научной лексике с помощью сочетания *чжи ду*. В "Классическом словаре китайского языка" под редакцией Куврера иероглиф *ду* переводится как "закон, правило, упорядочивать" (*loi, regle, regler*), а иероглиф *чжи* - как "устанавливать, изобретать, установление, изобретение" (*instituer, inventer, institution, invention*)¹². Л.С.Переломов отмечает наличие нескольких значений у сочетания *чжи ду*, ссылаясь на голландского сиолога Я.Дайвендака, трактовавшего его как "standarts and measures" - "стандарты и меры" и предлагая переводить *чжи ду*, "исходя из его основного значения "система управления", памятуя при этом, что речь идет о создании новой системы управления, т.е. введении новых мер, новых установлений, новых узаконений"¹³.

Наиболее ранние упоминания сочетания *чжи ду* содержатся в древнекитайской классической "Книге перемен" (*И цзин*). В "*И цзине*" в коммента-

рии “*туань чжуань*” к гексаграмме № 60 “*Цзе*” (“Ограничение”) говорится: “Небо и Земля ограничены (*тянь ди цзе*), образуются четыре времени; ограничивать при помощи установления правил (*цзе и чжи ду*), не причинять ущерба имуществу (*цай*), не наносить вреда народу”¹⁴. Современные китайские исследователи дают следующее развернутое толкование этого комментария: “Так как Небо и Земля ограничены, четыре времени года могут последовательно сменять друг друга, мудрец должен подражать Небу и Земле, создавать *чжи ду*, чтобы ограничивать беспредельные желания, только тогда не будет потеря, и не будет нанесен ущерб народу”¹⁵. В словаре Куврера сочетанию “*цзе и чжи ду*” дается перевод “устанавливать правильную меру путем законов и правил” (*Fixer la juste mesure au moyen de loi et de reglement*)¹⁶.

Можно сделать вывод, что в “*И цзине*” *чжи ду* понимаются как нормы поведения или установления, которые, в случае их должного учреждения, будут направлять человеческое поведение таким образом, что люди станут действовать в своих интересах, не нанося при этом ущерба общественному богатству и другим людям. По нашему мнению, имеется некоторое сходство между традиционными китайскими представлениями о *чжи ду* и определениями институтов, предлагаемыми новыми институционалистами.

Д.Норт в своей Нобелевской лекции определяет институты как “созданные людьми ограничения, структурирующие взаимодействие между людьми” (*institutions are the humanly devised constraints that structure human interaction*), и сравнивает их с “правилами игры”¹⁷. Точкой соприкосновения двух подходов выступает понимание институтов - *чжи ду* как неких “ограничителей” (*constraints*; *цзе*, как в тексте “Книги перемен”), организующих отношения между людьми и задающих рамки возможных альтернатив индивидуального выбора.

Подчеркнем, что значение языковой формы и ее связь с “китаизацией” иностранных идей в процессе перевода становится особенно заметной при обращении к китайскому варианту данного Д.Нортом определения институтов. На китайском языке иероглиф “*чжи*” из сочетания “институт”-*чжи ду* входит в это определение в различных сочетаниях три раза: “Институты (*чжи ду*) есть установленные (*чжи дин*) людьми ограничения (*сянь чжи*), сдерживающие (*юэшу*) поведение взаимодействующих сторон”¹⁸.

Гипотеза о наличии сходства между современным институционализмом и традиционной китайской мыслью подтверждается также и близостью в представлениях о структуре институтов. По определению Д.Норта, институты включают в себя совокупность формальных и неформальных правил, ограничивающих действия экономических агентов и характеристик принуждения по их выполнению (*enforcement characteristics*). Очень близкую идею понимания *чжи ду*, включающих этико-ритуальные общественные нормы, можно обнаружить в классическом конфуцианском тексте “Записок о правилах благопристойности” (*Ли цзи*), относящегося к 4 - 1 векам до н.э. В главе “*Ли юнь*” (“Действенность-распространение правил благопристойности”) содержится высказывание: “Установленный порядок (*чжи ду*) заключается в ритуале (*ли*), культура-письменность (*вэнь*) заключается в ритуале, а осуществление всего этого принадлежит человеку”¹⁹. В словаре Куврера сочетание “*чжи ду цзай ли*” переводится как “церемониал предписывает меры для соблюдения” (*Le ceremonial prescrit les mesures a garder*)²⁰.

Из текста “*Ли цзи*” можно увидеть, что в древнекитайской мысли институты - *чжи ду* понимались как ритуал-этика (*ли*), без которого они утратили бы свое основание, при этом их функционирование тесно связано с культурой. Примечательно, что китайский исследователь И Сяньжун, исхо-

дящий из предпосылки “институциональности” доциньской мысли, пришел к выводу, что с точки зрения Конфуция, благородный муж, олицетворяющий высший этический стандарт поведения, является воплощением институтов, а выработанные им нормы могут рассматриваться как ограничители поведения других людей²¹. В традиционном Китае нормы ритуалов-*ли* были не только коренящейся в культуре “неформальной” матрицей поведения, но и детально регламентированными “формализованными” предписаниями по исполнению ритуальных норм. Однако в целом они воспринимались как этическая и строящаяся на принципах гуманности альтернатива законам-*фа*, выступавшим в китайской традиции как аналог другого важного элемента институциональной структуры - формальных правил игры, правовых норм.

С нашей точки зрения, понятие “права собственности”, ключевое для нового институционализма, также имеет аналог в китайской классической культуре. В западной экономической литературе проблема прав собственности получила наиболее глубокую разработку в трудах Р.Коуза. По мнению ученого, “разграничение прав” должно рассматриваться как существенная предпосылка рыночных трансакций²².

В качестве аналога “прав собственности” в традиционной китайской мысли выступает понятие *дин фэнь*. Встречающееся в текстах доциньской эпохи сочетание *дин фэнь* переводится Л.С.Переломовым как “закрепление прав и обязанностей” (дословно: “установление разграничений в [правах и обязанностях]”)²³. Оценивая важность понятия *дин фэнь* для китайской классической экономической мысли, Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин назвали *дин фэнь* ее “главной темой”. По их мнению, “можно без преувеличения сказать, что вся китайская экономическая мысль строится вокруг проблемы *дин фэнь*”²⁴.

Наиболее четко и образно суть древнекитайского понимания *дин фэнь* выражена в известной притче об охоте на зайца из трактата “Люйши чуньцю” (цзюань 17, гл.5), автором которой считается представитель ранней легистской мысли Шэнь Дао (Шэнь-цзы, ок. 395 до н.э. - ок. 315 до н.э.): “Когда бежит заяц и за ним гонятся сто человек, то это не потому, что зайца можно поделить (*фэнь*) на сто человек, а потому, что не установлены (*вэй дин*) [ничьи права на этого зайца]. Когда право [собственности] еще не установлено, то даже Яо (легендарный совершенномудрый правитель Древнего Китая в 2356-2255 гг. до н.э., образец морального поведения в конфуцианской традиции - О.Б.) поддался бы силе [искушения] и присоединился бы к толпе [в погоне за зайцем], не так ли? [И наоборот], даже если весь рынок будет наводнен [продавцами] зайцев, никто не захочет схватить [зайца], и не потому, что никто не желает зайца, а из-за того, что право [собственности] уже установлено (*фэнь и дин*). Когда право [собственности] установлено, то люди, хотя они и скупы, не вступают в борьбу. Поэтому управление Поднебесной и ее царствами состоит в *дин фэнь*, и этого достаточно!”²⁵.

Разъясняя экономический смысл этой древнекитайской притчи, современные тайваньские ученые Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин заявили, что “в нашей стране уже в эпоху Чуньцю Шэнь-цзы смог четко сформулировать тезис о разграничении прав собственности как необходимом условии поддержания рыночного порядка”²⁶. В данном случае люди бросаются в погоню за зайцем из-за того, что “права не разграничены” (*фэнь вэй дин*), что понимается учеными в смысле “права собственности еще не определены”. Участие в предполагаемой погоне совершенномудрого императора Яо указывает на то, что даже наивысшие стандарты конфуцианской морали не выдерживают столкновения с ситуацией размытости прав собственности. “Конечно, нам не-

откуда узнать, погнался ли бы за зайцем Яо, как об этом писал Шэнь-цзы; однако из приведенного высказывания ясно, как Шэнь-цзы трактует поведенческую предпосылку. Когда права собственности четко не определены, действующие в своих интересах (*цзы вэй даэ*) люди не оставят зайца на поле другим людям. Напротив, на рынке люди не будут посягать на зайца, это произойдет не потому, что они не хотят получить зайца, а потому, что права собственности уже четко определены. Люди, продающие и покупающие зайцев при гарантированных правах собственности могут успешно провести сделку. После завершения сделки права собственности на зайца перейдут от продавца к покупателю. Другими словами, обмен товарами может рассматриваться как обмен правами собственности. Из этого примера мы можем понять, что одна из функций института прав собственности (*цайчаньцюань чжиду*) состоит в том, чтобы перейти от погони [за зайцем] к купле-продаже на рынке²⁷.

Предпринимаемая современными исследователями попытка сопоставления китайской классической традиции и западных неоинституционалистских теорий наталкивается на проблему, коренящуюся в конфуцианском понимании связи между правами собственности и моралью.

Тайваньский экономист Се Цзунлинь подчеркнул, что “в Китае конфуцианская традиция при изложении проблем морали не включает в нее поведение, направленное на уважение прав индивидуальной собственности”²⁸. Китайская традиция формировалась на основании идеи приоритета строящихся на гуманности и долге отношений между людьми над отношениями людей к их собственности. Такой подход закреплен в известном высказывании Конфуция, который в ответ на похвалу одним местным правителем поведения человека, донесшего на своего отца за кражу чужого барана, сказал, что настоящая прямота человеческого характера проявляется тогда, когда отцы укрывают детей, а дети - отцов²⁹.

Внимание современных китайских авторов к приведенной выше притче о погоне за зайцем обусловлено тем, что “среди китайских философов, проявивших интерес к проблемам благоденствия народа и политического порядка, похоже, только Шэнь Дао в период Чжаньго приблизился к решению вопроса прав собственности как вопроса морали”³⁰.

Обращаясь к западной традиции трактовки уважения права индивидуальной собственности как моральной нормы, научный сотрудник тайваньского Института экономических исследований Чжунхуа Се Цзунлинь ссылается на Д.Юма и А.Смита. Подходя к идеям А.Смита с позиции традиционной китайской мысли, трудно не отметить их несоответствия конфуцианским идеалам приоритета гуманности и справедливости над собственным интересом и эгоизмом: “Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах”³¹. Обращаясь к этому же высказыванию шотландского экономиста, Се Цзунлинь заявил, что “рассуждения Шэнь-цзы о “действии в своих интересах” (*цзывэй*) есть точная копия рассуждений Адама Смита, писавшего, что люди едят хлеб не потому, что пекарь добросердечен, а потому, что выпекая хлеб для других, он удовлетворяет свои интересы (конечно, порождающий этот результат рыночный процесс основывается на этике уважения прав индивидуальной собственности). В “Истории древнекитайской философии” Ху Ши также обратил внимание на то, что *цзывэй* у Шэнь Дао сходно с понятием “*цзывэй*” в учениях европейских экономистов XVIII века... Ученые, не обращающие внимания на приверженность Шэнь-цзы идее законов, основывающихся на привычках (*сигуаньфацжуи*),

приводят людей к ошибочному заключению, что все легистские мыслители древнего Китая придерживались ведущей к диктатуре идеи законов, установленных властью (*шидинфацжуи*)³².

Дальнейшие сопоставления китайских и западных представлений о правах собственности современными китайскими экономистами опираются на "теорему Коуза", суть которой была сформулирована ее автором в следующем виде: "хотя разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных трансакций... конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правового решения", причем этот результат возможен только при предположении нулевых трансакционных издержек³³. Для иллюстрации этой теоремы в китайской экономической литературе, как правило, берется пример причинения паровозными искрами ущерба фермерам, чья собственность прилегает к железнодорожному полотну. При любом исходе судебного процесса одной из сторон обязательно будет нанесен ущерб - либо железной дороге, если будут защищены права фермеров и она будет обязана возмещать им ущерб, либо фермерам, если суд защитит права железной дороги.

Коуз подошел к рассмотрению проблемы с точки зрения максимизации общественного богатства. Используя цепь аргументов, он показал, что эффективный результат не зависит от того, какая из сторон, производитель или потребитель внешнего эффекта, имеет право собственности и обладает правом вето на использование ресурсов³⁴. В примере с железной дорогой и фермерами это означает, что независимо от того, имеет или нет железнодорожная компания право на нанесение ущерба, оно будет приобретено тем, кто способен извлечь из него наибольшую выгоду.

Тайваньские исследователи Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин в работе "Принципы экономической теории" дают следующую формулировку "теоремы Коуза": "Если предположить, что трансакционные издержки равны нулю, то первоначальное распределение прав собственности не будет влиять на результат. Если права собственности четко определены, то в результате добровольной сделки они будут приобретены тем, для кого они представляют наибольшую ценность, что позволит максимизировать богатство всего общества"³⁵.

Далее Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин иллюстрируют теорему через сопоставление с древнекитайской притчей из "*Люйши чуньцю*" о "человеке из царства Цзин (название царства Чу в эпоху Чуньцю), потерявшем лук". Суть притчи сводится к тому, что в царстве Цзин был человек, который потерял лук, но не пошел его искать. На вопрос о причинах такого поведения он ответил: "Человек из Цзин потерял его, человек из Цзин нашел его, зачем же искать?". По этому поводу приводятся два высказывания, приписываемые в тексте "*Люйши чуньцю*" Конфуцию и полубогородному основателю школы даосизма Лао-цзы. Первый сказал: "Можно опустить [название царства] "Цзин"", второй сказал: "Можно опустить [слово] "человек""³⁶.

Поясняя содержание притчи, авторы учебника подчеркивают, что оба древних мудреца были согласны в том, что нет нужды идти искать потерянный лук. "Конфуций полагал, что нет необходимости особо упоминать о царстве Цзин, если уж "человек" потерял лук, то не нужно его искать. То есть не нужно искать нигде - ни в царстве Лу, ни в царстве Чэнь, ни в царстве Сун, ни в царстве Ци и так далее. Лао-цзы занимал иную позицию. Он полагал, что "царство Цзин" утратило один лук и одновременно приобрело один лук, по этой причине нет никакой необходимости идти его искать"³⁷. Рассматривая притчу в связи с традиционным пониманием "общего" (*гун*) в контексте главы

“Гуй гун пян” (“О ценности общего”), авторы работы отмечают, что с точки зрения “общего” нет разницы, в чьих именно руках находится лук. Для Поднебесной, как выражения “общего”, главное – это взаимная выгода для всех, а не личная выгода в ущерб интересам других людей (*ли эр у ли*, дословно: “выгода без выгоды”). Таким образом, авторам древнекитайской притчи о потерянном луке было неважно, кому именно принадлежат права собственности на лук – потерявшему или нашедшему его; они ставили на первое место “взаимную выгоду” (*ху ли*). При этом Конфуцию с его словами “человек потерял, человек нашел, зачем искать”, приписывается универалистская озабоченность взаимной выгодой для всех людей, тогда как Лао-цзы думал лишь о взаимной выгоде в пределах царства Цзин.

Сравнивая эту древнекитайскую притчу с “теоремой Коуза”, тайваньские экономисты отмечают, что в притче о луке нет понятий “добровольной сделки” и “транзакционных издержек”. Именно их введение в научный оборот позволяет четко сформулировать “теорему Коуза”. Тем не менее Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин полагают, что эту притчу можно рассматривать как пример “теоремы Коуза” в Древнем Китае. Согласно притче, с точки зрения “общего” лук не был потерян, и для Поднебесной или общества не имеет значения, кому в конечном счете он принадлежит. По Коузу, при условии нулевых транзакционных издержек первоначальное распределение прав собственности также не имеет значения. Подобно тому, как лук по-прежнему находится в княжестве Цзин, право собственности на искры в примере Коуза по-прежнему находится в руках железнодорожной компании или фермера. В результате проведенного сопоставления Хуан Чуньсин и Гань Сюэпин приходят к следующему выводу: “Современная теория прав собственности, как подчеркивал Коуз, утверждает, что разграничение прав собственности – это не проблема распределения прав, а вопрос о том, как добиться общей, а не только частной выгоды (*ли эр у ли*) и создать еще большее богатство для общего (*гун*). Что же касается размера выгоды, получаемой каждой из сторон после сделки, то эта проблема не входит в компетенцию разграничения прав собственности и решается как и в других сделках путем соглашения между двумя сторонами”³⁸.

Обращение к двум притчам из “Люйши чуньцю” позволяет обнаружить некоторые черты, сближающие современную западную теорию прав собственности с древнекитайской мыслью, где идеи “разграничения прав” и “общей выгоды” были выражены достаточно четко. По нашему мнению, можно согласиться с тезисом тайваньских экономистов о том, что представления современных западных теоретиков о правах собственности “вовсе не отрицают мудрости древнекитайских ученых”³⁹.

Важно отметить, что тайваньские исследователи вовсе не стремятся обосновать культурно-цивилизационный “приоритет” Китая в изучении этой темы. Напротив, они подчеркивают, что разработка теории прав собственности ведется на Западе на принципиально ином, гораздо более высоком научном уровне. Сравнивая древнекитайское и современное понимание проблемы, они пишут: “Древнекитайские мудрецы предостерегали правителей, что нельзя отдавать предпочтение частному [односторонне вставать на сторону частного] (*бу пян сы*), и призывали стремиться к общей, а не только к частной выгоде (*ли эр у ли*); если продвинуться еще на шаг вперед, то при предположении нулевых транзакционных издержек, как указал Коуз, добровольные сделки смогут завершить работу и нет необходимости заботиться об этом”⁴⁰. Следует обратить внимание на слова тайваньских ученых о “продвижении на шаг вперед” в их трактовке соотношения между древнекитайской мыслью и

современной западной теорией прав собственности, указывающие на то, что они не ставят перед собой задачи модернизировать традиционное наследие и "подтянуть" его под Коуза.

Особенность работ Р.Коуза состояла в том, что в них содержалось новое видение экономической реальности. Во главу угла ученый поставил проблему взаимодействия и сотрудничества между людьми, в экономическую теорию была введена специальная категория "транзакционных издержек" - своеобразных "препятствий на пути сотрудничества"⁴¹. Стало обращать внимание не только на поведение отдельного индивида - рационального максимизатора своей целевой функции, действующего независимо и самостоятельно, но и на общество, которое представляет собой "систему с числом людей больше одного"⁴². По нашему мнению, такой подход в целом соответствовал духу китайской интеллектуальной традиции, где человек осознавался прежде всего как часть целого, то есть во взаимоотношениях с другими людьми, а не как изолированный индивид.

(Окончание следует)

1. См. *Радасв В.* О рациональности и коллективном действии (о книге М.Олсона "Логика коллективных действий") // Вопросы экономики. 1996. N 10. С.144-152; *Автономов В.* Политическая экономия переходного периода // Мировая экономика и международные отношения. 1996. N 9. С.5-15; *Stigler G.S.* Economics - The Imperial Science? // The Scandinavian Journal of Economics. 1984. Vol. 86. N 3.
2. *Hahn F.* The Next Hundred Years // The Economic Journal. January 1991. Vol.101. (404). P. 49.
3. *Coase R.H.* Essays on Economics and Economists. Chicago - London. 1994. P.3.
4. *North D.C.* Economic Performance Through Time // The American Economic Review. June 1994. Vol.84. N 3. P.364.
5. *Цинь Хай.* Цие гоубин чжундэ чаньчюань вэньти (Проблема прав собственности при покупке и слиянии предприятий) // Цзинцзи яньцзю. 1995. N 3. С. 21.
6. *Хоу Цзяцзюй.* Сянь Цинь жуцзя цзюю цзинцзи сысян (Идеи свободной экономики в трудах доциньских конфуцианцев). Тайбэй. 1983.
7. Там же. С.2.
8. *И Сяньжун.* Сянь Цинь жуцзя чжиду сысян дэ сяндай чжуаньхуа - юй сяндай чжиду цзинцзисюэ бицзю яньцзю (Современная трансформация институциональных идей доциньских конфуцианцев - сравнение с экономической теорией нового институционализма) // Кун Мэн сюэбао. Март 1995. N 69. С.205-216.
9. *Хуан Чуньсин, Гань Сюэтин.* Цзинцзисюэ юаньли (Принципы экономической теории). Тайбэй. 1994. Т.т.1-2.
10. Там же. Т.2. С. 407.
11. *D. North.* Institutions and Economic Development // Цзинцзи луньвэнь цункань. Март 1995. Т.23. N 1. С.16.
12. Dictionnaire classique de la langue chinoise. Par F.S.Couvreur S.J., Sien-Hsien, Imprimerie de la mission catholique. 1930. P.277, 87.
13. Книга правителя области Шан. М., 1993. С.276-277.
14. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая "Книга перемен". М., 1993. С.583.
15. И цзин цзинь и (Современный перевод "И цзин") / Ред. Сунь Чжэншэн. Хайнань, 1988. С.324-325.
16. Dictionnaire classique de la langue chinoise. P.277.
17. *North D.C.* Economic Performance Through Time. P.360,361.
18. *Носы Даогласы (Даглас Норт).* Чжиду, чжиду бяньцянь юй цзинцзи чэнцзю (Институты, институциональные изменения и функционирование экономики) / Пер. с англ. Лю Жуйхуа. Тайбэй, 1994. С.7. По нашему мнению, этот перевод, сделанный учеником Д.Норта, является наиболее адекватным и соответствующим оригиналу.
19. Цит. по: *И Сяньжун.* Цит. ст. С.205.

20. Dictionnaire classique de la langue chinoise. P.277.
21. *И Сяньжун*. Цит. ст. С.206.
22. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993. С.142.
23. Книга правителя области Шан. М., 1993. С.317.
24. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.2. С.407.
25. Цит. по: Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.2. С.405.
26. Там же.
27. Там же.
28. *Се Цзунлинь*. Даодэ юй цайчаньцюань. - Цун Хайкеэ дэ "Бу яомин дэ цзыфу" чжэ бэнь шу танци (Мораль и права собственности - Начнем разговор с книги Хайека "Пагубная самонадеянность") // Цзинцзи цяньчжань. N 40. 1995.7 мая.С.102.
29. Древнекитайская философия. Т. 1 .С.163.
30. *Се Цзунлинь*. Цит. ст.С.103.
31. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // В сб. Антология экономической классики. М.,1993. Т.1.С. 91.
32. *Се Цзунлинь*. Цит. ст.С.103.
33. Коуз Р. Фирма, рынок и право. С.142-143.
34. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997. С.82.
35. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.2 .С.412.
36. Цит. по: Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли. Т.2. С.408.
37. Там же. С.409.
38. Там же.С.415.
39. Там же.С.411.
40. Там же.С.415.
41. Там же.
42. Чжан Учан. Цзай лунь Чжунго (Еще раз поговорим о Китае). Тайбэй, 1989. С.207.

Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву "странным эпизодом" советско-китайских отношений начала 20-х годов?

© 1998

М.Крюков

Окончание. Начало: Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют сегодня прояснить те "непонятные моменты в поведении Чжан Сылиня"¹, которые, якобы, свидетельствовали о "странности и непонятности"² его статуса.

Первый из них, по словам Казанина, возник во время пребывания Чжан Сылиня в Верхнеудинске. Он не спешил с выездом в Москву, "явно выжидал, ибо узнал, что в Северном Китае идет борьба его хозяев аньфуистов с соперничавшей военной чжилийской кликой³... Казалось бы, получив известия о разгроме аньфуистской клики и падении своей единственной опоры в Пекине - маршала Дуань Цижую, снабдившего его каким-то подобием документа, Чжан Сылинь должен был повернуть обратно. Однако он все же решил теперь уже "ни от кого" продолжать поездку в Москву. Почему?"⁴

Опубликованные китайские архивные документы отвечают на этот вопрос.

Решающие сражения между войсками Дуань Цижую и У Пэйфу произошли 18 июля; на следующий день после поражения своей армии Дуань Цижуй подал в отставку; 28 июля президент Сюй Шичан принял отставку Дуань Цижую и специальным указом ликвидировал Пограничное управление. На следующий день был объявлен розыск Сюй Шучжэна и девяти других главарей аньфуистской группировки, нашедших себе убежище в японском посольстве. Все эти события не могли бы не взволновать Чжан Сылиня.

Но все дело заключалось в том, что о произошедшем Чжан Сылинь в то время не имел ни малейшего представления: с конца июня до начала августа он вообще не имел связи с Пекином. Глава миссии отправлял в Пекин одну за другой телеграммы, сообщая о результатах своих контактов с властями ДВР и испрашивая дальнейших инструкций, но не получал на них никакого ответа. Наконец, секретарь Министерства иностранных дел ДВР (речь идет, судя по всему, о Я.М.Дворкине) признался в разговоре с Чжан Сылинем, что его депеши, отправку которых МИД любезно взял на себя, задерживались властями ДВР в Иркутске⁵. Поэтому Чжан Сылинь решает направить с докладом в Пекин двух своих подчиненных, но для их выезда было необходимо

оформить соответствующие документы, что в свою очередь также требовало времени. В результате отъезд Чэнь Цзун и Гоу Цзэншу из Верхнеудинска был отложен до 15 августа; лишь по прибытию в Харбин они узнали о произошедшем в Китае и, в частности, о том, что Пограничного управления, сотрудниками которого они были, больше не существует⁸.

Между тем, 26 августа Чжан Сылинь уже выехал в Москву и по прибытии туда, не подозревая о случившемся, продолжал адресовать свои очередные реляции Пограничному управлению⁹. Лишь в сентябре (!) из московских газет он узнал, что несколько месяцев до того в Северном Китае шли бои, но по-прежнему не был уверен в том, “на чем основаны эти слухи”⁸. Мы имеем достаточные основания полагать, что более или менее достоверную информацию о кардинальных сдвигах в расстановке политических сил на Севере Китая, произошедших в июле 1920 года, Чжан Сылинь получил лишь к концу своего пребывания в Москве. Во всяком случае на эти события он намекал в своем выступлении на последней встрече в НКВД 31 октября: “Я приехал сюда, получив предписание правительства, имея в виду установить сближение Китая с Россией, но, увы, не прошло и двух месяцев, как мне предложено вернуться в Китай. Что вызвало такую перемену, Вы, конечно, ясно себе представляете”⁹. В разговоре с Цюй Цюбо, имевшем место 13 декабря на пограничной станции Маньчжурия, он выразился гораздо более определенно: “Сразу же после того как начальник управления Дуань пал, Центральное правительство направило в Лондон специальную телеграмму, в которой говорилось, что я не являюсь официальным представителем”¹⁰.

Однако в связи с этим возникает другой вопрос. Если во время пребывания в Верхнеудинске Чжан Сылинь действительно не знал о военных действиях между аньфуистами и чжилийцами, почему же он всячески откладывал свой выезд в Москву, хотя оттуда уже давно пришло соответствующее разрешение? С этим связано еще одно недоразумение, прояснить которое дают возможность китайские архивные материалы.

Практически почти все исследователи, изучавшие историю миссии Чжан Сылиня, едины во мнении, что с самого начала целью его была Москва: “Пограничное управление направило неофициальную делегацию во главе с генерал-лейтенантом сухопутных войск Чжан Сылинем, которая должна была по прибытии в Кяхту”¹¹ дождаться удобного случая, чтобы через территорию ДВР добраться до Москвы”, - пишет, например, Ван Юйцзинь¹²; “6 мая”¹³ из Пекина в Москву выехала официальная военно-дипломатическая миссия, возглавляемая генералом Чжан Сылинем”, - сообщает А.Н.Хейфец¹⁴; “27 июня 1920 г. в тогдашнюю столицу Дальневосточной республики... прибыла китайская миссия, добивавшаяся разрешения на проезд в Москву”, - этими словами начинает свою статью М.И.Казанин¹⁵. Он подчеркивает, что в Верхнеудинске на все задававшиеся ему вопросы генерал давал лишь уклончивые ответы: “Он едет в Москву, должен видеть В.И.Ленина и в центре все объяснит” (из текста статьи можно сделать вывод, что приведенные слова именно в такой форме были произнесены самим Чжан Сылинем); “ДВР его интересовала мало”¹⁶.

На самом деле все обстояло иначе. Чжан Сылинь и возглавляемая им делегация ехала в ДВР - в Верхнеудинск и Иркутск, имея поручение собрать информацию по трем основным вопросам.

Прежде всего - о том, что же в конце концов представляет собой этот новорожденный сосед Китая, общая граница с которым составляла несколько тысяч километров. Было ли это независимое демократическое государство, каким ДВР объявила себя в официальных декларациях, или лишь буфером

между РСФСР и Японией, созданным по воле большевиков и ими контролируемым?

Далее, Пекинское правительство хотело иметь достоверную информацию о характере взаимоотношений ДВР и Японии с тем, чтобы знать, затрагивают ли они интересы Китая.

Наконец, эта военно-дипломатическая миссия (она включала как офицеров - представителей Пограничного управления, так и консульских работников - сотрудников Министерства иностранных дел) должна была взять на себя хлопоты по защите жизни и прав собственности проживающих на территории ДВР китайских иммигрантов¹⁷.

Поскольку МИД КР не располагал однозначной информацией о статусе ДВР и ее отношениях с Россией, после того, как миссия пересекла границу на станции Маньчжурия. Чжан Сылинь направил телеграммы с изложением целей своей миссии одновременно в адрес двух правительств - ДВР и РСФСР.

Реакция Верхнеудинска и Москвы была различной.

Опасаясь огласки, МИД КР предварительно не уведомил правительство ДВР о миссии Чжан Сылиня¹⁸. В Верхнеудинске были к тому же раздражены тем обстоятельством, что делегация ДВР во главе с И.Юриным, направленная как раз в это время в Пекин, была вынуждена вопреки нормам международного дипломатического этикета более месяца ждать в Кяхте разрешения на въезд в Китай. Принцип взаимности требовал, чтобы китайская делегация, которая уже оказалась в столице ДВР, тоже ощутила не радостную атмосферу теплой встречи, а холод сугубо официального отношения. Отчужденность и подозрительность дальневосточного правительства усугубились тем обстоятельством, что делегация прибыла в Верхнеудинск через район, где тогда действовал атаман Семенов. В паспорт полковника Тао, сопровождавшего вагоны с мукой, были вписаны какие-то неизвестные лица с русскими фамилиями¹⁹. Не было ли в составе миссии Чжан Сылиня шпионов Семенова? Эта проблема не могла не волновать верхнеудинские власти. Поэтому они и решили на всякий случай изолировать генерала от внешнего мира, перехватывая его корреспонденцию.

Иначе с самого начала отнеслась к приезду миссии Москва. 17 июня, практически сразу же после того, как в НКИДе получили телеграмму Чжан Сылиня, на заседании ВЦИК Чичерин докладывал о том, что в Сибири находится "специальная китайская делегация для урегулирования целого ряда вопросов более общего характера"²⁰. А вскоре в "Правде" появилось сообщение о том, что в Верхнеудинск прибыла миссия, намеревающаяся посетить Иркутск, причем не исключена возможность, что она побывает и в Москве²¹. 8 июля Чичерин в своей ноте на имя министра иностранных дел Китая Лу Чжэнсяна подтвердил получение телеграфного сообщения Чжан Сылиня о его намерении направиться в Москву²² и заявил, что буде генерал облечен надлежащими полномочиями, советское правительство будет счастливо принять его²³.

В своих воспоминаниях тогдашний председатель Союза китайских рабочих в России Лю Цзэжун утверждает, что Чжан Сылинь смог оказаться в Москве исключительно благодаря его, Лю Цзэжуна, личному вмешательству: "По предложению Наркоминдела я от имени нашего Союза тоже телеграфировал в Пекин с настоятельной просьбой: во избежание возможных недоразумений сообщить Советскому правительству о характере миссии. Однако из Пекина никакого ответа не последовало... Между тем с приходом миссии открывалась возможность установления непосредственного контакта между представителями двух правительств, и поэтому приезд ее в Москву, незави-

симо от пределов полномочий, был очень желателен... Я и решил тогда обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу с просьбой, не найдет ли он возможным дать распоряжение о пропуске миссии в Москву, не дожидаясь ответа из Пекина... Я представил свои соображения Владимиру Ильичу. Он счел возможным приезд миссии в Москву без официального извещения из Пекина и тут же написал записку в Наркоминдел с предложением распорядиться о пропуске миссии в Москву"²⁴.

У меня нет оснований не доверять этому сообщению Лю Цзэжуна; быть может, в одном из бывших советских архивов действительно хранится записка в Наркоминдел, написанная Лениным по его просьбе. Но ясно и то, что тратить так много сил на уговоры Чичерина в тогдашней ситуации вряд ли было необходимо. Сам факт прибытия делегации из Китая в условиях, когда внешнеполитические контакты России можно было пересчитать по пальцам одной руки, бесспорно имел для РСФСР особо важное значение. Поэтому НКИД направил в Верхнеудинск телеграмму, в которой делегация во главе с Чжан Сылинем приглашалась в Москву. Речь шла именно о приглашении²⁵, а не о разрешении прибыть в большевистскую столицу. Такой поворот событий заставил правительство ДВР сменить гнев на милость и начать выказывать Чжан Сылиню знаки внимания и расположения.

К тому времени Чжан Сылинь (ему, несмотря на его маленький рост и волочившуюся по земле саблю, мы не можем отказать в наблюдательности и умении анализировать ситуацию) приходит к выводу, что Верхнеудинск слишком крепко привязан к Москве и не в состоянии принимать самостоятельные решения²⁶. Кто-то из официальных лиц ДВР к тому же почти открытым текстом намекнул Чжан Сылиню, что вопрос об учреждении в Верхнеудинске генерального консульства Китая, равно как проблемы юридического статуса китайских эмигрантов, следует решать не здесь, а в Москве²⁷. Все эти обстоятельства и привели генерала к решению ехать "на Запад", чтобы договориться по принципиальным вопросам в Москве, а затем возвратиться в Верхнеудинск для конкретной их реализации²⁸.

Но поездка в Москву не была оговорена первоначальными инструкциями, полученными им в Пограничном управлении. Поэтому он и посылает в Пекин одну за другой телеграммы с пометкой "сверхсрочно", не подозревая о том, что они оказываются в ящике письменного стола ответственного чиновника правительства ДВР.

С другой стороны, предписание "вступить в неофициальный контакт" с представителями российских властей, как казалось ему, не означало запрещения ехать в Москву. В конце концов, так и не дождавшись ответа из Пекина, Чжан Сылинь решает действовать на свой страх и риск. 26 августа он в сопровождении должностных лиц ДВР покидает Верхнеудинск и направляется в Москву. О том, что там он в конце концов будет принят главой Советского правительства, он тогда не мог и думать, а тем более - заявлять об этом во всеуслышание.

* * *

В Москве, как и следовало ожидать, Чжан Сылинь встречает теплый прием: НКИД делает все возможное, чтобы посланцы Китая ни в чем не нуждались. Наркоминдел предлагает делегации Пекинского правительства восстановить дипломатические отношения и заключить соглашение между двумя странами. Об этом Чжан Сылинь, неосведомленный о произошедших в Пекине событиях, сообщает уже распущенному Пограничному управлению, а через

него - Министерству иностранных дел²⁹. 20 сентября он посылает еще одну телеграмму, настоятельно советуя МИД воспользоваться благоприятной ситуацией³⁰. А 27 сентября ему вручают официальную ноту Советского правительства - "Вторую декларацию Карахана"³¹. И тут опять с ним происходит что-то на первый взгляд совершенно непонятное: "чем шире делались переговоры, тем более уклончивой становилась позиция Чжан Сылиня"; через три дня после вручения ему декларации он сообщает НКВД о том, что уже ознакомился с экономическим и политическим положением в РСФСР и намерен вернуться в Китай³².

Очередная загадка? Нет, если понять внутренние пружины действий генерала, который волею судеб оказался в роли дипломата, причастного к одному из важнейших событий в истории взаимоотношений Китайской Республики со своим северным соседом.

Внезапное решение Чжан Сылиня покинуть Москву объяснялось просто: установив наконец связь со своими куда-то пропавшими было эмиссарами, Пекинское правительство 23 сентября послало им две телеграммы. "Мы обеспокоены тем, что Вы устали от долгого пребывания за рубежом, - говорилось в первой из них, адресованной Чжан Сылиню. - Немедленно возвращайтесь на родину"³³. Текст второй, направленной Чжу Шаояну, для разнообразия был сформулирован иначе: "Министерство имеет кое-что сообщить Вам, посему немедленно возвращайтесь"³⁴.

Практически одновременно с этим НКВД получает ответ на адресованный МИД КР запрос о статусе миссии Чжан Сылиня. "Мы считали вас полномочным представителем Китайской Республики, - писал по этому поводу Карахан в своей очередной ноте Чжан Сылиню. - Китайское правительство сообщило через Лондон, что у вас никаких полномочий нет и что вам следует возвратиться на родину"³⁵.

В архиве МИД КР сохранился оригинал телеграммы китайскому послу в Лондоне, о которой в данном случае идет речь: "Чжан Сылинь был послан в крайние районы России бывшим Пограничным управлением и не получив соответствующего указания, самовольно направился в Москву"³⁶.

И снова, казалось бы, загадка: вместо того, чтобы прекратить всякие контакты с самозванной делегацией, дезавуированной собственным правительством, НКВД резко повышает уровень, на котором эти контакты осуществлялись. 31 октября в помещении НКВД происходит официальная встреча с Чичериным, устроившим вечером того же дня прием в честь Чжан Сылиня, а 2 ноября его принимает Ленин.

Гипотеза, развиваемая Казаниным, состоит в том, что "с миссией Чжан Сылиня говорили скорее как с миссией культурной, а не дипломатической, как с частью китайской интеллигенции, а не пекинского ведомства"³⁷; "за время переговоров Г.В.Чичерин, по-видимому, оставил надежду на то, что миссия является ведомственной, и пришел к заключению о ее неизмеримо более важном лице - общественном"³⁸, именно поэтому нарком завел в тот день на приеме разговор о древней культуре Китая и о философии Лао-цзы³⁹.

И вновь позволю себе не согласиться с подобным выводом. На мой взгляд, все обстояло как раз наоборот. Для Чичерина в конце концов самым важным было не наличие или отсутствие у делегации верительной грамоты; первостепенное значение имела сама по себе возможность продемонстрировать всему миру, что в столицу РСФСР прибыла миссия из Китая, хотя у руководства НКВД и были некоторые сомнения в ее статусе. Но когда МИД КР предложил делегации покинуть Москву и вернуться на родину, эти сомнения отпали: группу частных лиц, представлявших не правительство, а кого-то

еще, официально отзываться в Пекин не было необходимости. Статус подобных официальных делегаций, уполномоченных на ведение лишь "неофициальных" переговоров, для НКВД в то время несомненно давно уже был секретом Полишинеля. Сообщение Красина из Лондона фактически подтвердило: Чжан Сылинь был послан в Россию Пекинским правительством. Отсюда - максимально высокий уровень проводов делегации, увозившей из Москвы в Китай "Вторую декларацию Карахана". Поэтому, судя по всему, Чичерин вовсе не был удивлен, когда через некоторое время получил через посредство правительства ДВР письмо МИД КР, в котором Чжан Сылинь был назван "представителем Китая в России"⁴⁰.

С какой же целью в таком случае на прощальном приеме в честь Чжан Сылиня руководитель советского дипломатического ведомства говорил не столько о внешней политике, сколько о своем отношении к провозглашенному Лао-цзы принципу недеяния? Наверное, примерно с той же целью, ради которой готовящийся к встрече с генсеком КПСС президент США дает распоряжение своим помощникам составить хронологическую таблицу правления российских императоров, а заодно списать ему в тетрадку несколько русских поговорок. Но Чичерину не нужно было полагаться на референтов - интеллигент с эрудицией, подобной чичеринской, свободно оперировал фактами не только отечественной истории культуры. В свое время молодой советский дипломат Е.Поливанов произвел неизгладимое впечатление на сотрудника китайского посольства тем, что своими изысканными манерами был вовсе не похож на комиссара в кожанке и с кобурой на поясе⁴¹; наверное, для Чичерина важно было продемонстрировать нечто подобное и генералу, который в своей ответной речи обещал правдиво рассказать в Китае о увиденном им в Советской России.

* * *

Теперь, когда мы имеем возможность прояснить многое из казавшегося раньше в поведении Чжан Сылиня странным и даже загадочным, уместно попытаться ответить на вопрос о том, чем же все-таки было вызвано решение МИД КР об отзыве Чжан Сылиня из Москвы⁴².

Первое соображение лежит на поверхности: давление со стороны держав. Именно так объясняют направленный из Пекина приказ Чжан Сылиню возвратиться домой многие советские авторы. Так, в комментариях к публикации официальных документов, связанных с пребыванием Чжан Сылиня в Москве, на этот счет сказано буквально следующее: "Империалистические державы, в первую очередь США и Франция, опасавшиеся сближения Китая с Советской Россией, оказали на пекинские власти прямой нажим, требуя отзыва миссии Чжан Сылиня"⁴³.

Представляется, что данный тезис имеет характер чисто логического соображения. Какими-либо документальными данными он не подтверждается, хотя связанное своим положением члена союзнической коалиции Пекинское правительство действительно опасалось негативной реакции на действия своего эмиссара, не согласованные с общей политикой держав в отношении России. В этом смысле характерна беседа, состоявшаяся в министерстве иностранных дел с французским посланником в Пекине 31 декабря 1920 г.:

"Посланник: Говорят, что генерал-лейтенант Чжан Сылинь уже возвратился в Пекин?

Министр: Так об этом пишут местные газеты.

Посланник: Говорят, что генерал-лейтенант Чжан был послан с миссией в Москву правительством вашей страны?

Министр: Мне об этом ничего не известно"⁴⁴.

Таким образом, даже после возвращения Чжан Сылиня в Пекин дипломатический корпус не располагал достоверными сведениями о полномочиях миссии, а потому не имел возможности оказывать в связи с этим прямой нажим на пекинские власти.

Поэтому, рассматривая вопрос о мотивах, побудивших МИД КР отозвать Чжан Сылиня из Москвы, необходимо принять во внимание те существенные изменения, которые произошли на политическом небосклоне Китая в июле 1920 года. Вслед за военным поражением милитаристской клики Аньфу, отставкой Дуань Цижуя, объявлением розыска Сюй Шучжэна произошла реорганизация правительства. Пост министра иностранных дел, остававшийся вакантным с февраля 1920 года, когда его оставил Лу Чжэнсян (временно исполнявшим обязанности министра в это время был заместитель министра Чэнь Лу), занял Янь Хуйцин. Обладая немалым опытом, он стал занимать гораздо более самостоятельные позиции по сравнению со своим предшественником. Последнее обстоятельство проявилось прежде всего в том, что МИД, наконец, принял решение допустить в Пекин делегацию ДВР во главе с Юриньм и начать с ней переговоры. В том же ряду первых мероприятий нового министра было лишение бывшего посла Кудашева его статуса полномочного представителя России в Китае.

О сдвигах в позиции Пекина относительно большевистского правительства мы можем судить, в частности, и по материалам секретных заседаний созданной при МИД КР специальной комиссии по изучению вопроса о заключении договора с Россией. Приведу в качестве примера выступление председателя этой комиссии 24 августа 1920 г., который следующим образом сформулировал обсуждавшуюся проблему: "Россия, политическое положение в которой меняется с каждым днем, имеет общую с Китаем границу и отношения с ней имеют для нас исключительное значение. По мнению правительства, необходимо срочно выработать на сей счет конкретные соображения... В целом правительство исходит из того, что следует идти на сближение с новой российской властью и дистанцироваться от старой. Это объясняется тем, что новая власть в будущем наверняка сможет одержать верх, а старой будет крайне трудно оправиться от поражения"⁴⁵.

Отозвав Чжан Сылиня, пекинское правительство тем не менее одновременно с этим направило в Москву в качестве своего официального представителя бывшего третьего секретаря посольства Китая Чэнь Гуанпина. Тот получил назначение еще в декабре 1918 года; ему поручалось взять на себя все хлопоты по созданию в Москве генерального консульства КР¹⁶. Однако он выехал к месту службы лишь после того, как усилиями Чжан Сылиня Наркоминдел согласился на предоставление консульским работникам Китая общепризнанных международным правом привилегий.

Тот факт, что Чжан Сылинь был отозван, а его место фактически занял Чэнь Гуанпин, не позволяет согласиться с той точкой зрения, что сделано это было лишь из страха перед державами. Для последних хрен явно был не слаще редьки.

Поэтому объяснение, видимо, надо искать в другом. В сложившейся после июля 1920 года ситуации вновь сформированному кабинету Пекинского правительства было очень важно продемонстрировать свою непричастность к деятельности потерпевшей крах аньфуистской группировки. Судя по всему, не будь Чжан Сылинь послан в Россию Сюй Шучжэном, ему простили бы са-

мовольный выезд в Москву. Но теперь в переписке с Наркоминделом МИД каждый раз подчеркивал, что Чжан Сылинь был эмиссаром уже не существующего правительственного учреждения.

Исторический парадокс, таким образом, заключается в том, что правительство КР, пришедшее к власти после событий июля 1920 года, в большей степени чем его предшественник, было готово сделать шаг навстречу Москве. Но подготовивший для этого почву генерал Чжан Сылинь был ставленником находившегося в розыске Сюй Шучжэна, и в этих условиях МИД счел за благо отозвать Чжан Сылиня из Москвы. По всей видимости это было сделано не потому, что тот вышел за рамки отведенной ему роли и превысил свои полномочия. В конкретной обстановке, сложившейся после падения Дуань Цижуня, Пекинскому правительству, видимо, трудно было поступить иначе. В итоге Чжан Сылинь был отозван буквально накануне решающего сдвига в отношениях Китая и РСФСР; того, что он вполне мог сделать во время пребывания в Москве, потом пришлось ждать еще несколько лет.

* * *

Нам остается попытаться подвести некоторые итоги деятельности миссии, возглавлявшейся Чжан Сылинем.

Вывод Казанина беспощаден: "После двухмесячного пребывания в Москве она уехала, ничего не сделав. Непонятным осталось, чего добивалась миссия и даже добивалась ли она вообще чего-либо. Это и в самом деле был очень странный эпизод"⁴⁷.

Иначе оценивает ситуацию А.Н.Хейфец, отмечавший, что миссия Чжан Сылиня сыграла положительную роль в развитии советско-китайских связей: "Можно считать, что этим было положено начало отношений де-факто между РСФСР и Китаем"⁴⁸.

Несмотря на то, что фактическое начало отношениям де-факто между советским и пекинским правительствами было положено гораздо раньше, еще в начале 1918 года, во время переговоров Вознесенского и Поливанова с представителями посольства Китая в России, все же данная Хейфецем оценка итогов пребывания Чжан Сылиня в Москве кажется мне более справедливой.

На мой взгляд, результаты деятельности Чжан Сылиня могут быть рассмотрены с нескольких различных точек зрения.

Во-первых, он в полной мере проявил свои несомненные аналитические способности, за короткое время собрав и обобщив данные для ответа на главный вопрос - о том, что представляла собой Дальневосточная Республика, каков был характер ее взаимоотношений с РСФСР. Чжан Сылинь оказался совершенно прав, когда подчеркивал, что вступая в сношения с ДВР, Китай фактически имел дело также и с Советской Россией. Поэтому, в частности, во время пребывания в Верхнеудинске и Москве он неоднократно призывал МИД КР принять миссию Юрина и оказать ей гостеприимство. В том, что посланцы ДВР в итоге все-таки добрались до Пекина и в меру своих сил и возможностей сделали шаг к восстановлению нормальных отношений России и Китая, есть также определенная заслуга Чжан Сылиня.

Во-вторых, не прояви он решительности и инициативы в тех сложных условиях, в которых он оказался в Верхнеудинске, его поездка в Москву могла не состояться. А в этом случае Пекинское правительство, быть может, и не получило бы в конце 1920 года "Вторую декларацию Карахана", которая оказала столь значительное воздействие на общественное мнение Китая.

В-третьих, пребывание Чжан Сылиня в Москве и его встречи в НКВД имели своим следствием согласие большевистского правительства на учреждение в Москве и в Сибири консульств Китая. Это согласие не носило характера формального соглашения, как считает Ван Юйцзинь⁴⁹, но оно подготовило почву для прибытия в столицу Советской России китайских консульских сотрудников во главе с Чэнь Гуанпином, которым НКВД гарантировал свободный проезд по территории РСФСР и все права консульского представительства⁵⁰.

В-четвертых, немаловажен был сам по себе факт встречи Чжан Сылиня с Лениным. Некоторые тайваньские авторы, писавшие свои исследования в годы, когда позиция КР в отношении ко всему советскому определялась курсом на "борьбу с коммунизмом и противодействие России", особенно критически оценивают высказывания Чжан Сылиня во время встречи с руководителем Советского правительства. Как сообщала тогда газета "Известия", "благодаря т. Ленину за прием, генерал выразил надежду видеть товарища Ленина президентом мировой республики"⁵¹. Может быть, это было сказано слишком сильно. Не исключено, что формулировка была специально отредактирована⁵². Но в любом случае она была подарком для вождя мировой революции (причем, несравненно более ценным, чем "старинная китайская сабля", преподнесенная ему в дар Чжан Сылинем⁵³) и важным успехом советской дипломатии.

И, наконец, еще об одном. Случилось так, что Чжан Сылинь оказался связующим звеном не только между Москвой и Пекином, но также между Москвой и Кантоном. После возвращения в Китай, раздосадованный столь неудачным для него стечением обстоятельств, генерал некоторое время вынужден был давать еще объяснения по поводу судьбы злополучных вагонов с мукой, пока, наконец, в мае 1921 года ситуация окончательно не прояснилась и обвинения в его адрес были сняты. Но это было, по-видимому, последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Чжан Сылинь вышел в отставку и отправился в Шанхай, где поселился как частное лицо. В беседах с друзьями он рассказывал о своей поездке в Россию; эти сведения заинтересовали Сунь Ятсена. Кто-то из окружения Чжан Сылиня составил для чрезвычайного президента Китая отчет об услышанном, скрывшись за псевдонимом "Чжэн"⁵⁴. Этот документ в своем полном виде никогда не публиковался. Когда он станет достоянием научной общественности, мы получим возможность восстановить еще одну страницу деятельности генерала Чжан Сылиня, попытавшегося сделать для нормализации отношений между Китаем и Россией немного больше, чем ему позволили объективные обстоятельства.

1. Казанин М.И. Миссия генерала Чжан Сылиня в Москву (июнь-ноябрь 1920 г.) // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 49.
2. Там же. - С. 48.
3. Предположение о том, что Чжан Сылинь медлил с отъездом из Верхнеулинска из-за того, что выжидал исхода борьба чжилийской клики с аньфуистами, было высказано министром ДВР Червонным (Шумяцким) в телеграмме Карахану, отправленной 31 июля (см.: Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны. М., 1964. С. 49).
4. Там же.
5. Чжан Сылинь - Пограничному управлению 17 июля 1920 г. // Материалы (Г). С. 67. № 105. - Полное название источника см. ПДВ, 1997, №6.
6. Чэнь Цзуи - Государственному совету 21 августа 1920 г. // Материалы (В). С. 215. № 355.

7. Чжан Сылинь - Пограничному управлению 15 сентября 1920 г. // Материалы (Г). С. 100. № 160. Чжан Сылинь и Чжу Шаоян - Пограничному управлению и Министерству иностранных дел 18 сентября 1920 г. // Там же. С. 99. № 158.
8. Чжан Сылинь - Министерству сухопутных войск 21 сентября 1920 г. // Материалы (В). С. 251. № 406.
9. Цитируется по: Хейфец А.Н. Советско-китайские отношения... С. 38-39.
10. Цюй Цюбо. Вэньцзи. Сочинения. Пекин, 1954. Т. 1. С. 56.
11. Об этой фактической ошибке, связанной с маршрутом миссии, речь уже шла выше.
12. Ван Юйцзинь. Прелюдия дипломатических отношений Китая и Советской России. Тайбэй, 1978.
13. Дата указана неточно.
14. Хейфец А.Н. Советско-китайские отношения... С. 38.
15. Казанин М.И. Миссия... С. 47.
16. Там же. С. 48.
17. Чжан Сылинь - Министерству иностранных дел 24 ноября 1920 г. // Материалы (В). С. 330. № 504.
18. Чжан Сылинь - Пограничному управлению 17 июля 1920 г. // Материалы (Г). С. 67. № 105.
19. Чжу Шаоян - Министерству иностранных дел 19 января 1921 г. // Материалы (Е). С. 37. № 41.
20. Цитируется по тексту статьи Казанина М.И. С. 49.
21. Whiting A.S. Soviet Policies in China 1917-1924. New York, 1954. P. 149, footnote 29.
22. Эта телеграмма Чжан Сылиня, датированная 29 июня, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (быв. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 464, л. 50).
23. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 19.
24. Лю Цзэжун (Лау Сиу-джау). Встречи с великим Лениным // Вопросы истории КПСС. 1960. № 2. С. 193.
25. Чжан Сылинь - Пограничному управлению 12 июля 1920 г. // Материалы (Г). С. 66. № 105.
26. Чжан Сылинь - Министерству иностранных дел 24 ноября 1920 г. // Материалы (В). С. 330. № 504.
27. Чжан Сылинь - Министерству сухопутных войск 21 сентября 1920 г. // Там же. С. 253. № 406.
28. Чжан Сылинь - Министерству сухопутных войск 17 января 1921 г. // Материалы (Е). С. 32. № 34.
29. Чжан Сылинь и Чжу Шаоян - Пограничному управлению и Министерству иностранных дел 18 сентября 1920 г. // Материалы (Г). № 158. С. 99.
30. Чжан Сылинь - Пограничному управлению 15 сентября 1920 г. // Там же. С. 100. № 160.
31. Чжан Сылинь - Министерству иностранных дел 3 октября 1920 г. // Там же. С. 109. № 170.
32. Казанин М.И. Миссия... С. 50.
33. Государственный совет - Чжан Сылиню 23 сентября 1920 г. // Материалы (В). С. 248. № 405.
34. Министерство иностранных дел - Чжу Шаояну 23 сентября 1920 г. // Материалы (В). С. 247. № 405.
35. Цитируется по тексту статьи Казанина М.И. С. 50.
36. Министерство иностранных дел - послу Китая в Великобритании Ши Чжаоцзи 12 октября 1920 г. // Материалы (В). С. 271. № 441.
37. Казанин М.И. Миссия... С. 50.
38. Там же. С. 57.
39. Там же. С. 50.
40. Чжунхуа миньго шиши цзяю. Чжунхуа миньго ши нянь. (Хроника важнейших событий истории Китайской республики. 1921 год). Тайбэй, 1981. С. 114.
41. Ван Юйцзинь. Прелюдия... С. 30.
42. Хейфец А.Н. в свое время высказывал мнение о том, что, в сущности, пекинское правительство отзывало Чжан Сылиня дважды: в первый раз еще в марте, когда тот прибыл в Харбин по пути в Иркутск, во второй раз - из Москвы в сентябре (Хейфец А.Н. Советская Россия... С. 395, 411). Полагаю, что это ошибка. Как я отме-

- чал выше, в марте 1920 года Чжан Сылинь находился в Харбине в качестве уполномоченного Пограничного управления. Именно в этом качестве он и встречался там с Н.И. Горчаковским, обсуждая с ним вопрос о судьбе Хорвата. Назначение на должность военного представителя в России Чжан Сылинь получил позднее - в апреле.
43. Документы внешней политики СССР Т. 3. С. 662., прим. 7.
 44. Запись беседы с послом Франции в Китае 31 декабря 1920 г. // Материалы (В). С. 387. № 563.
 45. Протокол 6-го заседания комиссии по изучению вопроса о заключении договора с Россией 24 августа 1920 г. // Материалы (Д). С. 2. № 5.
 46. Ван Юйцзинь, Прелюдия... С. 217-219.
 47. Казанин М.И. Миссия... С. 47.
 48. Хейфец А.Н. Советская Россия... С. 414.
 49. Ван Юйцзинь, Прелюдия... С. 70.
 50. Карахан - Чжан Сылиню 16 октября 1920 г. // Материалы (Е) С. 33-34. № 34.
 51. Цит. по тексту статьи Казанина М.И. С. 51.
 52. По словам К.Шеридан, присутствовавшей на прощальном приеме в честь Чжан Сылиня, тот даже за банкетным столом держался крайне сдержанно и не проявлял излишних эмоций: "Чичерин выступил с длинной речью. Лицо китайского генерала было неподвижным. После того, как профессор перевел сказанное, генерал отвечал с тем же выражением лица" (Sheridan C. Russian Portraits. London, 1921. P. 169).
 53. 12 ноября Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса была принята "сабля китайская, поднесенная Владимиру Ильичу Ленину" (см.: Хейфец А.Н. Советская Россия... С. 414). Надо полагать, что эта реликвия до сих пор хранится в Музее Ленина. Не исключено, что это та самая сабля, которая в свое время поразила воображение верхнеудинских дипломатов. Подтвердить или опровергнуть данное предположение можно будет лишь после того, как сабля будет обнаружена и изучена, причем решающее значение для окончательных выводов будет несомненно иметь факт наличия или отсутствия на ее блестящих ножнах ставшего знаменитым колесика.
 54. Ли Юньхань. Цун жун гун дао цин дан. (От допущения коммунистов до чистки партии). Тайбэй, 1973.

Поправка: в первой части статьи в ПДВ №6 за 1997 г. на с. 104 вместо газеты "Шэньбао" читать газета "Чэньбао"

О вводе русских военных отрядов в Китай в 1911-1913 гг.

© 1998

Е. Белов

В период Синьхайской революции 1911-1913 гг. царская Россия вводила свои отряды в ряд городов и районов Китая. В отечественной литературе этот вопрос практически не освещен. Историки КНР, издавшие в 60-80-х гг. десятки книг об агрессии царской России в Китае, как правило, преувеличивали численность вводимых в Китай в 1911-1913 гг. русских военных отрядов, а главное, неправильно, на мой взгляд, освещали причины их ввода. Например, они считали, что ввод войск в Синьцзян (Кашгар и Кульджу) и в Монголию (Ургу, Кобдо и Алтайский округ) являлся составной частью агрессивной политики России, имевшей целью захват этих окраинных территорий Китая и присоединение их к России¹. Однако, как свидетельствуют неопубликованные русские архивные документы, это не так. Отряды вводились по иным причинам.

Великие державы - Англия, Франция, США, Германия, Япония и Россия были напуганы вспыхнувшей в октябре 1911 г. Синьхайской революцией. Они боялись, как бы эта революция не лишила их особых прав и привилегий в Китае. Одной из форм давления на революционный Китай являлся ввод войск в стратегически важные пункты этой страны.

Правительства великих держав и их дипломатия обосновывали ввод войск необходимостью защиты своих подданных, дипломатических миссий, консульств и концессий в Китае. Державы, конечно, помнили о движении ихэтуаней в 1899-1900 гг., когда темная и невежественная масса китайской бедноты по призыву средневековых мистических обществ, а потом и Цинского двора, нападала, избивала и убивала иностранцев и выступала за их поголовное изгнание из Китая. И хотя китайские революционеры не выдвигали лозунгов антииностранной борьбы, державы опасались стихийных выступлений китайского населения против иностранцев. Державы также опасались и того, что в районах военных действий между китайскими революционерами и правительственными войсками могли пострадать иностранные подданные.

Однако при всем этом ввод войск был демонстрацией силы иностранных держав перед лицом китайского народа, являлся одним из средств давления на революционный лагерь. Занятие, например, иностранными войсками железной дороги Пекин-Тяньцзинь-Шанхайгуань было прямо направлено на недопущение сюда революционных войск и создание плацдарма на случай оккупации столичной провинции Чжили (Хэбэй). В ноябре-декабре 1911 г. эту дорогу заняли японские, американские, английские, германские, французские

и русские войска. Согласно сведениям, полученным российским консулом в Тяньцзине А.П.Кристи, в провинции Чжили на начало 1912 г. находилось 2825 английских солдат и офицеров с 13 пулеметами и 4 орудиями, 2475 японских с 14 пулеметами и 4 орудиями, 1255 французских, 797 американских и 439 германских военнослужащих². Русский отряд в Тяньцзине насчитывал 594 солдата с 10 офицерами³. Как и другие державы, Россия ввела в Пекин (для охраны своей миссии) военный отряд, состоящий из одной роты⁴. Таким образом, в провинции Чжили находилось около 800 русских военнослужащих, т.е. примерно столько же, сколько и американских⁵.

В Центральном и Южном Китае Россия имела небольшие экономические и политические интересы. Здесь преобладали интересы Англии, Японии, Франции и США. После начала китайской революции эти державы направили в различные порты на р.Янцзы десятки военных судов⁶. В Шанхае на территории международного селтельмента было расквартировано свыше 3 тыс. иностранных солдат с 10 орудиями⁷.

Россия в 1911 г. имела в Центральном и Южном Китае только одну концессию - в Ханькоу, которую охраняла в период революции одна канонерская лодка и введенный туда военный отряд из 248 солдат⁸. Других русских военных отрядов и военных судов в Центральном и Южном Китае не было.

В первые месяцы Синьхайской революции царское правительство пыталось проводить во Внутреннем (Северном, Центральном и Южном) Китае политику, отличную от политики других великих держав. Оно было не прочь наладить "дружественные отношения" с революционными властями Центрального и Южного Китая⁹. Руководители царской дипломатии считали, что "распадение" Внутреннего Китая в интересах России, что оно будет "отвлекать" внимание пекинского правительства от положения дел к "северу от Великой стены", т.е. в сферах русского влияния в Китае.

Однако выход на политическую арену Китая "сильной личности" - генерала Юань Шикая, на которого делали ставку США, Англия, Франция и Германия, заставили царское правительство отказаться от установления "дружественных отношений" с революционным лагерем и вслед за своими союзниками по Антанте (Англия и Франция) начать поддерживать будущего диктатора Китая.

В своих сферах влияния в Китае - Северной Маньчжурии, Северной и Западной Монголии и Синьцзяне - царская Россия в период Синьхайской революции стремилась укрепить позиции.

Согласно Портсмутскому договору 1905 г., КВЖД, протяженностью 1.618 верст, охранялась русскими войсками. Царское правительство могло иметь в зоне дороги 21 тыс. армейских солдат и офицеров, а также железнодорожные войска. Как и до Синьхайской революции, в 1911-1913 гг. в полосе КВЖД находились армейский корпус, насчитывавший 21 тыс. военнослужащих, и железнодорожная бригада численностью 7.890 человек¹⁰. Революцию Маньчжурия пережила относительно спокойно, поэтому у царского правительства не было ни причин, ни предлогов вводить на территорию Маньчжурии дополнительные войска. Правда, между Петербургом и Токио в 1911-1912 гг. шли секретные переговоры об аннексии Россией Северной Маньчжурии и Японией Южной Маньчжурии, но они окончились безрезультатно¹¹. Уже в то время японская военщина вынашивала замыслы захватить всю Маньчжурию - Южную и Северную - самостоятельно, без участия России.

Синьхайская революция распространилась на Синьцзян позже, чем на другие провинции Китая. В январе 1912 г. революционеры свергли маньчжуро-цинскую власть в Илийском (Кульджинском) крае. Маньчжурский гене-

рал-губернатор Синьцзяна Юань Дахуа двинул из Урумчи войска в Илийский край. Началась гражданская война, длившаяся несколько месяцев. Российский консул в г. Кульдже А.Дьяков считал, что в крае может наступить анархия, в результате которой пострадают русские подданные. Поэтому он просил царские власти усилить конвой в Кульдже. Царское правительство пошло навстречу просьбе консула и в мае 1912 г. ввело в Кульджу около двух сотен солдат и офицеров¹².

В мае 1912 г. царский консул в г. Кашгаре С.Соков слал тревожные телеграммы в МИД России, в которых сообщал о напряженной обстановке в этой части Синьцзяна, происходивших там грабежах и просил прислать в Кашгар "для защиты русских подданных и Консульства по крайней мере двух сотен казаков и одной роты с пулеметами"¹³. В июне 1912 г. Туркестанским генерал-губернатором А.В.Самсоновым по приказу из Петербурга в Кашгар были направлены 300 казаков и две роты пехоты с 3 пулеметами¹⁴.

Ввод русских отрядов в Северную Монголию (Халху) и Западную Монголию (Кобдоский и Алтайский округа) был вызван иными причинами.

Летом 1911 г. вспыхнуло национально-освободительное движение монголов. В декабре того же года халхаские ханы, князья и высшие ламы провозгласили независимость Монголии от Китая и избрали ее Великим ханом ургинского Богдо-гэгэна Джебцзун-Дамба-хутухту. В борьбе с Китаем они просили помощи у России. Царское правительство оказало дипломатическую, военную и финансовую поддержку монголам. В оказании помощи оно исходило не из альтруистических побуждений, а из национальных интересов России. Замысел царской дипломатии состоял в том, чтобы из Внешней Монголии (Халха и Кобдоский округ) создать буферное государство вдоль своей границы в Сибири, не допуская в него ни китайских колонистов, ни китайских войск. В этом вопросе национальные интересы России и внешних монголов совпадали. По другим вопросам - независимости Монголии и создании великомонгольского государства, в которое вошли бы все проживавшие в Китае монгольские племена, - интересы Петербурга и Урги расходились. Царское правительство выступило против создания независимой Внешней Монголии, но за предоставление ей широкой автономии в составе Китая. Петербург также выступал против присоединения к Халхе Внутренней Монголии, области Барга и некоторых других территорий Китая, населенных монголами.

По тайной просьбе монгольской верхушки царское правительство в сентябре 1911 г. ввело в Ургу отряд в составе 204 казаков с двумя пулеметами¹⁵. Формально отряд вводился для усиления российского консульского конвоя, а фактически для оказания давления на Китай. В это время царская дипломатия требовала от Пекина не проводить реформ в Халхе, прежде всего не посылать туда китайских (ханьских) колонистов. Конечно, это была и косвенная поддержка монгольских светских и духовных феодалов, настроившихся на борьбу с Китаем. В октябре-декабре 1911 г., т.е. накануне и в период провозглашения независимости Монголии, Россия не вводила в Халху никаких отрядов¹⁶.

3 ноября 1912 г. было подписано русско-монгольское соглашение, по которому Внешняя Монголия прекращала "прежние отношения" с Китаем, получала широкую автономию, имела право "содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации земель китайцами"¹⁷. Соглашение вызвало в Китае бурю недовольства, в стране началось широкое антирусское движение, раздавались призывы к войне с Россией из-за Внешней Монголии¹⁸. Царское правительство решило укрепить военное положение Внешней Монголии и ввело по просьбе ее правительства

еще 4 сотни казаков в Ургу и Улясутай. Таким образом, к концу 1912 г. в Халхе находился русский отряд из 6 сотен¹⁹. Ее безопасность была укреплена.

Однако Пекин полностью не отказался от применения силовых методов в отношении Внешней Монголии. Он сосредоточил большую военную группировку в Шарасумэ - административном центре Алтайского округа и в урочище Цаган-Тункэ на границе Кобдоского и Алтайского округов. Она насчитывала около 6 тыс. пехотинцев и кавалеристов²⁰. Сосредоточение китайских войск в Цаган-Тункэ и Шарасумэ царское правительство расценило как военную угрозу для Кобдо. 25 февраля 1912 г. состоялось Особое совещание Совета министров России, на котором обсуждалось положение в Западной Монголии и было решено направить военные отряды в Кобдо и Алтайский округ²¹. Весной 1913 г. в Кобдо были введены две с половиной сотни казаков с двумя пулеметами²². Осенью 1913 г. царское правительство ввело Алтайский округ, главным образом в г.Шарасумэ, 4 роты пехоты, 3 с половиной сотни казаков с двумя пулеметами и двумя орудиями²³.

Россия вела длительное противоборство с Китаем за то, чтобы последний предоставил широкую автономию Внешней Монголии. 5 ноября 1913 г. была подписана русско-китайская декларация о Монголии, по которой пекинское правительство согласилось с требованиями царского правительства не вводить во Внешнюю Монголию китайские войска, не колонизировать ее земель ханьцами и не учреждать в ней китайской администрации.

Царское правительство было довольно этой декларацией, ибо Пекин пошел на большие уступки России в монгольском вопросе. Министр иностранных дел С.Д.Сазонов, с санкции Николая II, решил сделать жест доброй воли в отношении Китая. Он предложил всем державам вывести свои войска из провинции Чжили. Китайское правительство расценило это как дружественный акт в отношении своей страны. Иностранные державы, хоть и нехотя, согласились с предложением С.Д.Сазонова. Россия вывела свои военные отряды из Пекина и Тяньцзиня в феврале-марте 1914 г., а из Ханькоу в сентябре того же года. До этого, в связи с нормализацией обстановки в Южном Синьцзяне, царское правительство в октябре 1913 г. вывело русский отряд из Кашгара. Из Кульджи все 200 казаков были выведены в октябре 1914 г.

Из Монголии, однако, царское правительство пока не собиралось вывести свои войска²⁴. Дело в том, что предстояли тройственные русско-китайско-монгольские переговоры о статусе Внешней Монголии. С.Д.Сазонов считал, что пребывание русских войск явится средством давления на Китай в период переговоров²⁵, которые проходили в Кяхте с 8 сентября 1914 г. до 7 июня 1915 г., и в результате которых было подписано тройственное соглашение о Внешней Монголии. В основу соглашения легли русско-монгольское соглашение 1912 г. и русско-китайская декларация 1913 г. Внешняя Монголия получила широкую автономию под сюзеренитетом Китая. В Кяхтинском соглашении монгольская проблема нашла свое временное разрешение. Теперь перед правительством России встал вопрос о выводе военных отрядов из Монголии. Осенью 1915 г. царское правительство вывело отряды из Урги и Улясутая, но оставило небольшой отряд в Кобдо. По этому поводу С.Д.Сазонов 15 октября 1915 г. писал военному министру А.А.Поливанову: "Что касается нашего отряда в Кобдо, то в виду происходящего в Кобдоском и Алтайском округах брожения, присутствие названного отряда в Кобдо продолжает быть необходимым, как для защиты там русских, так и для предупреждения попыток китайских властей Синьцзянской провинции²⁶ вернуть под власть Китайского Правительства населяющие Кобдоский округ народности."²⁷

В Кобдо остался отряд в полторы сотни (в 1915 и 1916 гг. две полусотни оттуда были направлены в Урянхайский край - Туву). Из Алтайского округа и Кобдо военные отряды были выведены в пределы России после февральской революции 1917 г. по решению Временного правительства²⁴.

Итак, в 1911-1913 гг. царская Россия вводила свои военные отряды в Пекин, Тяньцзинь, Ханькоу, Кульджу, Кашгар, Ургу, Кобдо, Улясутай и китайский Алтай. Причины ввода были различные. Ввод отрядов не имел цели захватывать, аннексировать те или иные территории Китая. Однако царская Россия явно стремилась к укреплению позиций в своих зонах влияния. Ввод русских войск в Северную и Западную Монголию был обусловлен и поддержкой национально-освободительного движения монголов.

1. См. напр.: История агрессии царской России в Северо-Западных районах Китая. - Пекин, 1979. С. 369, 421, 424; Фу Суньмин и др. Очерки истории агрессии царской России против Китая. Чанчунь, 1982. С. 376, 378, 380, 392, 411 (на кит. яз.).
2. Архив Внешней политики Российской Империи (АВПРИ), ф. Китайский стол, д. 302, с. 249-255.
3. Там же, л. 231.
4. Там же, д. 96, л. 145.
5. Историки КНР в своих работах 60-80-х гг. писали, что Россия в 1911 г. ввела в провинцию Чжили 1500 солдат. Причем, они не указывали численности войск других держав, подводя, таким образом, китайского читателя к той мысли, что самой агрессивной державой в отношении Китая была царская Россия. Но это было совсем не так. Численность японских или английских войск, введенных в столичную провинцию Китая, значительно превышала численность русских военных отрядов. Инициатором ввода иностранных войск в Северный Китай была Япония. Как показывают русские архивные документы, Япония предлагала России и Англии оккупировать иностранными войсками эту часть Китая. Но Россия и Англия отклонили это предложение японцев. В период Синьхайской революции хищнические агрессивные аппетиты японской военщины в отношении Китая проявились довольно отчетливо. Российский посланник в Пекине В.Н.Крупенский в июне 1912 г. доносил в Петербург, что "заветной мечтой" Японии являлось "подчинение Китая всецело ее влиянию и обращение его в орудие достижения ее целей" (АВПРИ, ф. Кит. Стол, д. 136, л. 225). А цели японских правящих кругов, как впоследствии выяснилось, состояли в том, чтобы захватить не только Китай, но и всю Азию.
6. В середине ноября 1911 г. в водах Китая, главным образом на Янцзы, находилось 51 иностранное военное судно с личным составом в 19 тыс. человек.
7. АВПРИ, ф. Кит. Стол, д. 355, л. 65.
8. Там же, д. 1824, л. 12. Японская, английская, французская и германская концессии в Ханькоу охранялись военными отрядами и кораблями этих держав. Автор не располагает данными об их численности.
9. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878-1917. Серия 2. т. 19, ч. 1, с. 198-199.
10. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, д. 7759, л. 24.
11. Там же, д. 4071, л. 25-33; д. 7765, л. 131-132; АВПРИ, ф. Кит. Стол, д. 95, л. 84; ф. Миссия в Пекине, д. 1164, л. 69-70; Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 323, д. 744, л. 282-284, 291. Инициативы секретных переговоров о Маньчжурии исходили от царской дипломатии.
12. РГВИА, ф. 2000, д. 3669, л. 62.
13. РГИА, ф. 561, д. 569, л. 49.
14. РГВИА, ф. 2000, д. 3669, л. 65. Подробнее о вводе русских отрядов в Кульджу и Кашгар см.: Е.Белов. К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911-1913) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2.
15. АВПРИ, ф. Канцелярия Министра, д. 162, л. 165.
16. Гоминьдановские историки и историки КНР в работах, затрагивающих монгольский вопрос, писали, что царская Россия в ноябре 1911 г. ввела в Ургу 800 солдат. Это

- ошибка, если не вымысел. В то же время китайские историки преуменьшают численность китайского гарнизона, находившегося в Урге в конце 1911 г. Они называют цифру 150 человек, на самом же деле в Урге находилось 350 китайских солдат. Преуменьшая численность китайского гарнизона и преувеличивая численность русского отряда в Урге на конец 1911 г., историки КНР пытались обосновать свой, мягко говоря, неточный тезис о том, что "независимость Внешней Монголии была целиком и полностью сотворена империалистами царской России" (Очерки истории агрессии царской России против Китая, с. 438).
17. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. - 2 ноября 1913 г.), СПб., 1914, с. 26-30.
 18. Подробнее см.: Е.Белов. Реакция в Китае на русско-монгольское соглашение 1912 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4.
 19. АВПРИ. ф. Миссия в Пекине, д. 319, л. 290; ф. Кит. Стол, д. 1818, л. 3, 7. Сотни имели 4 пулемета и 2 орудия.
 20. РГВИА, ф. 2000, д. 7670, л. 228.
 21. Там же, д. 3611, л. 164.
 22. Там же, д. 7780, л. 26. В ноябре и декабре 1912 г. ургинское правительство неоднократно ставило перед царским правительством вопрос о вводе русских войск в Халху и Кобдоский округ.
 23. Там же, л. 26. Рота в царской армии накануне 1-й мировой войны состояла из 220-250 солдат, унтер-офицеров и офицеров. Стало быть, русский отряд в Алтайском округе насчитывал свыше одной тысячи человек.
 24. В "Истории Монгольской Народной Республики" (М., 1983) говорится: "Весной 1914 г. ушли из Внешней Монголии русские войска" (с. 275). Это ошибка. Русские военные отряды начали выводиться из Внешней Монголии после подписания в 1915 г. Кяхтинского соглашения.
 25. РГВИА, ф. 2000, д. 3975, л. 145.
 26. В Алтайский округ китайские войска посылались из Синьцзяна.
 27. РГВИА, ф. 2000, л. 7784, л. 22.
 28. Там же, д. 7782, л. 195. При выводе отряда из Алтайского округа консульский конвой в Шарасумэ был усилен двумя сотнями из этого отряда.

Документы, архивы

История Кореи конца XIX - начала XX вв. по русским архивным источникам

© 1998

Г.Тягай

Окончание. Начало: ПДВ. 1997. № 6.

Документы русских архивов об отношениях Кореи и России содержат богатейшие материалы. Мы попытаемся показать хотя бы их основные направления. Договор между этими странами был подписан 7 июля 1884 г., но уже в 1885 г. корейское правительство обратилось к России с просьбой установить режим протектората. Подобная позиция корейского правительства объясняется желанием обезопасить страну от наступления Японии на независимость, верой в Россию. Из Сеула 9 декабря 1886 г. К.И.Вебер сообщал в Петербург, что "он воздерживается от какого-либо проявления инициативы по вопросу... об установлении протектората над Кореей"¹.

В следующем донесении приводилось "секретное сообщение вана Коджона Веберу": "Я надеюсь, - писал король, - что Ваше Государство отрядит русские военные суда на помощь". Ван Коджон имел ввиду вторжение японских военных сил после антияпонского восстания в Сеуле в 1884 г. и "выражал надежду на укрепление дружбы между Россией и Кореей"².

Правительство России, не желало обострять отношения на Дальнем Востоке. В то же время Вебер неоднократно заявлял в беседах с японскими дипломатами, что "правительство его (России - Г.Т.) одобряет принцип самостоятельности Кореи"³. Те же мысли высказал русский посланник в Токио Д.Е.Шевич в беседе с министром иностранных дел Японии Иноуэ Каору: "Правительство России твердо проводит политику, утверждающую независимость и самостоятельность Кореи"⁴. Русские дипломаты на Дальнем Востоке - в Корею, Японию, Китае неоднократно обсуждали политические акции правительства микадо на корейском полуострове. По их мнению, "Япония намерена вступить ныне на путь деятельной политики вмешательства в корейские дела"⁵, - читаем в донесении посланника в Токио 11/27 марта 1890 г.

И действительно, планы вторжения Японии в Корею и укрепления там политических и экономических позиций приближались к исполнению.

В Корее японские власти после победы в японо-китайской войне установили военно-полицейский режим, создали прояпонское правительство, провозгласили ряд указов, направленных на японизацию корейцев. Запрещались национальные мужские прически, одежда, курение трубок.

Жена вана Коджона - Мин Мёнсон, вокруг которой группировались антияпонски настроенные чиновники, была зверски убита японцами.

В стране поднялась волна антияпонских выступлений. В этой обстановке 11 февраля 1896 г. ван Коджон бежал в русскую миссию.

В одной из телеграмм в Петербург из русской миссии говорилось: "Король просит помощи русских для восстановления своей власти. Народ и лучшие люди с ним... Японии гнет ненавистен всем. Волнения повсеместны"⁶. "Население Сеула после перехода короля в русскую миссию выступило против японских ставленников. Толпа простого народа... на базарной площади обезглавила двух прояпонских министров"⁷.

Политические позиции Японии были серьезно подорваны. Одновременно значительно возросло влияние России, правительство которой считало необходимым в целях гарантии собственных границ упрочить свое положение в соседнем государстве, попытаться вытеснить оттуда Японию. В Корею стали прибывать русские купцы, предприниматели, советники. Архивы содержат разнообразные материалы по этой теме.

26 августа 1896 г. русский купец Бриннер заключил контракт на лесозаготовки в районах рек Туманган и Амноккан. В апреле 1898 г. Нищенский получил концессию на 15 лет на разработку золотых россыпей в двух уездах провинции Хамгён. Предприниматель Кайзерлинг основал китобойную станцию у восточного побережья Кореи⁸.

Архивы раскрывают картину борьбы держав против укрепления России в Корее. 20 февраля 1897 г. под давлением Японии, Англии, США Коджон возвратился во дворец. Однако Россия все же вела подготовку к открытию русско-корейского банка в Сеуле. Этой теме посвящены многочисленные архивные документы. Предварительно для подготовки открытия банка в Сеул в сентябре 1897 г. прибыл русский финансовый агент К.А.Алексеев, который должен был быть назначен на пост главного советника министерства финансов Кореи, что также вызвало протесты всех иностранных держав. В то же время ван Коджон в беседе с Алексеевым заявил, что видит в его приезде новое доказательство симпатии России и надеется на "серьезную поддержку в делах министерства финансов, двора, военного"⁹.

В сложившейся обстановке правительство России согласилось на подписание русско-японского договора, так как не хотело обострять отношений ни с Японией, ни с США, ни с Англией, который крайне враждебно отнеслись к усилению ее позиций в соседнем государстве. 14 мая 1896 г. был подписан первый русско-японский меморандум, по которому Япония признавала правительство Кореи, созданное во время пребывания Коджона в русской миссии, и соглашалась на совместное с Россией "преподание" советов вану. Особое значение имел пункт об ограничении численности японских войск в Корее до двух рот в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане. Россия получила право содержать там охрану такой же численности. Большая часть японских войск выводилась из Кореи, что означало прекращение военно-оккупационного режима.

Успех царской дипломатии закрепил протокол от 9 июня 1896 г., по которому устанавливалось юридическое равенство сторон вместо монопольного господства Японии.

Усиление позиций России вызвало противодействие Англии, США и других держав, начавших кампанию против роста ее влияния в этой стране.

В 1896-1898 гг. в Корею активно действовали культурно-просветительные организации во главе с Обществом Независимости (Тоннип Хёлхве). Японские, английские, американские дипломаты внушали членам Общества Независимости, что основная опасность суверенному корейскому государству исходит от России, и достигли успеха. Об этом речь пойдет ниже. Скажем только, что К.А.Алексеев был отозван в Петербург. В 1901 г. прекратил существование русско-корейский банк, хотя фактически уже не действовал с 1899 г.

Япония, европейские державы, США требовали запрета на все русские концессии и прочие русско-корейские контакты. Обстановка была столь серьезна, что из сеульской миссии в МИД России было послано донесение с предложением в ответ на создание антирусской коалиции держав и фактическое подчинение правительства "занять северные провинции Кореи по линии Гензан-Пхеньян нашими войсками". Однако министр иностранных дел России М.Н.Муравьев 4 марта 1898 г. телеграфировал в русскую миссию в Сеуле: "...спускать флаг и занимать северные провинции не входит в виды нашего августейшего монарха. Мы должны поддерживать хорошие отношения с Кореей, пока она сумеет ограждать свою независимость от иноземных посягательств"¹⁰.

В эти же годы, конец XIX - начало XX вв., Россия стремилась насаждать в соседнем государстве собственные духовно-нравственные ценности. Еще в 1895 г. директор русско-китайского банка Д.Д.Покотилов после посещения Сеула писал в Петербург о необходимости учреждения "русской православной духовной миссии... Русская церковь здесь безусловно необходима"¹¹. Несомненно, что русская православная церковь, кроме духовных функций, должна была отвлечь корейское население от миссионеров-протестантов, католиков, чья деятельность была весьма активна. Первая православная церковь была торжественно освящена в феврале 1900 г., и с этого дня начались регулярные богослужения. Переводчиками стали корейцы-русскоподданные.

Среди корейского населения рос интерес к России, к русскому языку. В первой русской школе в 1898 г. обучалось 98 учеников¹². В порту Вонсан (Гензан - Г.Т.) одновременно молодой кореец открыл русскую школу. Представитель России в том городе Лаврентьев писал: "Подобное явление суть практическое доказательство потребности знакомства с русским языком, существующей в северной Кореи"¹³. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что "король и корейские министры неоднократно обращались о разрешении послать своих юношей в Россию" на учебу "в специальные заведения". В 1897 г. был отправлен один выпускник, а в 1903 г. - восемь юношей отбыли в Курское реальное училище, Нижегородский корпус, Чугуевское инженерное училище¹⁴. Специальным указом Николая II было учреждено 10 казенных стипендий для обучения корейцев при Хабаровском и Сибирском военных корпусах. Русско-японская война, а затем установление режима протектората Японии прервали экономические, политические и культурные контакты двух соседних государств. Еще до установления протектората император Коджон обращался к правительству России с просьбой разрешить "в минуту опасности... переправиться в пределы России". Русский генеральный консул в Сеуле А.И.Павлов, в соответствии с мнением МИД России, пытался отговорить Коджона от подобного шага, так как "это обострит положение, вызовет народное волнение, послужит Японии оправданием к вмешательству"¹⁵.

Япония продолжала наступать, и правительство Кореи сделало в январе 1904 г. заявление о нейтралитете в ходе возникших между Россией и Японией разногласий. Одновременно Коджон через А.И.Павлова просил пере-

дать министру иностранных дел России: "что он твердо решил в случае фактического разрыва между Россией и Японией сослаться на явное уже нарушение последней нейтралитета Кореи и открыто объявить себя союзником России"¹⁶. Но, как известно, события развивались по иному плану. Япония выиграла русско-японскую войну и, как уже отмечалось, установила режим протектората. Г.А.Плансон - генконсул России в Корее - сообщал из Сеула 26 августа 1906 г.: "Несмотря на непоколебимую твердость, с которой японцы установили свой протекторат в Корее..., а также на полное равнодушие держав ко всему, что творится на полуострове и, следовательно, на явную бесполезность ожидать от кого-либо помощи, в сердцах корейских патриотов и самого императора не утасла еще надежда на достижение независимости и на помощь в этом отношении России." Спасение Кореи Коджон видел в своем бегстве в Россию. В донесении от 21 ноября 1908 г. русский агент министерства финансов в Китае сообщал послу в Токио о планах вновь замышляемого бегства императора в Россию.

Коджон еще в июле 1907 г. был смещен колонизаторами с престола. Однако он не переставал уповать на помощь России и в 1910 г. писал Николаю II, предсказав судьбу родины. "Японцы обращаются с Кореей как со страной, находящейся под их протекторатом, и даже не как с завоеванной колонией, но как с порабощенной страной... я и народ мой живем надеждой, что настанет день, когда Вы освободите нас от ненавистного ига. Ныне приближается час полного поглощения Кореи"¹⁷.

22 августа 1910 г. Япония аннексировала Корею. В годы протектората, а затем аннексии Япония проводила политику "японизации", "ассимиляции" корейцев.

Японская политика "японизации" корейцев потерпела полный провал.

На территории Кореи ныне существуют два независимых государства - КНДР и Республика Корея. Их созданию предшествовала многолетняя борьба корейского народа за национальную независимость.

Однако, прежде чем перейти к этой новой теме, необходимо напомнить читателю, что с конца XVIII в. в Корее, изолированной от внешнего мира, начало распространяться христианство - западная вера. Первыми крещеными корейцами были члены миссий в Китае. Христианская вера, проповедовавшая равенство между всеми членами общества, привлекала различные слои населения от чиновников до крестьян и быстро распространялась в изолированной от внешних контактов стране. Корейское правительство строжайше преследовало христиан и проникших в страну французских миссионеров, проводило аресты, репрессии, в 1839 г. казнило французских миссионеров. В ответ правительство Франции направило в Корею военную экспедицию. Сведения о намерениях французам мы узнаем из посланий русских дипломатов из Пекина. Так, А.Е.Влангали, российский посланник в Китае, подробно сообщал о подготовке к отправке экспедиции французам в Корею. К сожалению, невозможно в краткой статье привести достаточно архивных материалов как по событиям, связанным с вторжением интервентов в Корею и затем их изгнанием, так и о столь же позорном изгнании американской эскадры в 1871 г. Поэтому сошлемся на работы, написанные на основании этих источников¹⁸.

Влангали в своих донесениях комментировал действия французского адмирала Роза в Корее как "хвастовство" и "они (французы - Г.Т.) ушли из Кореи с Канхва (остров - Г.Т.), разорив все публичные здания и соседние укрепления".

В 1871 г. в Корею вторглась военная экспедиция США. Однако "американцы во главе с Роджерсом (адмиралом - Г.Т.) не чувствовали себя

достаточно сильными, чтобы углубиться внутрь страны и были вынуждены покинуть Корею безрезультатно"¹⁹. Многочисленные попытки отдельных американских судов проникнуть в эту страну характеризовались иностранными дипломатами как "авантюры, которые ложатся пятном на всех европейцев". В корейском народе существовало еще со времен вторжения японцев в конце XVI в. опасение перед появлением иностранцев в стране.

После "открытия" страны в 1876 г. и прибытия многочисленных иностранных - японских, английских, американских и прочих купцов, предпринимателей, после их вторжения в экономические традиции корейского общества ухудшилось положение крестьян, ремесленников, торговцев, купцов. В ответ по всей стране начались народные антииностранные волнения. Наиболее крупное произошло в 1879 г. в г. Тоннэ близ порта Пусан, откуда жители изгнали японцев. Рыбаки поднимали бунты против японских рыбаков, прочие выступали против иностранных владельцев золотых приисков.

Народные волнения против иностранного вторжения и гнета местных властей приняли столь серьезные формы, что Коджон издал указ 31 марта 1893 г., в котором предписывал уголовной палате в Сеуле, а также в провинциях начальникам местных военных управлений принять строгие меры для восстановления порядка. Текст указа приведен в донесении русского посланника в Корею П.И.Дмитриевского. Одновременно по всей стране наблюдались антимиссионерские выступления.

В конце 80-х гг. и, главным образом, в начале 90-х гг. народное движение развивалось под лозунгами национальной религии тонхак (восточное учение). Уравнительные идеи тонхак привлекали в его ряды неимущие слои населения. В 1894 г. началось общекорейское крестьянское восстание, явившееся выражением антииностранных и антипомещичьих, античиновничьих настроений. Лозунги тонхак сплотили повстанцев. В русских архивах хранятся донесения о событиях, связанных с этим восстанием. О настроениях всего населения страны ярко свидетельствует сообщение Н.К.Вебера: "После падения Пхеньяна под тонхак следует теперь подразумевать всех недовольных существующими порядками". Один кореец на вопрос о количестве тонхаков в Сеуле ответил: "Кто теперь не тонхак"²⁰.

Восстание было подавлено силами правительственных, китайских и японских войск. Оно оказало серьезное воздействие на формирование и дальнейшее развитие освободительной мысли, народных движений за национальную независимость.

После победы Японии в японо-китайской войне, как мы уже отмечали, в стране был создан японский военно-полицейский режим, что привело к нарастанию партизанского движения.

В конце 1895 г., по сообщению А.Н.Шпейера, в Сеуле насчитывалось около тысячи японских солдат. "Район Пусан-Инчхон был превращен в военный лагерь". С повстанцами соединялись различные социальные слои населения. "Правительство послало в Чунчон (провинция Чхунчхон - Г.Т.) 550 человек... 10 января 1896 г. король сообщил, что повстанцы завладели правительственными складами в 50 верстах от столицы и захватили несколько тысяч фунтов пороха"²¹.

Перевод секретной записки вана Коджона от 21 января 1896 г., хранящийся в архиве РГИА гласил: "Король сообщал в русскую миссию, что изменение прически (навязанное японцами корейцам - Г.Т.) вызвало повсюду восстания"²².

Одновременно в стране набирало силы рабочее движение на шахтах, приисках, на строительстве железных дорог, как правило принадлежавших иностранным предпринимателям-японцам, американцам, англичанам и русским.

Корейские купцы, торговцы, владельцы фабрик стремились противостоять захвату отечественной экономики иностранцами. Так, в конце XIX в. сеульские купцы основали свое общество.

В архивах имеются материалы о том, что в начале XX в. национально-освободительная борьба корейских партизан приняла характер совместных действий с китайскими повстанцами Общества Ихэтуань, которые перешли границу. К 1901 г. в северных провинциях Кореи было около 3-х тысяч китайских партизан.

В РГИА многочисленные сведения раскрывают картины жизни корейцев, переселившихся на Дальний Восток. Многие из них принимали активное участие в борьбе за независимость родины.

Русский консул доносил из Сеула: "Главный контингент действующих в Северной Корее инсургентских отрядов составляют корейцы, связанные с корейцами, проживающими в Приморье"²³.

Одна из важнейших тем, которая также раскрывается в русских архивах - это история развития корейской освободительной мысли, пропагандируемая различными просветительскими обществами.

Прежде чем перейти к краткому изложению архивных богатств, которыми мы располагаем, необходимо отметить, что истоки освободительной мысли уходят в глубь веков в сочинениях конфуцианских мыслителей XIV-XVI вв., ученых, создавших движение сирхак (за реальные знания) - XVI - первая половина XIX в. Пафос их освободительной мысли был направлен против государства - сюзерена Китая, насаждавшего в Корее собственную культуру, язык, традиции.

В 70-80-х гг. XIX в. в прогрессивно настроенных слоях корейского чиновничества возникло движение за реформы кэхва ундон, которое развивало идеи сирхак в новой международной и внутривосточной обстановке. Лидеры кэхва ундон выступали за реформы, за создание буржуазного конституционно-монархического государства, но были разгромлены правительственными и китайскими войсками.

В архивах имеются документы, свидетельствующие о контактах лидера Кэхва ундон Ким Оккюна с русским посланником в Японии А.П.Давыдовым, о надеждах на поддержку России.

После разгрома движения кэхва ундон в 1896 г. возникло Общество Независимости (Тоннип Хёпхве). В обстановке, охватившей страну после японо-китайской войны и полицейского режима, установленного правительством микадо, народных волнений, Общество Независимости открыло свои отделения во многих провинциях. Там шли постоянно митинги, демонстрации, направляли петиции во дворец с требованием создания конституционно-монархической системы, демократических свобод слова, собраний. Об этом подробно сообщали С.Ю.Витте из русской миссии²⁴.

Борясь за национальную независимость, идеологи Тоннип Хёпхве добились отмены указа Коджона о выдаче иностранцам концессий на строительство железных дорог, а также разработку недр.

Архивы Москвы и Санкт-Петербурга хранят материалы и о противодействии консервативно настроенного чиновничества, ориентированного на Китай и выступавшего против Общества Независимости. С этой целью они создали Общество Кореи (Хангук хёпхве).

Иностранные представители в Корее также были напуганы размахом деятельности, народными симпатиями в отношении Общества Независимости и приняли участие в подавлении народных митингов. Они стремились направить антииностранные выступления против России²⁵.

1. АВПРИ, Яп. ст, д 1, л. 46.
2. Там же, л. 117.
3. Там же, л. 248.
4. Там же, л. 269.
5. АВПРИ, Яп. ст, д 2, л. 315-318.
6. АВПРИ, Яп. ст, д 5, л. 59, Секретная телеграмма Хитрово, Токио, 21 января 1896 г.
7. АВПРИ, Яп. ст, д 5, л. 29.
8. РГИА, ф. 560, оп. 28, ед. хр. 21, л. 92.
9. Б.Б.Глинский. Пролог русско-японской войны, СПб, 1916, с. 64, Из архивов С.Ю.Вигге.
10. РГИА, ф. 560, оп. 28, ед. хр. 765, л. 93.
11. РГИА, ф. 560, оп. 28, ед. хр. 24, л. 65, Покотилов, Сеул, 1895.25.Х.
12. АВПРИ, Фонд миссия в Сеуле, Яп. ст, д. 69, л. 10, 19.
13. АВПРИ, Фонд миссия в Сеуле. яп. ст, д. 69, л. 80, 81.
14. Там же, л. 18, 80.
15. АВПРИ, Яп. ст, д. 190, л. 66.
16. АВПРИ, Кит. ст. д. 52, л. 90-91, Всеподданнейшие доклады 1904 г.
17. РГИА, Общая канцелярия министра финансов, ф. 560, оп. 28, д. 394, л. 121-122.
18. Г.Д.Тягай. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в, М., 1960.
19. АВПРИ, Гл. архив, № 9, д. 8, л. 54.
20. АВПРИ, Яп. ст, д 4, л. 300.
21. АВПРИ, Яп. ст, д. 10, л. 14-15.
22. АВПРИ, Яп. ст, д 5, л. 32.
23. АВПРИ, Яп. ст, д 21, л. 53.
24. РГИА, Фонд Канцелярии министра финансов, ед. хр. 35, л. 29.
25. РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 394, л. 120.

Культура

Тема социальной несправедливости в современной китайской литературе

© 1998

А. Желоховцев

Подобно всем литературам мира китайская современная литература не чуждается темы социальной несправедливости. В XX столетии прогресс сопровождался большими издержками. Не только Китай, но и другие страны на себе познали массовые репрессии, причем иногда необоснованные для собственного социума; новый общественный опыт возникал в концентрационных лагерях, тюрьмах и ссылках, местах массовых принудительных работ. Не миновал этот опыт и китайское общество.

Массовый характер репрессий в XX веке стал причиной кричащей социальной несправедливости, самым грубым проявлением вандализма. Нельзя утверждать, что прежние времена совсем не знали массовых гонений, но широкая подверженность интеллигенции этим гонениям характерна прежде всего для нашего века. Среди пострадавших нашлось немало писателей и литературно одаренных людей, которых именно гонения сделали писателями. Пережитое не укладывалось в их сознании в понятие обычного житейского опыта. Написанное ими о себе трудно отнести к знакомому литературе жанру "рассказов бывалых людей".

Социальная несправедливость такого рода в китайской литературе непосредственно связана с историческим опытом китайского народа и небывало тяжкими испытаниями периода гражданской войны, ожесточения классовой борьбы и "культурной революции".

Современная литература достойно отразила исторические судьбы китайского народа. В общественном сознании осмыслены язвы прошлого, что внушает надежды на будущее.

Естественным следует считать появление в литературе КНР произведений о заключенных в тюрьмах и лагерях гоминьдановского Китая. Пожалуй, удивительно, что таких книг в общем-то совсем немного.

О своих тюремных злоключениях писали Дин Лин и Фэн Сюэфэн. Дин Лин была арестована в 1933 году. Свой тюремный опыт отразила в литературных произведениях. Особенную удачу представляют ее воспоминания, соз-

данные в конце жизни, в которых она получила возможность сопоставлять гоминьдановскую камеру с местами ссылки и заключения в современном Китае.

“Я не знаю в мире никакой другой писательницы, кроме Дин Лин, о которой дважды сообщалось бы о гибели вследствие повторяющихся репрессий и которая бы оставалась в свои семьдесят пять лет такой бодрой и снова активно пишущей”, - сказал о Дин Лин критик Фэн Сяюн в январе 1980 года. Он считал, что произведения Дин Лин были под цензурным запретом в гоминьдановском Китае с 1934 по 1949 год, т.е. пятнадцать лет, а в КНР - с 1957 по 1976 год, т.е. девятнадцать лет. На третий год после освобождения писательница публикует “Три рассказа из “коровника”, а в 1980 г. выступает с речью “Как я провела эти двадцать с лишним лет”. Хотя эти произведения написаны на свободе, они, безусловно, относятся к лагерной теме. Писатель создает такую литературу не только в самом лагере, месте его физического пребывания, но и потом, когда годы пережитых испытаний остаются в его памяти и сознании, трансформируя по-иному любое его произведение, даже не касающееся лагерной темы напрямую. Что же говорить о произведениях, описывающих пережитое? Они, безусловно, принадлежат к этой литературной тематике. (Чайниз литреча. - 1980. - № 1. - Р. 3)

Фэн Сюэфэн (1903-1976) был арестован в 1941 году и на два месяца помещен в концентрационный лагерь Шанжао. Там он написал стихи, вошедшие в поэтический сборник “Песни правды” (Чжэньшичжи гэ. - Чунцин, 1943). Пережитое в заключении стало основой написанного им после создания КНР киносценария “Концлагерь в Шанжао” (1951). Этот фильм с успехом прошел в месячнике новых кинофильмов на экранах КНР и демонстрировался в Москве. Заключение в Шанжао не было курортом для Фэн Сюэфэна. “Из-за жестоких пыток и недоедания он заболел перемежающейся лихорадкой, плевритом и туберкулезом, но он выдержал и сумел выжить. Правда, хотя ему еще не было сорока лет, он сделался согбенным и изможденным, как немощный старик”. (Чайниз литреча. - 1980. - № 3. - Р.р. 9-10).

Наибольший успех из произведений на эту тему выпал на долю историко-революционного (частично автобиографического) романа Ло Гуанбаня и Янь Ияня “Красный утёс” (1961 г.) Авторы - участники антигоминьдановской подпольной борьбы, пройдя через тюрьмы и лагеря, написали о пережитом (уже после образования КНР) книгу в жанре “воспоминаний о революции” под заглавием “Бессмертие в пламени”. Поскольку жизненная основа книги была правдива, роман удался. Критика отмечает в нем живость изложения, напряженность действия. Особенность сюжета помогла авторам избежать обязательного для литературы той поры постоянного упоминания Мао Цзэдуна, что было, вероятно, сочтено политическим преступлением. Уже с 1964 года роман стали замалчивать. В 1966 г. его объявили “предательской литературой”, авторов подвергли преследованиям, в результате которых Ло Гуанбань в 1967 г. скончался. После ареста “четверки” в 1976 г. “Красный утёс” снова начал издаваться в КНР.

Репрессии гоминьдановского правительства против левонастроенной интеллигенции в 30-х годах проводились при явном желании властей скрыть их, приуменьшить, замаскировать. Если замысел был действительно таков, то можно констатировать его явную неудачу. Великий Лу Синь в пламенных фельетонах клеймил правительственные репрессии, а самого Чан Кайши сравнивал с Юань Шикаем, диктатором, который плохо кончил. Статьи “Злые духи китайской литературы” (21 ноября 1934 г.), “Революционная пролетарская литература в Китае и кровь ее авангарда” (апрель 1931 г.) рассказывали смело и открыто о тайном терроре.

“Гоминьдановское правительство не публиковало сведений о казнях и запрещало их разглашать”, - отмечала Л.Д.Позднеева (Лу Синь. Жизнь и творчество. - М., 1959. - С. 343). Замалчивание партизанской войны в Китае также не удалось гоминьдановским властям. В романе Мао Дуня “Перед рассветом” (1932), в сборнике рассказов молодого писателя Е Цзы “Урожай” (1935) и других произведениях показаны охватившие многие провинции Китая крестьянские восстания. И все же, несмотря на то, что гражданская война и казни были порождены одной и той же репрессивной политикой, литературу на эти темы нельзя отнести к лагерной, которая стоит особняком, занимая собственное место в общественном сознании.

В этой связи возникает необходимость обратиться к конкретному содержанию понятия “лагерная литература”, поскольку произведения этой тематики весьма разноплановы. В первую очередь это те художественные произведения, которые созданы в самых местах заключения. Например, сборник стихотворений Фэн Сюэфэна, написанный непосредственно в лагере Шанжао. Такое внутрилагерное творчество было и в литературе других стран, особенно в русской литературе. Здесь преобладают краткие литературные формы, и прежде всего стихи. В порядке исключения, некоторым заключенным удается не ограничиваться отрывистыми записями на клочках бумаги, а создавать крупномасштабные полотна, как например Андрееву (трактаты “Роза мира”) или Р.Штильмарку (роман “Наследник из Калькутты”). Стихов же и песен в заключении создается просто множество, при том на разных языках. И нет ничего необычного в том, что еще при жизни заключенного его стихи и песни выходят на свободу раньше самого творца, становятся популярными и даже как шлягеры приобретают всенародную известность.

В КНР таких случаев не было, и литературные произведения чаще создавались уже не в лагерях, а в ссылке, которая за ними следовала. Один из наиболее известных фактов - писатель Яо Сюэинь создал свой многотомный исторический роман “Ли Цзычэн” во время “трудового перевоспитания”. В предисловии к переизданию 1977 года писатель сообщает о многочисленных трудностях, пережитых при опубликовании его произведения. Между тем “Ли Цзычэн” - исторический роман о событиях XVII века, в котором скрупулезно избегаются какие-либо аналогии или намеки на современность. Автор сознательно стремится говорить только об истории, а не о себе и не о своем времени, чтобы не дать повода для запрета или приостановки публикации. Из текста романа читатель не может даже представить себе те реальные условия, в которых он писался, насколько необычной была обстановка для творчества. Чем непригляднее была окружающая Яо Сюэиня действительность, тем с большим рвением и пылкостью погружался он в прошлое и уходил мыслью в воображаемую и во многом - вследствие именно этого - идеализируемую субъективную реальность, создаваемую на почве отечественной истории. Если заключенные советского ГУЛАГа уносились в своих фантазиях в дальние страны и мысленно путешествовали в географическом пространстве, то у китайского писателя та же фантазия и то же творческое воображение уносило их в историческое прошлое Китая. В этом смысле роман Штильмарка “Наследник из Калькутты” совершенно аналогичен тем частям “Ли Цзычэна”, которые были написаны во время “трудового воспитания”. Разумеется, оба автора - и Штильмарк и Яо Сюэинь - создавали свои произведения не в общих условиях лагерей: благосклонное начальство поставило их в исключительное положение, позволило пользоваться библиотечными материалами, чтобы чтением свежего романа доставить себе особое удовольствие. Яо Сюэинь сообщает в предисловии, что его роман многим обязан тому обстоятельству

ву, что он получил возможность пользоваться Хэбэйской провинциальной библиотекой, в которой имелся богатый архивный фонд XVII века о крестьянских восстаниях того времени.

Труд романиста в лагерных условиях, несмотря на предоставляемые льготы, был, без сомнения, героическим и требовал особой психической стойкости автора. Подвигнуться на такой труд он мог не столько из приверженности к литературному делу, сколько из глубокой затаенной надежды на освобождение, которое могла принести ему удачно написанная книга.

Р.Штильмарк писал "Наследника из Калькутты" по прямому приказу "всесильного человека, предприимчивого нарядчика" В.П.Василевского. Действие должно было происходить за пределами России и не раньше, чем двести лет тому назад. И сам В.П.Василевский, и его "верхи" были людьми пугаными, суперосторожными и весьма опасались, как бы чего не вышло. Вероятные аналоги были всего страшнее и опаснее.

Р.Штильмарк вспоминает: "Поселился в бане, еще больной, начал 17 мая. Придумал "концепцию", начал писать часов по шесть в день, потом по двенадцать, потом доходил до двадцати. Не буду рассказывать, какие дикие были трудности, как постепенно я полюбил это незаконное детище, как в той избушке рождались главы об Италии, об Африке, об Америке...

...Я вставал под утро, затоплял в своем "бунгало" железную печурку, бухал туда банку солянки, "густо" обувал ноги (пол всегда был мерзлый), зажигал три лампы (одну со стеклом из литровой банки, одну без стекла и одну коптилку для прикуривания). Отрегулировав эти три светильника, я брал листки почтовой бумаги и ... исчезали бревенчатые закопченные стены хижины, они сменялись волнами океана, палубой брига "Орион", морскими сраженьями, придворными балами и бизоньими охотами... В конечном итоге, 15 июля 1951 года, т.е. через год и два месяца, трехтомный роман был готов и получил название "Наследник из Калькутты". Я хохотал до слез над этим титулом, но когда рукопись, идеально переписанная, была переплетена в три шелковых переплета, снабжена самодельной картой, виньетками, схемой морского боя, большими заставочными буквами и хорошо вычерченными титульными листами, все это приобрело довольно импозантный вид... Книжка даже понравилась всему руководству 503-й строки." (Р.Штильмарк. "Наследник из Калькутты". - Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1993).

Если Р.Штильмарк опирался на симпатии и расположение непосредственного начальства, то Яо Сюэинь обратился со своим романом к самому Мао Цзэдуну. Он написал письмо председателю Мао, которое возымело действие: романиста перевели в столицу, для него открыли архивы, его писательский труд легализовался, но на общих основаниях жесточайшей цензуры и неукоснительного соблюдения политической догматики того времени.

Оба романа, трудоемкие произведения крупных форм, создавались в жестких идеологических рамках, причем требования лагерного начальства только усиливали эти ограничения. Исключительность положения романистов состояла отнюдь не в прямом протесте против ссылок, репрессий и цензуры, а в том, что их труд был интеллектуальным, а не физическим. Они показывали своей деятельностью, что заключенные способны на творческую, а не черную работу, утверждали свое личностное и человеческое превосходство над служащими репрессивной системы.

Таким образом, лагерная литература в узком смысле - это произведения, созданные именно там, на месте заключения. Причем факты говорят о возможном появлении произведений любого вида и жанра, вплоть до самой

крупной формы - романа, само написание которого в лагерных условиях кажется невероятным.

Литература мест заключения, безусловно, весьма разнообразна. Прежде всего это так называемый тюремный фольклор (песни, байки, сказки, анекдоты и прочее), который существовал всегда и, видимо, никогда не умрет. Фольклор безымянен, хотя авторы у него есть, просто они не стремятся широко разглашать свои имена: огласка может быть опасной для заключенного. Однако известны случаи, когда впоследствии, спустя годы, написанная в тюрьме песня приобретала всенародную известность (например, о "сером брянском волке" и др.) и тогда автор признавался в содеянном. Такой фольклор по существу является литературой нелегальной, начальством не поощряемой и даже наказуемой. К этому фольклору примыкают и те дневниково-мемуарные записи, которые заключенные делают втайне и тайно же переправляют на волю для хранения в качестве исторических свидетельств, с надеждой на публикацию в будущем. Общее между этими произведениями в одном, в самом главном: они нелегальные, это неразрешенная литература.

В обычном общественном сознании бытует убеждение, что вся лагерная литература вообще и даже лагерная тема в литературе, что еще шире, - по сути литература нелегальная. На самом деле это не так, и лагерная тема и лагерная литература имеют легальную ветвь, так что в основном такая литература делится на легальную и нелегальную. Как ни поразительно, но само существование легальной лагерной литературы менее известно, хотя именно легальность способствует массовой популяризации.

Легальная литература создается в лагерях с дозволения начальства по весьма разным соображениям. В СССР издавались журналы и книги. Периодическая печать в лагерях должна была по замыслу начальства демонстрировать общественному мнению успешный процесс идейно-политической перековки заключенных, их, так сказать, идеологическое исправление. Такой журнал, например, издавался в Соловецком лагере и ныне являет собой большую библиографическую ценность. Замечательная книга, написанная заключенными, была официально издана после завершения строительства канала Москва-Волга. Это было роскошное по тем временам подарочное издание. К легальной литературе следует отнести и книги, подобные романам Яо Сюэиня и Р.Штильмарка. Хотя в период заключения они не были изданы, рукописи существовали, оберегались начальством и впоследствии публиковались.

Созданная в лагерях литература преимущественно относится к малым формам, причем стихи количественно преобладают. Но и для малых, и для крупных форм характерно одно: стремление уйти от жестокой реальности тюремного бытия. Лагерная жизнь, пока она присутствует въяве вокруг творца, заставляет его отворачиваться от действительности и погружаться в иной мир дальних незнакомых стран, древнюю историю или пейзажную лирику. Уход в природу, например, был свойствен русскому поэту Н.Заболоцкому. В его стихах о красоте родной природы только пессимистический вопрос - стоит ли жить самому поэту - единственное свидетельство несчастного положения узника:

Зачем, покидая вечерние рощи,

Ты сердце мое разрываешь на части?

Я болен тобою, а было бы проще

Расстаться с тобою, уйти от напасти. ("Соловей." 1939)

С этим четверостишием можно сопоставить стихотворение вернувшегося из ссылки китайского поэта Е Яньбиня (в подстрочном переводе):

Высоко-высоко, все выше лети,

Птица небесная, голубка белая!
 Нет тепла и уюта в камере заключенного,
 Но в камеру не заключить любовь!
 Томится в ней душа человеческая,
 Желает воли и полета свободного,
 И крылья души никому не подрезать! ("Заключенный и белая голубка." 1989).

Вольнолюбивый китайский поэт по праву считает себя "вечно восемнадцатилетним".

Среди литературы, созданной в тюремно-лагерных условиях, практически нет натуралистических описаний, нет конкретики, авторы-заключенные избегают быта. Чтобы писать о происходящем, нужно отстраниться от собственного унижительного положения, сознания своей социальной неполноценности, незаслуженной, несправедливой и потому непереносимой. Поэты часто погружались в этнографию, интересовались людьми далекого края, в котором оказались не по своей воле. Так поступил китайский писатель Ван Мэн, переживший "перевоспитание" в течение двадцати лет (1958-1978) с коротким перерывом. Будучи сосланным в Синьцзян, он выучил уйгурский язык, переводил с уйгурского, сделал множество литературных записей, которые легли в основу его книги "На реке Или" (1984), во многом автобиографичной. Сосланный писатель предпочитал изучать жизнь уйгурского народа, а не размышлять о собственной судьбе. Эти размышления овладели им позднее, когда ссылка оказалась позади.

Таким образом, созданная в лагерях литература обычно далека от будней, не требуется доказывать это в отношении публикуемой периодики, которая приукрашивает положение в духе официальной парадно-отчетной документации. Но и то, что создается вне официальных рамок является плодом мечтаний, воображения, полета фантазии, а не анализом действительности. Слишком велико потрясение, переживаемое заключенным в тюремно-лагерном режиме.

Настоящая литература лагерной тематики создается не в самих лагерях, а после освобождения творческой личности, которая аккумулировала пережитые испытания. Эта литература создала лучшие образцы литературного творчества нашего столетия вообще.

В широком смысле пребывание в тюремно-лагерных условиях накладывает отпечаток на все дальнейшее творчество, о чем бы писатель не писал.

Редко кто из пишущих способен воздержаться и не написать о пережитом после освобождения. Впечатления, полученные в лагерях и тюрьмах, по силе воздействия можно сравнить только с фронтовыми. Писатели-фронтовики всю жизнь возвращаются к своей военной теме, не в силах исчерпать всех впечатлений и тяжелого опыта. Бывшие заключенные тоже постоянно оглядываются на прошлое. Не сразу берутся за столь болезненную лично для них тему, чаще для осмысления требуются годы. Но есть писатели, посвятившие всю оставшуюся жизнь целиком этой выстраданной и единственной для них теме.

Лагерная тема имеет свою классику во всех литературах мира. Назовем для примера из русской литературы "Записки из Мертвого дома" Ф.М.Достоевского. После четырехлетнего отбывания каторги (1850-1854) писатель еще четыре года прослужил в Сибирском линейном батальоне, затем опубликовал "Дядюшкин сон", "Село Степанчиково и его обитатели", "Униженные и оскорбленные". В годы великой реформы писатель начал печатание "Записок из Мертвого дома" (1861), только через три года после во-

зобновления нормальной литературной деятельности. В русской литературе не было до той поры столь сильного изображения репрессивного режима. Великая книга Ф.М.Достоевского входит в число вечных спутников человечества на все времена.

В тюремно-лагерной теме Ф.М.Достоевский далеко не одинок. Практически все творчество народовольца, ученого и поэта Н.А.Морозова, трижды отбывавшего тюремное заключение, причем один раз в течение двадцати пяти лет, носит на себе следы пребывания в Шлиссельбургской крепости. Тогдашний режим позволил Н.А.Морозову, находившемуся в тюрьме, издать в Швейцарии в 1877 году сборник написанных в камере стихов "Из-за решетки". Так что в русской дореволюционной литературе тюремная тема имела крепкую традицию и была представлена достойными произведениями и прозы, и поэзии.

Неудивительно, что на такой литературной основе суровая действительность двадцатого века и те тягчайшие испытания, которые выпали на долю России и ее народа, привели к созданию обширной литературы на лагерную тему. Причем некоторые писатели основные свои произведения, получившие всенародное и даже мировое признание, создали именно по этой теме. Самое известное имя, сразу возникающее в этой связи, конечно, А.И.Солженицын, которому "Один день Ивана Денисовича" принес всемирную славу. Но есть у нас и писатели, посвятившие все свое творчество исключительно лагерной теме. Такими были В.Шаламов, О.Волков. В лучших литературных журналах Москвы и Петербурга напечатал свою тюремную эпопею Е.Федоров. Естественно, что в год возвращения на родину великого русского писателя А.И.Солженицына лагерная тема вышла на авансцену российской литературы.

Все названные выше русские авторы пишут на лагерную тему, опираясь на личный выстраданный опыт. Они выжили, выстояли и поведали миру все, что испытали и пережили, написанные ими страницы освящены страданием. ореол мученичества и подвижничества создает вокруг их произведений особую ауру. Но не они одни составляют литературу лагерной темы. Кроме мемуаров, записок, свидетельств, стихов, повестей и рассказов самих жертв репрессий существует литература, непосредственно примыкающая к ним. Гениальны стихи Анны Ахматовой, сложившиеся в цикл "Реквием", который она предварила следующими строками: "В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми глазами, которая, конечно, никогда не слыжала моего имени, очнулась от свойственного всем нам оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом".

Хотя сама Ахматова аресту не подвергалась и в тюрьме не сидела, ее эмоциональные переживания, излившиеся в поэтическом цикле "Реквием" по праву относятся к лагерной литературе.

Очень любопытна повесть С.Довлатова "Зона". В письме к издателю (написано 4 февраля 1982 г. в Нью-Йорке) он так описывает свои мытарства при издании рукописи "Зоны", длившиеся более трех лет. "Мотивы отказа почти стандартны. Вот, если хотите, основные доводы. Лагерная тема исчерпана. Бесконечные тюремные мемуары надоели читателю. После Солженицы-

на тема должна быть закрыта... Эти соображения не выдерживают критики. Разумеется, я не Солженицын. Разве это лишает меня права на существование? Да и книги наши совершенно разные. Солженицын описывает политические лагеря. Я - уголовные. Солженицын был заключенным. Я - надзирателем. По Солженицыну лагерь - это ад. Я же думаю, что ад - это мы сами..." (С.Довлатов. Зона. Компромисс. Заповедник. Москва, ПИК, 1991. Письмо издателью).

Описывая быт уголовного лагеря, Довлатов дает отточенную характеристику создаваемой там литературы - песен, мифов - и живописи. "Лагерь учреждение советское - по духу. По внутренней сути... В этом смысле чрезвычайно показательно лагерное творчество. В лагере без нажима и принуждения торжествует метод социалистического реализма. Задумывались ли вы о том, что социалистическое искусство приближается к магии? Что напоминает ритуальную и культовую живопись древних. Рисуешь на скале бизона - получаешь вечером жаркое. Так же рассуждают чиновники от социалистического искусства. Если изобразить нечто положительное, то всем будет хорошо. А если отрицательное - то наоборот. Если живописать стахановский подвиг, то все будет хорошо работать. И так далее. В лагере такая же история. Возьмите лагерную живопись. Если это пейзаж, то немислимо знойной, андалусской расцветки. Если натюрморт, то преисполненный калорий. Лагерные портреты необычайно комплиментарны. На воле так изображают крупных партийных деятелей". (С.Довлатов. Зона. Компромисс. Заповедник. - Москва: - ПИК, 1991. - Сс. 87-88).

С.Довлатов подметил закрепощенность сознания у заключенного, которое не может не сказываться во время пребывания в неволе и запечатлевается в его творчестве. Духовно свободная личность в лагере чаще всего воздерживается от творчества, ожидая для этого совпадения свободы внешней, физической, общественной со внутренней свободой духа. Причем запас впечатлений и эмоциональных чувств настолько велик, что творческий пламень не угасает десятилетиями.

По числу авторов и произведений на тюремно-лагерную тему русская литература превосходит любую другую и сейчас. Несмотря на разительные перемены в общественной жизни, интерес к такой литературе несколько не угасает. Одна из самых удачных книг последних лет - "Прогулка вокруг барака" Игоря Губермана.

Китайская литература тоже обладает собственной традицией, уходящей в глубокую классическую древность. Специфика состоит в том, что в Китае наказанием служили в основном изгнание, ссылка, а не заключение в тюрьму, лагеря же в древности просто отсутствовали.

Начиная с Сунской эпохи, в Китае возникли так называемые "судебники" - подсобная литература для местных чиновников, содержащая описание тяжб и уголовных дел. Это были по сути деловые книги, лишённые каких-либо литературных достоинств, но претендовавшие на подлинность. В этом качестве они действительно служили подспорьем китайским судьям. Ссылка судьи на имевший место прецедент, причем, чем древнее был источник, тем авторитетнее звучали его слова, украшала судебный приговор. В китайских ямынях - судебных присутствиях - хранились сборники судебных дел за сотни лет и, конечно, архивы знаменитых судей прошлого, начиная с сунского времени, т.е. за пятьсот лет. Обычно при судье состоял специальный чиновник, нечто вроде судебного архивариуса, который ведал архивом и по всякому делу сообщал своему судье обо всех имевших место прецедентах. Авторитет суда был тем выше, чем компетентнее и лучше работал архивариус.

На этой деловой, официальной почве стала возникать народная судебная повесть, в которой рассказчики-сказители опирались на подлинные события и дела, рассматривавшиеся в суде. Успех народного жанра в самых широких слоях общества, вплоть до его верхушки, побудил и китайских литераторов создавать на основе реальных судебных дел новеллы и повести. С течением времени из таких произведений начали создаваться целые циклы и возникли уже литературно-обработанные собрания судебных повестей. Традиции было угодно, чтобы такие собрания или циклы объединялись вокруг имени какого-нибудь прославившегося мудростью и справедливостью судьи. В этом жанре постепенно возникла обширная литература, интерес к которой в Китае не угас и поныне.

У нас мало писали об этом жанре и еще меньше переводили его, тем приятнее отметить появление книги "Наказанный порок. Таинственные истории из жизни китайского судьи Ди" (- Москва: Независимое издательство "Манускрипт", 1992). В предисловии к книге редактор ее А.А. Маслов пишет: "В новелле, описывающей расследование мудрого, хитрого и бесстрашного Ди Жэньцю, которого традиционно именуют просто судьей Ди, читатель найдет и "закрученный" сюжет, и изобилие тайн, двуличных героев, поединки мастеров боевых искусств ушу, погони, обман, переодевания, супружеские измены. Правда, встречается и такое, к чему не привык западный человек, но что делает китайский детектив лишь привлекательнее - допросы духов и трупов, описание искусства геомантики и физиогномики и вообще довольно широкое общение с потусторонними силами" (А.А. Маслов. Китайский детектив: традиция законов и законы традиции. В кн.: Наказанный порок. Таинственные истории из жизни китайского судьи Ди. - М: Независимое издательство "Манускрипт", 1992. - С. 3).

Сложившиеся в конце XVIII - начале XIX века повести о честном судье Ди, прототипом которого был совершенно реальный человек Ди Жэньцю (630-700 гг.), являют собой основу для литературы XX столетия. Специфично, что число произведений о гоминдановских репрессиях, тюрьмах и лагерях невелико. В первые семнадцать лет КНР (1949-1966) на эту тему были написаны только отдельные произведения. По настоящему общепризнанное значение она получила в литературе нового периода (с 1976 г.).

Современная китайская литература разрабатывала два конкретных варианта этой темы: судьбу репрессированных "правых элементов" и судьбу гонимых "культурной революцией". Оба варианта дали значительные произведения, но более существенно, что эта тематика пронизывает чуть ли не всю литературу в полном объеме. Оказалось, что ни об одном китайце вообще нельзя правдиво ничего написать, если, хотя бы бегло, очерково, абрисно не показать его отношения к событиям "культурной революции", к пережитым им перипетиям или же к пострадавшим от нее близким ему людям.

"Борьба с правыми" и "культурная революция" затронули в Китае буквально всех в той или иной степени. Никто не остался незадетым, являясь либо участником движения, либо его жертвой - другого выбора ни у кого не было. Пережитое глубоко запечатлелось в сознании каждого как социальный катаклизм. У нас опубликовано в русском переводе Л.Букиной стихотворение известного китайского писателя Ван Мэна (р. 1934 г.), которое хорошо показывает переживания бывшего "правого элемента", отсидевшего в тюрьмах и ссылках около двадцати лет (1958-1979 гг.), а ныне не просто реабилитированного, но ставшего одним из ведущих писателей КНР, мэтром школы литературного модернизма и даже занимавшего пост министра культуры КНР в конце 80-х годов.

воспоминания горестные - в прошлом
покрылись ржавчиною
горькие слова
и помнит сердце только о хорошем
о нежности
безбрежной как трава
воспоминания теперь приносят радость
пьянят они как чистое вино
но иногда - горб давит тяжесть
того что было
и прошло давно
воспоминая как вспоминая
не знаю хороши или плохи
меняются они на расстоянья
переполняя мысли и стихи (Ван Мэн. Воспоминая. Апрель 1968 г.

Мост над рекой времени. - М. Современник, 1989. - С. 356-357).

Другой известный поэт сычуанец Янь И (р. 1927) пострадал от "культурной революции" в своем родном городе Фулине. Вот его стихотворение:

Небо звездное облака поглотили.
Штыки затмили свет в окне.
Сына маленького разбудили
Удары ног,
Свист плетей в тишине.
На улицах и площадях Фулина -
Разгул террора,
Жестокость грозы...
Но плач и чуть слышные всхлипы сына
Способны разгневать даже Янцзы.
Туман рассеется, тучи промчатся
Солнце взойдет над миром опять.
Пусть демоны
Тысячами ножей грозятся -

Не повернуть им Янцзы вспять! (Янь И. Ночные думы, 6 июля 1968 г.
Мост над рекой времени. - М: Современник, 1989. - С. 262).

Это стихотворение взято из цикла "В тюрьме", который поэт счел нужным предварить кратким вступлением: "Я написал эти стихи за тюремной решеткой, чтобы рассказать правду и запечатлеть чувства, владевшие мною в то время. Я один из немногих, кому повезло, кто выжил в смутное время, когда люди погибали в страшных мучениях. Поэтому стихи - не только мои, я посвящаю их нашему обществу, всем тем, кто мертв и кто выжил, а также преподношу их моим кровным врагам" (там же).

Эти стихотворения ведущих деятелей современной китайской литературы показывают накал страстей, тот эмоциональный настрой, который зарядил китайское общество, не минуя никого из нынешнего поколения.

В китайской литературе возникла тема трагедии. Прежде считалось невозможным существование трагедийных ситуаций в новом обществе, и о них не писали вообще. Всеобщая трагедия "культурной революции" породила так называемую "литературу шрамов" (от названия рассказа Лу Синьхуа "Шрамы"). Не будучи узко лагерной или тюремной, вся эта литература непременно имеет с этой тематикой точки соприкосновения. Практически все

китайские писатели 70-х-80-х годов отдали ей дань в своих произведениях, многие из которых уже переведены на русский язык.

Трагедия испытаний, выпавших на долю литературных героев и их реальных прототипов в десятилетие "культурной революции", изменила общее отношение китайских писателей к литературному творчеству. Они стали более внимательными к конфликтным ситуациям и постоянно возникающим противоречиям. Неудивительно, что произведения на тюремно-лагерную тему вновь и вновь появляются в китайской литературе, привлекая к себе внимание читателей. Одно из них "Ведьмы. Повесть о женщинах-заключенных" (1988 г.) Чжан Ху переведена на русский язык и опубликована в сборнике "Мост над рекой времени" (1989).

Чжан Ху пишет в сугубо бытовом плане. Тон повествования ровный, спокойный, бесстрастный. Очевидно, что речь женщин-заключенных как бы разгружена от нелитературных выражений. Автор лишь отмечает грубость и обилие брани, но не воспроизводит их дословно. Вопрос о справедливости или незаслуженности наказания прямо в повести не поднимается, однако ясно, что многих заключенных покарали по идеологическим причинам. Так, надзирательница Ван говорит: - Вам, интеллигентам, умеющим лишь выдавливать из себя дерьмо, нужно как следует перестроить свою идеологию!" (с. 293).

Интерес автора обращен прежде всего к быту, условиям жизни заключенных женщин. Вот как описывается питание: "Это были голодные годы, и обед в исправительно-трудовом лагере состоял тогда из миски подсоленной воды с капустой и двумя грубыми колобками из мякины. В каждое ведро похлебки добавлялась ложка постного масла. Ловкие люди быстро установили, что получающему первым достается чуть больше масла, последним - больше гущи, а хуже всего приходится средним" (с. 290) "Утром и вечером они получали всего по три лянна еды (150 г. - А.Ж.), а днем - по четыре (200 г. - А.Ж.). Для человека, сидящего в кабинете, это было бы в общем довольно, однако заключенным приходилось тяжело работать, а им не хватало не только масла или мяса, но даже соли. К тому же повара постоянно приворовывали, так что "клиенткам" доставалось не больше семи-восьми лянов (350-400 г. - А.Ж.). Уже через час после завтрака и обеда они места себе не находили" (с. 296).

Жили в лагере, описанном Чжан Ху, в тяжелых условиях. "Конюшню использовали как барак и загнали в нее больше сотни женщин-заключенных. Загоны и ясли для лошадей в конюшне сломали, а на землю насыпали тонкий слой соломы - вот и вся подстилка. Заключенные жалась друг к другу как сардины, на каждую приходилось не более полуметра в ширину. Одежда, обувь, тапки для умывания, зубные щетки были свалены в беспорядке у стен" (с. 288).

В лагере была и ценность особого рода - кипяток, кипяченая вода. "Ее давали только по три ведра в день на всю бригаду. Некоторые заключенные наливали ее в термосы, чтобы потом пить или мыться. Те, кто постоянно пользовался холодной водой, здесь заболели, у женщин даже прекращались менструации, как у старух. Кипяток был драгоценностью, его обменивали на колобки, бумагу, мыло и прочее, а таскать кипяток стало привилегией, за которую многие боролись. Таскать предпочитали ближе к вечеру, тогда больше оставалось, да и вода была погорячей, стало быть ценнее" (с. 293).

Есть в повести и описание самоубийства заключенной, утопившейся в отхожем месте... Возникла и любовь... Происходило это, когда встречались с мужчинами во время изготовления значков с изображением Мао Цзэдуна, которые тогда были обязательными для ношения. Главная героиня повести Се Мэн попала в лагерь как "упорно не желающий раскаться правый элемент".

Пострадала за веру и буддийская монашка. Таких, как они, называли "голо-вастыми", т.е. интеллигентными. Но всюду "головастые" содержались вместе с уголовниками. Особенно страшным было невероятное распространение доно-сительства, которое было обязательным в конце года, в отчетный период для лагеря.

"Люди, попавшие сюда, кроме бесстыдства, должны были обладать специальными заслонками в ушах, помогавшими обороняться от неприятных поучений и грязной ругани. В необходимый момент заслонки автоматически закрывались и превращали заключенных в глухих, которые не слышат со-бачьего лая - это тоже было одним из способов самозащиты" (с. 321).

Верность автора натуралистическим бытовым деталям заставляет его описывать и однополую лесбийскую любовь. Даже клички, которые давали друг другу заключенные - например, "Фальшивый мужик", - говорят и о лес-биянстве и травестизме, возникающих во всех женских лагерях и тюрьмах любой страны.

Современная китайская литература и в лагерно-тюремной теме дала достойные примеры. Произведений мирового звучания еще не возникло, но китайская литература в гораздо большей степени причастна к этой теме, чем даже русская. Десятилетия "бедствий" 1966-1976 гг. практически не миновали никого - от высоких руководителей до деревенских бедняков. И всем принес-ли несчастье, кому моральные, а кому и физические, вплоть до лишения жизни. Царство страха, зародившееся в китайском обществе, оставило глубо-кий психологический след как на самих создателях китайской литературы, так и на ее героях. И все жанры представлены в лагерно-тюремной теме.

Конечно, фигуры, подобной А.И.Солженицыну в Китае нет. За свою творческую деятельность он один аккумулировал в себе чуть ли не все воз-можные виды литературной деятельности в условиях заключения и после-дующих гонений.

А.И.Солженицын - писатель, которому свойственно многолетнее вына-шивание литературных замыслов и кропотливая, тщательная отделка произ-ведений. Все созданное им - не однодневки, а вечный фонд русской литера-туры.

Невозможно назвать ни одного китайского писателя, которого можно было бы сопоставить с А.И.Солженицыным, но для всех видов его творчества можно найти параллели в современной китайской литературе.

Яо Сюэинь писал исторический роман "Ли Цзэчэн", писал и до высыл-ки, и во время заключения, и после освобождения, уже реабилитированным. Великое множество репрессированных китайских писателей и поэтов писали стихи в тюрьмах и лагерях. В гоминьдановском лагере писал стихи Фэн Сю-эфэн, в ссылке писал стихи и поэмы Ай Цин (хотя позднее они бесследно ис-чезли, уничтоженные в годы "культурной революции"). Записки о своих ски-таниях по тюрьмам при гоминьдане в КНР оставила Дин Лин. Быт исправит-ельно-трудового лагеря 60-х годов описала во всех леденящих душу подроб-ностях Чжан Ху.

Не один человек создавал в Китае литературу на тюремно-лагерную тему, труд гения, исполненный А.И.Солженицыным, китайская литература повторила трудами многих и многих людей, разумеется, не во всей его полно-те, и не с той мощью таланта, хотя у каждого автора эти произведения заня-ли достойное место в его творчестве. Нет сомнения, что разработка этой темы будет продолжаться с ликвидацией всех и всяческих запретов, табу и умол-чаний параллельно с общим процессом раскрепощения сознания в китайском обществе.

Научная жизнь

Международная конференция в Иркутске

В августе 1997 г. в Иркутске состоялась 2-я научно-практическая конференция на тему: "Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность". Участники конференции заслушали доклады и обменялись мнениями по проблемам экономического, политического и культурного взаимодействия народов России и стран Востока. Целью также ставилось расширение сотрудничества и культурных связей между научными учреждениями Восточной Сибири России, Китая, Японии, Северной и Южной Кореи.

Конференция была хорошо подготовлена Иркутским педагогическим университетом и главными спонсорами - Министерством общего и профессионального образования РФ, Кёнбукским национальным университетом Республики Корея. В ней приняли участие более 50-и ученых из высших учебных заведений и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Омска, Красноярска, Хабаровска, других городов Сибири и Дальнего Востока, ученые из Республики Корея, Китая, США. К сожалению, не было ученых из Японии, КНДР и МНР, хотя приглашения им были направлены.

В выступлениях на пленарных заседаниях Л.Б.Алаева, В.И.Данилова, А.П.Маркова (все из Москвы), Б.Д.Пака (Иркутск), Чонек Ли (США) затрагивались проблемы, оказавшие влияние на ситуацию, сложившуюся в АТР, на Среднем и Ближнем Востоке в послевоенные годы, особенно после окончания холодной войны; проблемы Евразии и политики стран в новых условиях; опасность усиления сепаратистских тенденций, могущих оказать крайне негативное, даже разрушительное воздействие на сотрудничество между этими странами.

Работа проходила также в секциях: "Россия и АТР", "Россия между Западом и Востоком", "Политические взаимоотношения и торгово-экономическое сотрудничество стран региона: история и современность", "Проблемы культурного взаимодействия стран региона".

Особый интерес представляют выступления на секциях ученых-сибиряков. Тематика их докладов и выступлений свидетельствует о том, что проводимые ими исследования охватывают широкий круг проблем от исторических, связанных с освоением сибирского края, развитием контактов местного населения с населением соседних государств и разрешением пограничных споров с ними, до современных, вытекающих из трудной политической и торгово-экономической обстановки, сложившейся в АТР в настоящее время.

Важно отметить, что большинство докладов, прочитанных на секциях и пленарных заседаниях уже опубликованы университетом в двух томах

(более 600 стр.), и многие из них имеют не только теоретический, но и несомненный практический интерес. Выступавшие стремились увязывать события прошлых лет с тем, какое они получили развитие в последующие годы и в наши дни.

Конечно, в коротком материале невозможно дать анализ содержания всех докладов, прочитанных на секциях конференции. да в этом и нет необходимости, поскольку тексты докладов опубликованы. Остановимся лишь на отдельных выступлениях ученых-сибиряков, дающих, как мы полагаем, наиболее полное представление о главных направлениях и характере разрабатываемой ими тематики, а также о разнообразии их научных интересов.

М.Н.Орлов (Иркутск) много лет изучает историю развития промышленной добычи золота в Сибири. Он сделал доклад на тему: "Золотопромышленность азиатской России в начале XX века. Тенденции развития". Изложив кратко историю развития этой важной отрасли, докладчик главное внимание уделил трудному положению, в котором российская золотодобыча оказалась в последние годы, на причинах этого и путях подъема отрасли.

И.А.Козыревская (Иркутск) в докладе "Россия и Китай. Региональный аспект экономического сотрудничества" показала изменение форм торгового обмена между двумя странами (приграничный, межгосударственный и другие) в зависимости от обстановки в разные периоды истории. Автор доклада предлагает свой, в определенной мере оптимистический прогноз расширения торговли России с Китаем при условии развития в Сибири экспортных отраслей экономики, создания здесь, на основе продуманного законодательства, благоприятствующего торговле с Китаем климата.

А.Л.Анисимов и Б.Б.Пак (Хабаровск) в докладе "Корейский вопрос" и русская дипломатия в период разграничения на Тумангане и возникновения русско-корейских отношений", подготовленном совместно с использованием архивных материалов, показали историю территориального разграничения между Россией, Кореей и Китаем в районе реки Туманган. После многолетних, трудных переговоров связанные с этим вопросы были, наконец, решены лишь в наши дни. В докладе освещены содержание и характер этих переговоров в разное историческое время.

Л.В.Занданова (Иркутск) посвятила свой доклад проблемам российской эмиграции в Китае, основным этапам репатриации россиян в СССР. В докладе прослеживается история формирования российской диаспоры в Маньчжурии с конца XIX в. После разгрома Японии во второй мировой войне определенной части эмигрантов было предоставлено право получить советское гражданство. Наиболее же массовая репатриация российских эмигрантов из Китая в СССР происходит после 1954 г., когда репатриационная политика Советского Союза стала более мягкой. Особенно ценно то, что автор доклада описывает судьбы репатриантов, оперируя конкретными цифрами и фактами.

В.П.Шналтаков (Омск), завершает большое исследование на тему "Западно-сибирско-азиатская торговля в первой половине XIX в." Докладчик особое внимание уделил истокам и развитию торговых связей крупных торговых компаний Западной Сибири (С.И.Попова, И.Ф.Нерпина и др.) с торговыми фирмами Китая. В докладе, подготовленном в основном на архивных материалах, приведены таблицы "Привоза и отпуска товаров через сибирские таможи в 1830-1881 гг." и "Главные статьи торговли Западной Сибири со Средней Азией в 1854 и в 1851 гг.", а также другие фактические материалы.

О.А.Перетолчина (Иркутск) исследует историю изучения в России и Сибири восточных языков в XVIII-XX вв. В ее докладе особое внимание уделено роли учебных заведений Иркутска в подготовке практических работни-

ков. Так, по Указу Петра I школа японского языка была переведена из Санкт-Петербурга в Иркутск. Здесь ученики школы, продолжая заниматься изучением языка, в случае необходимости использовались в морских экспедициях на Дальнем Востоке.

А.В.Козюра (Иркутск) в своем докладе сконцентрировал внимание на роли Н.Н.Муравьева-Амурского в становлении политики России на Дальнем Востоке. Его исследование, основанное главным образом на работах таких до-революционных авторов, как И.П.Барсуков, Б.В.Струве, Г.И.Невельской, П.И.Кабанов, демонстрируют важную роль Муравьева-Амурского в решении многих сложных проблем на Дальнем Востоке в пользу России.

В.В.Свинин в подготовленном на основе архивных источников и воспоминаний современников докладе показал трагическую судьбу известного ученого - ориенталиста и дипломата С.П.Кузнецова, погибшего в ГУЛАГе в конце 30-х годов. Позднее он был реабилитирован. В лице Кузнецова, подчеркивает Свинин, мы потеряли переводчика и историка новой и новейшей китайской литературы, студенты не получили его учебников и учебных пособий по монгольскому и бурятскому языкам.

Интересны были также доклады зарубежных ученых. **Ли Чжон Сик** (США) в докладе: "Новый международный порядок в Северо-Восточной Азии" говорил о формировании в регионе качественно новых международных отношений. Он особо отметил, что, начиная с середины 90-х гг., происходят положительные сдвиги в китайско-российских отношениях, создаются основы для экономического взаимодействия двух государств.

Цянь Пин, ученый из КНР, в своем выступлении анализировал побудительные причины формирования в мире многополюсной системы взаимоотношений между государствами. Он особо отметил развитие положительных тенденций в китайско-российских отношениях, прежде всего в области экономики и в культурном обмене.

Несколько докладов сделали ученые из Республики Корея. **Пак Су Гван** в докладе: "О древнем песенном творчестве корейцев" показал различия в песенном творчестве Юга и Севера страны, вызванные социальными, экономическими, климатическими и другими причинами. **Пак Ро Пэк** посвятил свой доклад истории экономического закабаления Кореи Японией в начале XIX в., борьбе России и Японии за влияние в этой стране. Россия была вынуждена отступить после ее поражения в войне с Японией в 1904-1905 гг., однако, активные экономические связи между Севером Кореи и районами Сибири продолжались.

Конференция дала возможность ученым из России и соседних государств, занятых исследованием актуальных проблем АТР, изложить свои взгляды на состояние межгосударственных отношений, на развитие сотрудничества между государствами региона. Работа конференции показала также весьма продуктивный характер исследований ученых-сибиряков. Последние, однако, испытывают значительные трудности в получении как оперативной научной информации, так и материалов, сосредоточенных главным образом в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. У них также больше проблем с публикацией своих исследований. Поэтому было бы справедливо, если бы редакции изданий РАН стали активнее привлекать сибиряков к сотрудничеству. Для этого, видимо, потребуются конкретные "заказы" конкретным авторам. Материалы состоявшейся конференции дают такую возможность.

Участники форума в Иркутске, учитывая значение предложенной его организаторами тематики, а также важность прямого общения ученых России и соседних азиатских государств, высказались за созыв 3-ей конференции в

Иркутске в 1999 г. При этом учитывалось, что у иркутян уже есть опыт проведения таких конференций, а также то, что есть свои кадры ученых-востоковедов, у которых налажены связи с университетами и научными центрами Китая, Японии, КНДР, Республики Корея и общественными организациями этих стран.

Однако нельзя не учитывать, что проведение международной конференции требует много сил и времени, а также больших финансовых затрат. Поэтому иркутяне нуждаются в поддержке и содействии со стороны востоковедных центров, особенно Москвы и Санкт-Петербурга. Это может быть - установление прямых контактов руководителей центров с Иркутским педагогическим университетом, являющимся организатором конференции, согласование тематики докладов, направление на конференцию ученых с обеспечением значительной части расходов по их командированию.

© 1998

*А.П.Марков,
доктор исторических наук*

Рецензии

Ian A. Skoggard. *The Indigenous Dynamic in Taiwan's Postwar Development. The Religious and Historical Roots of Entrepreneurship*. Ser. "Taiwan in the Modern World". An East Gate Book. Armonk, New York - London, England: M.E.Sharpe. 1996.

В современном российском китаеведении все большее внимание получают исследования опыта экономических реформ стран Восточной Азии. Помимо научного интереса, обращение к теме мотивируется и текущей политико-экономической реальностью России. Естественное желание обратиться к чужому опыту для поисков ответов на домашние проблемы заставляет глубоко размышлять об истоках восточно-азиатских "экономических чудес".

Какого рода культурная традиция и общественные институты стоят за кулисами чужих успехов? В последнее время весьма частым стало обращение к теории и практике экономического роста Тайваня, развитие которого практически повсеместно и зачастую некритически связывается с так называемым "конфуцианским капитализмом". Но насколько оправданно сводить корни "тайваньского чуда" исключительно к конфуцианской традиции? При поисках ответа на эти вопросы привлекает внимание работа американского исследователя Яна Скоггарда, аналитика исследовательского центра Human Relations Area Files при Йельском университете и преподавателя в Университете Южного Коннектикута в Нью Хэвене, озаглавившего свое исследование "Местная динамика в послевоенном развитии Тайваня. Религиозные и исторические корни предпринимательства".

Структурная композиция книги носит несколько мозаичный характер и охватывает широкий круг проблем, фокусируясь вокруг основного тезиса автора о важности и уникальности роли местной культуры Тайваня и его общественных институтов в послевоенном развитии острова. В монографии предпринята попытка целостного анализа, исходящего из предположения, что "на Тайване религия, соци-

альная идентичность и рынки были интегрированной системой. Религия сформировала основу местной идентичности и утвердила отношения собственности, которые стабилизировали производственные системы" (стр. 35). Автор замечает, что большинство исследователей в этой области игнорировало "культурные факторы за пределами узкого конфуцианского каркаса, вместо этого представляя модель авторитарного зависимого развития, подчеркивая роль государства и иностранного капитала". Я.Скоггард акцентирует и выделяет курсивом свой тезис о том, что способность тайваньского общества к изменениям *пришла изнутри существующей культуры* (стр.175), что должно быть изучено и признано.

Исследования М.Вебера сформировали у ученых тягу к поиску этической и психологической мотивации деловой активности, однако ни в Китае, и в ином месте нет особенной культурной мотивации, присущей только деловым людям и отсутствующей у масс населения (стр. 112). Я.Скоггард открывает свое исследование с вопросов культурно-экономической истории Тайваня и роли в ней религиозного фактора, обращаясь к анализу послевоенного экономического развития на примере обувной промышленности, и завершая книгу рассмотрением места народных религий в современном тайваньском обществе.

Историческая концепция автора основана на том, что истоки экономического развития Тайваня в послевоенный период должны быть отыскиваемы не с момента эвакуации Гоминьдана и не с начала японского колониального господства, но с 17 века, охватывая раннюю историю заселения Тайваня выходцами с материка. Я.Скоггард подчеркивает, что коммерциа-

лизация тайваньского общества началась еще при голландском колониальном господстве, когда остров стал базой для экспортного производства сахарного тростника. Обращая особое внимание на изобилие конфликтов в истории Тайваня (указывается на 68 восстаний и 77 межгрупповых конфликтов во времена династии Цин), автор отмечает особую роль религиозных верований, привезенных переселенцами, в регуляции социальных отношений. Если в Южном Китае земельные споры выяснялись силами кланов, то на острове они не были достаточно развиты и главной силой в защите собственности становились группировки, возникавшие вокруг храмовых объединений. С другой стороны, социальная нестабильность стимулировала развитие религии, в которой нуждались для регулирования общественных отношений. Автор делает вывод, что "храмовая система опосредовала социальные силы, которые определили судьбы групп родства и государства. Культурные особенности и ценности, развившиеся в этот период, предоставили шаблон для позднейшей индустриальной организации Тайваня - фрагментированная собственность, мужское деловое партнерство, широкие, не основанные на родстве субподрядные сети и определение женщин на малооплачиваемые низкоуровневые работы" (стр. 18).

Я.Скоггард указывает на то, что привезенные с материка идола служили факторами объединения общественного сознания в условиях слабости государства. По словам ученого, в тайваньской ситуации "божества признавали недвижимую собственность натуральной экономики, также как движимую и обмениваемую собственность коммерческой экономики. Без внешней ратификации отношений собственности и их отнесения к более широкой социальной идентичности, не было бы мира между социальными группами" (стр. 23). Таким образом, религия на Тайване была не просто отражением объективных факторов человеческого бытия, но и ключевым гарантом поддержания социальных и экономических связей. По мнению автора монографии, товаропотоки следовали по каналам религиозных и социальных связей (networks), и чем больше влияние и авторитет божества, тем шире связи, тем дальше может развиваться торговля и тем больше богатства может быть накоплено. Высказывается

интересная гипотеза о том, что местные божества стали "гарантами товарообмена", перенаправив отношения взаимности и обмена подарками между людьми на взаимоотношения между людьми и божествами. Такой поворот дал людям возможность рассматривать свои отношения с другими членами общества более инструментально и коммерчески, ориентируясь не на этику взаимности, но на эквивалентность товарообмена. Автор заявил, что на Тайване "храмовая система создает пространство и опосредование для бесконечного цикла транзакций и оборотов. В отличие от конфуцианского государства, местные божества оценивают коммерцию как почетную и достойную деятельность, передавая торговцам необходимую символическую власть для осуществления их бизнеса в сфере как можно более обширной" (стр. 37). Признавая, что предприниматели исповедовали "ограниченное конфуцианство" (ценность семьи, верности, человеческих отношений, практического знания), автор книги указывает, что они противостояли принципам иерархии, ритуализованного поведения, уважения к власти государства и настойчивой учебы (стр. 113)

Принципиально важны для замысла книги Я.Скоггарда не только оценки исторической роли религиозных организаций в формировании социально-экономических отношений в тайваньском обществе былых времен. Автор полагает, что именно здесь необходимо искать корни послевоенной экономической динамики развития острова. Старые проблемы были смягчены, но не устранены, и потому "божества будут продолжать быть мощной силой и тогда, когда общество входит в современную эпоху. Современное государство будет просто присваивать силу и назначение божеств для того, чтобы направлять избыток в более широкие циклы" (стр. 40). По его мнению местная культура и традиции сыграли важную роль в модернизации Тайваня, при этом религии помогли людям адаптироваться к новому балансу интересов в обществе и сами трансформировались, исходя из объективных потребностей.

Конкретной иллюстрацией этой мысли стала заключительная глава монографии, посвященная секте Игуаньдао. Отмечая впечатляющий темп роста рядов последователей этого религиозного направления, автор охарактеризовал его как

религиозно-культурную попытку адаптации к реальности рыночной индустриальной экономики. Заметим, что в ходе 3-ей Всероссийской научной конференции "Китайская философия и современная цивилизация" (ИДВ РАН, май 1997), Л.С.Переломов также указал на рост влияния общества Игуаньдао на Тайване, отметив, что сближение властей с обществом имеет не только политический, но и культурный аспект, так как организация проводит четкие этико-моральные ориентиры (например, акцент на нравственном приоритете сыновней почитательности - сяо), и рост ее социального влияния ведет к усилению воздействия этих установок на общественное сознание.

Американский ученый сделал вывод о том, что успех Игуаньдао связан с эффективностью проводимого обществом "вписывания" капитализма в человеческую личность (*inscribing capitalism onto the self*), формируя отношение человека к жизни в капиталистическом обществе. "Двойное восприятие личности и товара как отдельных независимых сущностей усиливается верой в трансцендентный принцип дао. В этом отношении, Игуаньдао есть восточный ответ протестантской этике: абсолютная трансцендентальность как Дао, так и пуританского Бога, по умолчанию, придают всем объектам единичность, аутентичность и эквивалентность" (стр. 156). Несомненный интерес представляют оценки автором своих встреч на Тайване с миссионерами Игуаньдао. Общество не носит характера локального религиозного культа - напротив, оно распространяется не только в масштабах острова, и претендует на международный размах. Многие члены общественной элиты являются последователями синкретической религии Игуаньдао. Я.Скоггард посетил несколько храмов Игуаньдао, расположенных в домах владельцев фабрик. Неудивительно, что практически все рабочие фабрик говорили, что они уже "восприняли Дао" и состоят в приходах церквей своих боссов. Ученый сделал вывод, что "в этом случае Игуаньдао заменило личные связи, основывавшиеся на родстве и землячестве, опосредовавшие трудовые отношения в мелко-маштабной трудоемкой промышленности Тайваня. Представляется, что Игуаньдао представляет тайваньскому капиталистическому классу авторитет и легитимность для утверждения себя с уважением

не только перед тайваньским рабочим классом, но и перед международным капиталом" (стр. 170).

Автор считает, что предпринимательская этика и деловая культура современного Тайваня сформированы в его истории. Ключевая в этом отношении область между семьей и государством характеризуется, по словам Я.Скоггарда, культурным униформизмом, магием, "полным возможностей, где божества вдохновляют на социальные сношения, сделки и риск", и иерархичностью, "позволяющей предпринимателям передавать риск вниз к бывшим ученикам, соседним мастерским, хозяйствам и работникам-женщинам" (стр. 111-112). Тайваньские предприниматели организуют трудовые отношения и организуют производство при помощи существующих традиционных общественных связей, что послужило как стимулом, так и ограничителем индустриализации. Был сделан вывод, что войдя в рамки местных сообществ, капитализм на Тайване стал частью системы местных отношений взаимности, что "традиционализовало" его, но трансформация местных общин делает тайваньский капитализм все более современным и "интернациональным" - то есть таким же, как и в других странах.

Привлекут внимание читателя и экономические разделы книги Я.Скоггарда. (гл. 3-7). Перефразируя известные слова А.Смита о "невидимой руке" рынка, автор посвятил отдельную главу "видимой руке" политики государственной регуляции экономики японской и гоминьдановской администраций. В книге приводится интересный анализ функционирования обувной промышленности (гл. 4,5) и влияния общественных отношений на характер собственности и уровень централизации. Значительный интерес представляет глава об использовании женского труда и месте женщины в тайваньском обществе (гл. 7). "Женщины - мишень модернизационного процесса на Тайване: их труд и молчание существенны для видимо мягкого перехода страны к современности. История тайваньского экономического чуда неполна без несчетных историй жертвоаний его женщин-работниц" (стр. 152-153). Интересно для понимания психологии формирующегося на острове "нового патриархата" воспоминание автора о преподавании английского языка восьмилетним детям в одном из провинциаль-

ных отделений YMCA - неопытный лаовай не смог поддержать дисциплину, разразилась потасовка. Мальчики стали бить девочек и один из юных представительей сильного пола написал на доске - "Мальчики лучше девочек, потому что девочки боятся смерти, а мальчики не боятся". По мнению автора, такое поразительное заявление ребенка отражает весьма серьезные психологические и культурные комплексы, корнящиеся в прошлом, и продолжающие определять место женщины в обществе.

В качестве недостатка работы можно указать на недостаточно глубоко проработанную и сформулированную взаимосвязь между религиозно-историческими и экономико-производственными разделами. Некоторая "дефрагментация" пошла бы на пользу этой талантливой и интересной книге.

С точки зрения перспектив отечественных исследований восточно-азиатского предпринимательства вообще и "тайваньского чуда" в частности, наибольшее внимание привлекает именно "микроуровне-

вость" проведенных автором исследований и их обоснованная междисциплинарность (культурология, теология, экономика, социальная психология). "Макроуровневые" исследования тайваньской экономики, описывающие в привлекательных статистических показателях индустриальную и экспортную динамику, уже достаточно распространились и в зарубежной, и в отечественной науке. В итоге они становятся базой для обоснования расхожей теории "внешних факторов" - мудрое государственное руководство, щедрая иностранная помощь, величие конфуцианской этики. Строящееся на внимательном изучении низовых структур тайваньского общества и производства, исследование Я.Скоггарда дает возможность по-новому взглянуть на проблему формирования источников экономической динамики Тайваня, расширяя наши представления о местных культурно-исторических корнях "чуда", и позволяя нам, говоря словами автора работы, "не затеряться в истории Тайваня, рассказываемой элитами Востока и Запада" (стр.176).

**В.Н.Бунин. Новый этап в развитии японо-американского
союза безопасности (на рубеже XX-XXI вв.)
Информационный бюллетень № 9 ИДВ РАН.
Центр исследований Японии. М., 1997. - 188 с.**

В подготовленной в Центре исследований Японии ИДВ РАН авторской монографии доктора исторических наук В.Н.Бунина анализируется весьма важная для стран АТР проблема и предоставляется целесообразным познакомить читателей с ее основными положениями и выводами.

В последние два года в японо-американских отношениях в области обеспечения безопасности, после продолжительного затишья, произошли значительные события, которые оказали существенное влияние на позицию и роль Японии в структуре региональных (АТР) и глобальных международных отношений. Долгое время, как отмечается в монографии, с момента принятия в 1976 г. Перспективной программы национальной обороны страны и вплоть до 1995 г. никаких принципиальных документов, которые вносили бы новые нюансы в военно-доктринальные концепции Японии, не принималось. Продолжительное время не появлялись на свет и совместные японо-американские материалы (соглашения, заявления, декларации и т.д.), регламентирующие двусторонние мероприятия по безопасности (с.30-31).

Коренные изменения глобальных международных отношений, вызванные окончанием "холодной войны", привели к ломке военных доктрин, изменению военно-политического соотношения сил на планете и в регионах, вынудили правительства пересматривать сложившиеся в период конфронтации структуры безопасности и изыскивать новые, более приемлемые в современных условиях формы обеспечения мира и стабильности своих государств. Закончилась эпоха биполярного мира, разделенного на непримиримые конфронтационно-идеологические системные блоки, на смену им пришел многополюсный мир с большим разнообразием подходов, точек зрения и взглядов на характер построения нового мирового порядка.

В АТР при сохранении системы безопасности, основанной на двусторонних договорах США с рядом азиатских стран,

все большие симпатии завоевывают идеи создания многостороннего переговорного механизма, призванного решать самые злободневные задачи современности - недопущение и урегулирование региональных кризисов, которыми так чреват бассейн Тихого океана и Восточная Азия. В этих условиях Япония и США на основе принятой Вашингтоном в январе 1995 г. стратегии Соединенных Штатов Америки в Азии, предусматривающей сохранение военного присутствия США в регионе и в 21-м столетии, скорректировали или разработали ряд базовых документов, касающихся вопросов обеспечения безопасности Японии и региона, в том числе дали новое толкование (без текстуального изменения) двустороннего договора 1960 г.

28 ноября 1995 г. Совет национальной безопасности и кабинет министров Японии приняли долгосрочную, рассчитанную на 20 лет, программу национальной обороны на период с 1996 г., а спустя две недели, 14 декабря 1995 г., План оборонного строительства на 1996-2000 фин. гг; провозгласивших военную доктрину, имеющую оборонительную направленность и основанную на базовых принципах: не создавать крупной армии, ограничив ее численность минимально необходимыми базовыми силами обороны не более 250 тыс. человек, осуществлять политику минимальной оборонительной достаточности на основе концепции "исключительной обороны" и соблюдения трех неядерных принципов. В этих документах необычайно много места уделено мерам по укреплению и расширению сотрудничества с США в области обеспечения безопасности, при этом, как подчеркивается, не только Японского архипелага, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим, делается вывод, вся деятельность сил самообороны Японии направляется на значительное расширение функциональных обязанностей с целью выполнения не свойственных им донныне региональных задач (с. 33).

Появление документов вызвало неоднозначную, во многом отрицательную, реакцию внутри страны и за рубежом, особенно в соседнем Китае, усмотревшем в новых функциях сил самообороны амбициозные устремления Японии, претензии на гегемонистское подчинение своему влиянию обширного региона Азии и Тихого океана. Поскольку эти расширительные функции не дополняются численным наращиванием людской силы и вооружений, общественность стран СВА внимательно стала следить за деятельностью Вашингтона, поскольку Япония самостоятельно не могла выполнять перечень возлагаемых на нее программных обязанностей.

Многое должно было проясниться во время предстоящего визита в Японию президента США Б.Клинтон. В ходе подготовки к нему лихорадочно работал Комитет специальных действий по Окинаве, которому предстояло подготовить перечень мероприятий по передаче жителям острова земель, занятых некоторыми объектами США на Окинаве (предстояло освободить до 20% из всех занимаемых базами США земельных участков). Эта мера была призвана погасить волну антиамериканских выступлений населения Окинавы, возмущенного случаем изнасилования в сентябре 1995 г. тремя американскими морскими пехотинцами японской школьницы, требовавшего ликвидации всех американских военных объектов на острове. Необходимо было также нейтрализовать недовольство окинавских жителей неравноправной долей бремени по содержанию американских баз, в 230 раз превышающей аналогичную долю на душу населения территории собственно Японии.

Развернувшаяся по всей Японии волна антиамериканских выступлений в связи с упомянутым инцидентом грозила сорвать выполнение японо-американских мероприятий по проблемам безопасности, мешала проведению объявленного Вашингтоном стратегического курса на сохранение американского военного присутствия в АТР в 21-м столетии, стержнем которого являются американские войска и базы в Японии, включая Окинаву (с. 122). Интенсивная работа в ходе подготовки к визиту американского президента завершилась серией двусторонних документов, которые были подписаны 17 апреля 1996 года во время пребывания Б.Клинтон в Токио, в том числе "Декла-

рация безопасности на 21-е столетие", "Обращение лидеров двух стран Р.Хасимото и Б.Клинтон к народам своих стран" и "Партнерство на 21-й век". Двумя днями ранее, 15 апреля министр обороны США Уильям Перри, посол США в Японии Уолтер Мондейл, а также министр иностранных дел Японии Юкихико Икэда и начальник УНО Хидэо Усуи подписали Промежуточный отчет японо-американского комитета специальных действий по Окинаве, который регламентировал хотя бы временное решение окинавской проблемы (с. 55).

Внимание общественности, международных обозревателей и правительств стран Азии привлекла "Декларация о союзе безопасности на 21-е столетие", своего рода "пересмотренный вариант" Японо-американского договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г., хотя выражение "пересмотренный вариант" не совсем корректно. Текст основного договора не пересматривался, но в декларации стороны попытались дать его новое толкование в соответствии с изменениями, происшедшими в регионе с момента окончания "холодной войны".

Декларация подтвердила мнение обеих стран о том, что продолжение присутствия американских войск в АТР является залогом мира, стабильности и процветания региональных государств, но в отличие от договора 1961г. возложила равную ответственность за положение в регионе на японские силы самообороны и США, которые должны совместно выполнять свои функции не только в узких рамках обороны японской территории, как было раньше, но и участвовать в коллективных миротворческих операциях. Включение этой новой функции сил самообороны в текст декларации означало совершенно новую роль Японии в системе японо-американских мероприятий по безопасности в качестве равного партнера, ответственного за предотвращение развития и урегулирования всех конфликтных ситуаций, которые могут произойти в регионе (с. 60).

Первоначально сообщение о принятии декларации повергло в "шок" японскую общественность, усмотревшую в ней покушение на девятую статью конституции в соответствии с принятым толкованием которой Япония не может участвовать в операциях коллективной обороны. Обозреватели в Японии и странах Азии

расценили это как представление японским силам самообороны возможности участия в любых военных действиях, начиная от локализации конфликтов и кончая возможными "авантюрами" акциями США в регионе. Несмотря на то, что принятие декларации прикрывается миролюбивым лозунгом, называющим ее "краеугольным камнем демократии, мира и процветания наших будущих поколений", ее реализация в условиях, когда еще не отработан механизм использования новых функций сил самообороны а принцип интерпретации девятой статьи конституции остается прежним, то есть запрещающим вооруженным силам Японии участвовать в боевых действиях, не связанных непосредственно с обороной страны и относящихся к категории "коллективной обороны", вызывает у японских политиков и военных некоторую растерянность. Встает вопрос: "Что делать? Принимать новую, более расширительную, интерпретацию миролюбивых положений конституции или вообще пересматривать конституцию, к чему современное японское общество в условиях отсутствия непосредственной военной угрозы совершенно не готово?" Проблема остается, причиняя "головную боль" японским правящим кругам. Если девятая статья конституции выстояла лихолетье "холодной войны", когда было много веских оснований для ее пересмотра, то сейчас в обстановке всеобщей разрядки даже сама постановка вопроса о ее пересмотре выглядела бы по крайней мере нелепой и мало оправданной, делается вывод в монографии (с. 77).

Однако прежде чем японские силы самообороны начнут действовать совместно с американскими войсками по поддержанию, стабильности и содействию процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона, им нужны новые инструкции, то есть изменение Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в вопросах обороны 1978 г. Последние, будучи рассчитанными на конфронтационность и противостояние, во многом устарели, поэтому на японо-американском саммите в Токио в апреле 1996 г. было принято решение приступить к пересмотру Руководящих принципов, которые, судя по характеру декларации, должны получить новое название с четко отраженными в декларации пацифистскими целями.

Принимая во внимание, что дейст-

вия Руководящих принципов в годы "холодной войны" не принесли "ощутимых" забот Японии и самое главное не отразились на ее умеренном оборонительном курсе, страсти японских политологов, спустя определенное время после завершения Токийского саммита, немного поутихли, переключившись к обсуждению "новой роли" Японии в рамках многочисленных, но взвешенных дискуссий, "новой роли" Японии с позиции повышения международного авторитета Токио, с целью добиться для Японии статуса члена места в Совете Безопасности ООН.

Сотрудничество между Японией и США, отмечается в монографии, было закреплено еще одним документом - "Партнерство на 21-й век", касающимся совместных мероприятий по противостоянию транснациональным угрозам: глобальному загрязнению окружающей среды, чрезмерному росту народонаселения, проблем СПИДа, наркотиков, международного криминализма, террора, проблем человека, беженцев, социального развития и положения женщин (с. 91).

Анализ дипломатической деятельности Японии в борьбе с транснациональными угрозами показывает, что Токио играет довольно активную роль в регионе и на международной арене. Он, безусловно, является крупнейшим донором в финансировании многих международных программ. Так, в 1992 г. Япония выделила на защиту окружающей среды на пятилетний период 1 трлн. иен (около 100 млн. долл.); разместила на своей территории Международный центр технологии по защите окружающей среды, спонсировав его расходы и программы в рамках ООН; выделила средства на создание аналогичных центров в ряде стран, в том числе в Китае, Таиланде и Индонезии. Япония ассигновала 3 млрд. долл. на семилетнюю программу (с 1994 по 2000 г.) регулирования народонаселения и борьбу со СПИДом. Правительство страны постоянно отпускает крупные суммы на оказание гуманитарной помощи; в 1995 г. субсидировало 5 млн. долл. на деятельность регионального центра в Бангкоке, созданного в рамках Международной программы борьбы с наркотиками, Япония финансировала 160 тыс. долл. на исследовательские работы в рамках ООН по борьбе с криминальными преступлениями. Считая оказание гуманитарной помощи беженцам одним из приоритетов своей политики,

Япония играет позитивную роль в борьбе с этим социально-политическим злом, принявшим широкий международный характер, делается вывод в монографии (с. 110-120).

Несмотря на то, что новая роль Японии в японо-американском союзе безопасности значительно повышается и ее деятельность распространяется на весь регион, государства региона, в целом подержавшие будущую стратегию США, основанную на сохранении их военного присутствия в АТР, не слишком озабочены предстоящим расширением региональных функций Японии. Они учитывают, что основным гарантом стабильности по-прежнему остаются США, которые вряд ли допустят развития чрезмерного амбициозного аппетита Токио, удерживая его в рамках договора безопасности 1960 г., призванного обеспечивать интересы США на Дальнем Востоке. Тем не менее новая роль Японии может способствовать повышению ее политического статуса в мире, считает автор монографии.

В монографии делается вывод, что США в осуществлении принятой в феврале 1995 г. глобальной стратегии перед лицом мощной волны движения за формирование многосторонних структур всеобъемлющей безопасности во многих регионах мира, проводят жесткий курс на сохранение, упрочение и расширение созданных в период "холодной войны" блоков и союзов. Примером этому может служить решение Вашингтона о расширении НАТО в Европе и нацеленная на Азию японо-американская Декларация о союзе безопасности на 21-е столетие".

Главные цели последней заключается в бессрочном сохранении американского военного присутствия в АТР, в сдерживании роста гегемонизма Китая, путем интеграции его в региональные экономические структуры, в контроле за ситуацией на Корейском полуострове и готовности к разблокированию других конфликтных ситуаций. США при этом стремятся переложить часть бремени за обеспечение мира, безопасности и стабильности в АТР на Японию с одновременным сдерживанием ее военных амбиций. Вашингтон противостоит и созданию новых политических механизмов безопасности, направляя процесс многостороннего диалога по безопасности в рамках экономической интеграции и создания ее основе в АТР сообщества, политической опорой которого служили бы двусторонние договоры безопасности, а также войска и базы США, расположенные по периметру Тихоокеанского бассейна.

В качестве недостатка монографии можно отметить, что она готовилась по горячим следам, когда еще не высохли чернила на подписях, поставленных руководителями США и Японии под принятыми в Токио судьбоносными для обоих государств и АТР в целом документов. Автор опирался в основном на их подлинники и немногочисленные отклики японских политологов, не сумевших за короткий период времени дать взвешенные монографические оценки. Реализация в будущем принятых в Токио решений позволит более полно оценить их значение и влияние на общую ситуацию в АТР.

**Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня.
М.: ИП "Патент", 1997. 146 с.**

О Тайване у нас знают пока не так много. Долгие годы "холодной войны" для граждан Советского Союза остров был во всех отношениях "запретной зоной". Не существовало каких-либо контактов, практически недоступной была достоверная информация, не велись серьезные научные исследования. Сегодня ситуация изменилась, однако пробелов в наших представлениях об одном из "азиатских драконов" немало. И можно только приветствовать выход в свет книги "Политическая система Тайваня", написанной главным научным сотрудником Института Дальнего Востока Российской Академии наук Гудошниковым Л.М. и старшим научным сотрудником Российского Института стратегических исследований Кокаревым К.А.

Тайвань занимает своеобразное положение в мировом сообществе. Он, будучи островной провинцией Китая, в силу сложившихся исторических обстоятельств, обладает определенными атрибутами государственности. Не признаваемый большинством государств в качестве субъекта международного права остров, тем не менее, с десятками держав поддерживает дипломатические отношения, развивает неправительственные связи, является членом целого ряда международных организаций, в том числе правительственного уровня.

Если до конца 80-х годов Тайвань привлекал всеобщее внимание в первую очередь в качестве яркого примера территории с ускоренным экономическим развитием, то в последние годы приоритетный интерес вызывают происходящие там политические процессы. Именно они рассматриваются в данной книге. Опираясь на глубокие знания истории и сегодняшних реалий, авторы дают полный структурно-функциональный анализ политической системы Тайваня, эволюции ее основных институтов с 40-х гг. до настоящего времени. В рамках исследования подробно прослеживается весь ход мирной демократической трансформации авторитарного политического режима от возникновения в 1986 г. реальной оппозиции правящей партии Гоминьдан до первых прямых президентских выборов в 1996 г. Внимание обращено на все наиболее существенные стороны современной политической жизни тайваньского общества, движения его по пути развития многопартийной демократии, парламентаризма и местного самоуправления.

Основным документом, определяющим функционирование механизма власти на Тайване, отмечается в книге, является Конституция Китайской республики 1947 г., с

изменениями, внесенными в 1991-1994 гг. В Конституции воплощена идея китайского революционного деятеля Сунь Ятсена о разделении пяти властей: законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной (кадровой) и контрольной. При существовавшей с 1948 по 1987 г. на острове диктатуре Конституция фактически не действовала, а вся политическая жизнь регламентировалась "Временными правилами на период национальной мобилизации для подавления мятежа", которыми президенту предоставлялись чрезвычайные полномочия. Постепенные изменения в политической системе, как считают авторы, начались во второй половине 80-х гг., когда ослабилась конфронтация с КНР и началось общее улучшение международного климата.

Началом конституционной реформы на Тайване, указывают авторы, по существу стала отмена режима чрезвычайного положения в 1987 г. Важную роль в процессе реформирования сыграли совещательные по своему официальному статусу Конференции по национальным проблемам 1990 и 1996 гг. На последней из них были выработаны и представлены в Национальное собрание 22 соглашения по конституционной реформе. Принятыми им Дополнительными статьями Конституции предусматривались прямые выборы президента и вице-президента, допускался их отзыв. Ограничивались права президента на введение чрезвычайного положения, отменялась практика административного запрета политических партий. Демократичным стал порядок избрания депутатов таких органов власти, как Национальное собрание, Законодательная палата, Палата контроля. В последних двух качественно изменился состав: существенное влияние обрели оппозиционные партии. Изменялся порядок формирования Палаты юстиции и Экзаменационной палаты. Все изменения Основного закона, подчеркивают авторы, были предложены партией Гоминьдан (Национальная партия). Анализу ее трансформирующей роли в политической системе Тайваня в книге уделяется особое место.

И в новых условиях Гоминьдан остался правящей партией, формирующей правительство, имеющей большинство в парламентских учреждениях - Национальном собрании и Законодательной палате. Потерпев военное и политическое поражение на континенте, делают важное обобщение исследователи, Гоминьдан сумел по существу заново создать партию на Тайване. Пополнил ряды преимущественно за счет притока урожен-

цев Тайваня, укрепил позиции в низовых звеньях, существенно омолодил руководящие кадры партии, превратив их в политическую силу, способную не только успешно осуществить преобразования в сельском хозяйстве и промышленности, но и возглавить реформу авторитарного режима. Руководству партии и сегодня удается избежать раскола, хотя в ней образовалось два основных направления. Первое объединяет представителей старшего поколения с консервативными взглядами, приверженцев возвращения континентального Китая под флаг Гоминьдана. Второе составляют либерально настроенные реформаторы, выступающие за тайванизацию партии и поэтапную политическую реформу.

Анализируя причины "живучести" Гоминьдана, авторы указывают на то, что партия сохраняет влияние в правительстве, военно-жизненных ведомствах. Она по-прежнему занимается подготовкой резерва кадров для руководящего звена исполнительной власти, для законодательных органов и партийных структур. В условиях либерализации политического режима Гоминьдан проявляет заинтересованность в поддержании социальной и экономической стабильности на острове как жизненно важным факторе для режима партии. Она стремится все в большей степени опираться на сторонников реформ, на уроженцев Тайваня, которые сегодня составляют около 80% членов партии. Одновременно она пытается привлечь на свою сторону максимально широкие слои общества, не исключая потенциально деструктивные элементы.

В целом в ситуации на Тайване авторы отмечают довольно важную особенность, заключающуюся в готовности политических сил, соперничающих в борьбе за власть, но принципиально важным проблемам искать и находить компромисс. Так, к примеру, было на начальном этапе реформ. Тогда, на Конференции по национальным проблемам 1990 г., поддержку большинства, включая оппозицию, получила идея сохранения существующей политической системы, основанной на принципе разделения пяти властей.

Процесс демократизации на острове, особо подчеркивают исследователи, протекает без резкого отказа от институтов прежнего авторитарного режима. В этом они видят объяснение, в частности, того, что переход сопровождается минимумом негативных явлений, которые характерны для стадии сме-

ны режима власти в других странах: рост преступности, политическое насилие, коррупция. Разумеется, в книге представлены имеющиеся издержки сложных демократических преобразований. Речь, в частности, идет о несовершенстве законодательной базы парламентской деятельности. Результатом является малая эффективность, например, практики парламентских слушаний. По тем же причинам характер политического шоу приобрели парламентские интерpellации. А в итоге часто, как указывают авторы, годы уходят на принятие нужного общества закона. Подобное читателям, думаю, хорошо знакомо и из российской действительности.

В книге довольно обстоятельно рассматриваются ход и проблемы реформирования ветвей власти. Говорится о перспективе совершенствования парламентской системы, имеющей в настоящее время "двухэтажную" структуру - Национальное собрание и Законодательная палата, о негативных сторонах формирования и функционирования органов местного самоуправления, оказавшихся засоренными выходцами из криминальной среды. Анализируется положение в судебной системе, деятельность Палаты юстиции, делается вывод об осознании тайваньской общественностью назревшей необходимости судебной реформы. Несомненный интерес для российского читателя представляет рассказ о роли в политической системе острова Палаты контроля, имеющей право импичмента, и Экзаменационной палаты, аналогов которой не знают в абсолютном большинстве стран мира.

В небольшой по объему книге (146 с.) содержится много полезных сведений, но, к сожалению, немало встречается и технических огрехов: опечатки, пропуски, ошибки. Это, разумеется, не умаляет достоинств самого исследования, выполненного авторами профессионально. Ценность работы заключается в том, что в ней использованы свежие данные, что позволило авторам с их выводами и оценками находиться в эпицентре происходящих событий.

Знакомство с этим научным произведением, уверен, было бы интересно не только для специалистов. При всем своеобразии тайваньского "политического чуда" и несоизмеримости масштабов происходящего, опыт Тайваня, согласен с авторами, был бы не лишним для российской стороны, переживающей сложный переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии.

Юбилей ученого

К 70-летию профессора Л.М.Гудошникова

Юбилей ученого, венчающий большой жизненный путь, всегда является своего рода творческим бенефисом. Юбилей профессора Л.М.Гудошникова относится к событиям именно такого ранга.

Л.М.Гудошников родился 6 декабря 1927 г. в семье высокообразованного представителя тогдашней интеллигенции. Нелишне отметить, что нравственные устои отца, почитаемого в качестве ученого историка, и по сей день, были восприняты сыном как обязательные к исполнению правила, отступление от которых не может быть оправданно никакими конъюнктурными потребностями.

После окончания в 1950 г. юридического факультета престижного Института Внешней Торговли МВТ СССР Л.М.Гудошников поступает в аспирантуру этого Института. Вскоре он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему "Судебная организация Китайской Народной Республики", что открывает в 1954 г. перед ним двери Института государства и права АН СССР, являвшегося в те годы средоточием интеллектуальной элиты советского правоведения. В последующие несколько лет в стенах этого исследовательского центра автор детально разработал проблематику местных и высших органов государственной власти Китая, опубликовал в конце пятидесятых годов три монографии по этой тематике, которые одновременно увидели свет и за рубежом. В рамках различных научно-исследовательских программ Института, выходящих за пределы проблематики китаеведения, идет интенсивный процесс формирования Л.М.Гудошникова в качестве специалиста - государствоведа, обладающего познаниями во многих отраслях права.

В этот период в отечественном правоведении наблюдается активный рост интереса к зарубежному законодательству, что способствует разработке теоретических и методологических основ сравнительного правоведения - весьма перспективной в то время отрасли отечественной юридической мысли. Труды Л.М.Гудошникова внесли заметный вклад в этот процесс, последовательно утверждая в научных спорах компаративистов приоритет метода функционального сравнения. Время подтвердило правоту ученого в этом вопросе.

Необходимо отметить, что в дальнейшем сравнительное правоведение оказалось весьма продуктивной научной нивой для Л.М.Гудошникова и его учеников. Забегая вперед скажем, что его работы, а также работы его учеников были признаны яркими научными произведениями прежде всего в рамках сравнительного правоведения.

С 1965 по 1970 гг. Л.М.Гудошников на преподавательской работе в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. Будучи доцентом МГИМО Леонид Моисеевич принимал участие в написании двух монографий, опубликовал множество статей, продолжал исследования проблем государственного строя КНР, а также подготовил большое количество различных учебных и методических пособий для студентов. По воспоминаниям выпускников

института, его лекции были крайне интересны, отличались содержательностью и изяществом в подаче материала, однако автор чрезмерно грешил добротой на семинарах и экзаменах, что вызывало справедливые нарекания администрации.

После защиты в 1971 г. докторской диссертации на тему "Эволюция государственного строя КНР" Л.М.Гудошников приходит к выводу о необходимости организации всестороннего изучения проблем китайского государства и права в рамках специализированного научного подразделения. Эти намерения и привели его в 1974 г. в академический Институт Дальнего Востока, где он возглавил сектор, а затем и отдел.

На протяжении ряда лет подразделения Л.М.Гудошникова выполнили большой объем работ по изучению механизма действия государственной власти КНР на всех ее уровнях. Исследовались проблемы структуры и особенностей функционирования политической системы китайского государства. В силу специфики отношений между нашими странами в тот период большое внимание уделялось политологическим аспектам.

Однако как признает впоследствии сам Л.М.Гудошников в исследованиях этого периода преобладал нормативный подход, что значительно сужало не только предмет исследований, но и не позволяло приблизиться к раскрытию сущности китайского права. Слабой стороной некоторых из этих исследований являлось также их излишняя идеологизированность, приводившая к некорректному отождествлению традиционалистских качеств законов КНР с субъективными ошибками руководителей государства. На формирование неадекватной оценки китайского права нередко оказывала воздействие и общая концептуальная позиция исследователей, принадлежащих к принципиально иной, европейской школе права и, в частности, к позитивистскому направлению, преобладавшему тогда в советском правоведении.

В начале восьмидесятых годов с развертыванием в Китае экономической реформы Л.М.Гудошников обосновывает прогностический тезис о намечающейся резкой активизации в стране законотворческого процесса. Кроме того для него все более становилась очевидной необходимость разработки принципиально новых подходов в изучении китайского права.

Суть новых подходов "по Гудошникову" можно было вкратце выразить следующими основными взаимосвязанными тезисами методологического характера. Во-первых, требовалось отказаться от возобладовавшего за последние годы в советском китаеведении одностороннего убеждения об отсутствии в Китае права. Во-вторых, необходимо было рассмотреть систему нормативного регулирования китайского общества не в узких рамках социалистического периода, а в тесной связи с ее историческими корнями. И, наконец, в-третьих, признание существования в Китае права требовало ответа на важнейший вопрос - что есть право в Китае, т.е. раскрыть проблему правопонимания, являющуюся своего рода альфой и омегой правоведения любого общества и, разумеется, компаративистов, изучающих право других стран.

Таким образом в восьмидесятые годы Л.М.Гудошникову предстояло совершить своего рода методологическую перестройку собственного научного мировоззрения и практически заново организовать научные исследования в рамках правовой секции китаеведения. Под конкретные научные направления он стал подбирать новые кадры, а имеющиеся ориентировать на исследовательскую деятельность с учетом вышеназванных тезисов.

Были выделены три основных направления в изучении китайского права - государствоведческое, цивилистическое и уголовно-правовое. Все они в той или иной мере должны были включать в себя также вопросы общей теории права, правосознания и истории права. Кроме того принимались во внимание историко-правовые аспекты исследований в таких смежных отраслях китаеведения, как китайская литература и философия, этнография и история Китая, традиции китайского общества. Иначе говоря китайское право подлежало анализу в качестве

формы общественного сознания с ее стержневой проблематикой о правопонимании и правосознании китайского народа.

Приоритет такого широкого подхода в исследованиях китайского права означал прежде всего заметный отход Л.М.Гудошникова от ценностей правового позитивизма и переход на позиции социологизма. Эволюция эта в целом была закономерной и объяснялась не только прикосновением к правовой системе Китая, но и потребностями развития мировоззрения современного ученого, для которого позитивизм права ассоциировался с жесткостью нормативных решений и возобладанием в природе правового вертикальных отношений.

Суть социологизма можно было выразить общим тезисом - право это не только закон. Признание справедливости подобного утверждения имело для правовой секции китаеведения далеко идущие последствия. Первые же научные выступления на эту тему Л.М.Гудошникова и его учеников вызвали сочувствие у коллег китаистов, которые на протяжении многих лет интуитивно не принимали до конца поверхностное утверждение о том, что если в Китае в какой-то период времени не издаются кодифицированные акты высшей государственной власти, значит в этой стране нет права.

Однако до формулирования так называемого широкого правопонимания было еще не близко. Для этого необходимо было предварительно разобраться с основными отраслями права, что само по себе требовало больших усилий. Один за другим издаются сборники статей и монографии, посвященные конституционному, административному, природоохранному, гражданскому, уголовному праву, юридической политике, правовым аспектам модернизации в КНР. Опубликованы статьи по истории политических и правовых учений Китая, состоянию правовой науки. Много внимания уделялось правовым системам ряда стран азиатско-тихоокеанского региона, где ощущалось заметное влияние конфуцианского учения.

Нелишне отметить, что решение указанных задач было сопряжено с необходимостью проведения напряженной работы по переводу, редактированию и изданию текстов нормативных актов КНР, число которых с активизацией реформы росло лавинообразным образом.

Несомненной заслугой Л.М.Гудошникова следует признать слом инерционных представлений, отрицающих пользу обращений к трудам китайских правоведов, историков права. Л.М.Гудошников доказал, что в условиях реформ сравнительные исследования в сфере китайского права стали играть не только научно-познавательную роль, но и нести на себе значительную практико-прикладную нагрузку. Благодаря такой позиции руководителя выполняемые сектором работы стали основываться на глубоком осмыслении солидного объема трудов китайских ученых, что способствовало адекватному пониманию природы китайского права и процессов правового строительства в стране.

На протяжении всего двадцатого столетия актуальным для Китая был вопрос об объемах и формах восприятия европейского права. В связи с этим Л.М.Гудошников уделял пристальное внимание практике законотворчества Китайской Республики, которая демонстрировала в правовом строительстве удачный пример сочетания национального и зарубежного, т.е. пример достижения приемлемого компромисса между старокитайской правовой традицией и позитивистской школой права.

Очевидно, что только высокопрофессиональный и дружный коллектив ученых под руководством настоящего лидера в состоянии был трудиться столь продуктивно и качественно. Под началом Л.М.Гудошникова находились разные люди с непростыми судьбами и характерами. Однако природная интеллигентность, большая человеческая доброта и порядочность руководителя, его бескомпромиссность к малейшим проявлениям аморализма, сочетающаяся с требовательностью к себе и самоотдачей в работе, позволяли ему объединять этих непохожих, а в ряде случаев и несовместимых людей в сплоченный коллектив и решать непростые производственные задачи.

Прекрасной иллюстрацией этого может служить процесс коллективного написания фундаментальной книги "Правовые аспекты модернизации в КНР", увидевшей свет в 1990 г. Этот "мозговой штурм" был выполнен за короткий период времени, в обстановке величайшего творческого напряжения, с включением новых, доселе совсем не разработанных тем и разделов, вызванных к жизни реалиями реформы. В итоге книга получила высокую оценку не только китаистов, но и ведущих специалистов отечественного правоведения.

Основательной разработке под руководством Л.М.Гудошникова подверглась проблематика китайского уголовного права. Акцентируя внимание специалистов сектора на эту отрасль права Л.М.Гудошников исходил из того, что уголовное право выступает важным компонентом самобытной, древней культуры, традиционно играет особую, ни с чем не сравнимую социально-политическую роль во всей системе китайской государственности. Уголовное право является незаменимым средством обеспечения стабильности в хрупком китайском социуме, инструментом сохранения его особого миропорядка, воспроизводства специфики психотипа китайца.

Определенная Л.М.Гудошниковым направленность научных исследований, обусловила актуальность анализа причин формирования столь исключительной роли китайского уголовного права, которые коренятся в особенностях исторической эволюции правовой формы китайской цивилизации. Иными словами, юридическому анализу норм китайского уголовного права должно было предшествовать, по мнению Л.М.Гудошникова, исследование его в качестве социоэтнического и историко-философского феномена национальной культуры китайского народа.

Такой комплексный, широкий социологический подход Л.М.Гудошников утвердил в практику изучения всех отраслей китайского права.

Сложнейшим направлением в деятельности сектора Л.М.Гудошников являлось исследование китайской цивилистики, развитие которой находилось в контексте эволюции экономических реформ. Это обстоятельство имело свои особенности, заключавшиеся в постепенности наращивания новой нормативной базы отрасли, т.е. растянутости этого процесса на многие годы.

От исследователя требовалось скрупулезное изучение многочисленных постоянных, временных и переходных законов и постановлений, законодательных новелл центрального и провинциального уровня. Сложнейшие вопросы систематизации этих законов, осмысления их взаимодействия, уровня престижа в обществе, степени фактической реализации, соответствия потребностям реформы являлись предметом особой заботы и внимания Л.М.Гудошникова.

В проблематике правосознания китайского народа в качестве ее центральной идеи была обоснована новаторская концепция субъективного права в традиционалистском понимании, позволяющая не только правильно истолковать механизм действия правовых норм, но и объяснить природу правопорядка китайского общества, его социально-управленческие и социально-упорядочивающие функции.

Если правовым выражением субъективной свободы европейца является субъективное право, выступающее в виде сферы юридической свободы, меры юридической возможности, обеспечиваемой юридическими обязанностями и охраной со стороны государства, то для китайца субъективное право - это главным образом сфера моральной свободы, мера моральной возможности, обеспечиваемая моральными обязанностями и охраной со стороны общества.

Аберрация духовного мира личности, происходящая в драматическом поле неестественного взаимодействия на протяжении тысячелетий жесткого *фа* и недосягаемого правила *ли* привели в конце концов к трансформации моральной обязанности в моральное право; в сущности они слились, первое перешло во второе, что в юридическом аспекте способствовало формированию традиционалистского субъективного права на совершение действий в целях упорядочения социальной и личной жизни.

Такое понимание природы правосознания личности в китайском социуме, а также многочисленные достоверные данные, полученные по другим отраслям пра-

ва, позволили Л.М.Гудошникову и его ученикам в историческом контексте проанализировать эволюцию правовой формы Китая, рассмотреть особенности ее современного состояния и приступить к решению центрального вопроса теории права - раскрытию содержания правопонимания.

Были сделаны принципиальные выводы о возможности признания традиционализма в качестве нормативного образования, выполняющего функции права. Традиционализм - как правовое образование - сохранил значение стабильного, привычного регулятора и сумел приспособиться к взаимодействию с системой нарождающегося позитивного права. Однако реализация и первого и последнего в Китае, по мнению Л.М.Гудошникова, оказалась невозможной без всеохватывающей роли уголовного права. Поэтому социальный контроль (право) современного китайского общества понимается как единство системы традиционализма, системы нарождающегося позитивного права и общей подсистемы страха - наказательно-репрессивного фа (уголовного права).

Такое правопонимание Л.М.Гудошникова и его учеников получило одобрение ведущих специалистов научной юридической общественности России.

Л.М.Гудошников - широко признанный ученый в мире синологов и правоведов. В 1986-1990 гг. он избирался членом правления и вице-президентом Европейской ассоциации китаеведения. В настоящее время он является членом Ученого Совета ИДВ РАН, специализированных советов ИДВ и МГИМО, членом редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Поздравляя Л.М.Гудошникова со славным юбилеем хочется от всей души пожелать ему доброго здоровья и новых творческих успехов на благо отечественной науки.

© 1998

*Э.Имамов,
доктор юридических наук*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 15.12.97 г. Подписано к печати 15.01.98 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 14,1 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1070 экз. Зак. 2988.

Оригинал-макет © 1998 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121090 Москва Г-90, Шубинский пер., 6.